

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1917.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVIII-й. Апрель, Май, Июнь. 1917 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Житейскія встрѣчи. Сообщ. <i>А. О. Кони</i>	1—9	ковскаго). Сообщ. <i>Н. О. Леваковскаго</i>	63—79
II. Антъ объ отреченіи	10—11	XI. Пребываніе <i>А. В. Суворова</i> въ м. Опоннѣ. Сообщ. <i>В. Е. Гуриневича</i>	80—81
III. Антъ объ отказѣ.	12	XII. Дневныя записки генерала <i>Патрика Гордона</i> . Сообщилъ <i>П. М. Майковъ</i>	82—96
IV. Николай II о самомъ себѣ. <i>В. П.</i>	13	XIII. Излерьъ и „Минеральныя воды“ въ 1849 г. Сообщ. <i>В. А. Бернацкій</i>	97—98
V. Мимоходомъ. Моя губернаторская эпопея. Сообщ. <i>В. П. Мерцаловъ</i>	14—33	XIV. Забѣтны Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. <i>В. П.</i>	99—123
VI. Цыганка предсказываетъ годъ смерти <i>Александрѣ II</i> . Сообщ. <i>В. Мелега</i>	34	XV. <i>И. Г. Голсвинъ</i> . Императоръ <i>Николай I</i> . Сообщ. <i>В. Коллѣбакинъ</i>	124—137
VII. Незданная письма <i>Н. И. Пирогова</i> . Сообщилъ <i>С. Я. Штрайхъ</i>	35—43	XVI. Русская политика герцога <i>Карла Шведскаго</i> . <i>Л. Гаусмана</i>	138—152
VIII. Княжна <i>Долгорукова (Юрьевская)</i> въ Крыму въ 1880 г. Сообщилъ <i>В. Мелега</i>	44—45	XVII. Воспоминанія <i>И. В. Е.</i> отъ дѣтства до смерти (1841—1869)	153—190
IX. Изъ записокъ <i>Н. В. Исачкова</i> . Сообщилъ <i>П. Н. Исачковъ</i>	46—62	XVIII. Библиографическій листокъ (на обложкѣ).	
X. Университетъ пятидесятихъ годовъ (изъ воспоминаній <i>Н. Лева-</i>			

Приложеніе: Пастой пѣмцевъ въ русской церкви.

Принимается предплатка на „Русскую Старину“ изд. 1917 года.

Подписная цѣна на 1917 годъ — 11 руб., за границу — 13 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

IV — VI книжка „Русской Старины“ вышла 11-го іюня 1917 г.

Бібліографическій листокъ.

Викторъ Никольскій. Исторія русскаго искусства. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Т. I, М. 1915, стр. 252, съ 305 иллюстраціями въ текстѣ и 16-ю приложеніями.

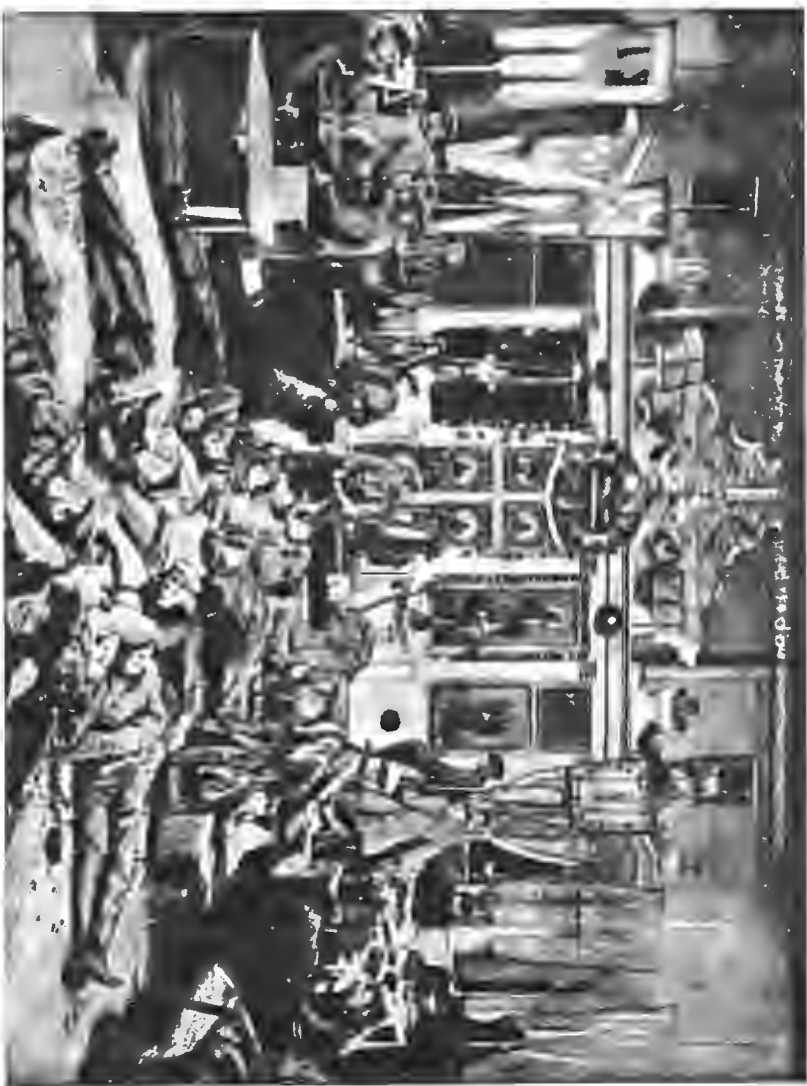
Г. Никольскій, зарекомендовавшій себя серьезнымъ изслѣдователемъ русскаго искусства и глубокимъ знатокомъ его, извѣстенъ уже нѣсколькими хорошими трудами въ этой области. Теперь онъ выпустилъ въ роскошномъ изданіи И. Д. Сытина цѣлую энциклопедію русскаго искусства, въ которой даетъ общій обзоръ развитія въ Россіи архитектуры, скульптуры и прикладного искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Трудъ этотъ составленъ не только на основаніи обильнаго матеріала, собраннаго многочисленными предшественниками автора, но и по непосредственному изученію памятниковъ. Г. Никольскій, въ соответствии съ серьезно понятыми задачами своего труда, подробно останавливается на изображеніи древіяго періода, когда слагались русскіе художественные вкусы и идеалы, когда художественное творчество носило эпическій характеръ. Въ связи съ этимъ онъ и приводитъ многочисленныя иллюстраціи къ тексту, воспроизведя въ своей книгѣ образцы древіяго русскаго зодчества, прикладного искусства, живописи, узоръ и пр. Въ виду обширности темы г. В. Никольскій сдѣлалъ свой обзоръ очень скатымъ и заканчиваетъ первый томъ изслѣдованія XVIII-мъ вѣкомъ, захватывая даже отчасти XIX вѣкъ. Кромѣ нѣсколькихъ сотъ иллюстрацій въ текстѣ, выполненныхъ въ техническомъ отношеніи очень хорошо, къ книгѣ приложено 16 иллюстрацій на отдѣльныхъ вкладныхъ листахъ, прекрасно выполненныхъ въ краскахъ и фототипіей. Книга включена въ хороший полотняный переплетъ, украшенный стильнымъ узоромъ.

С. Я.

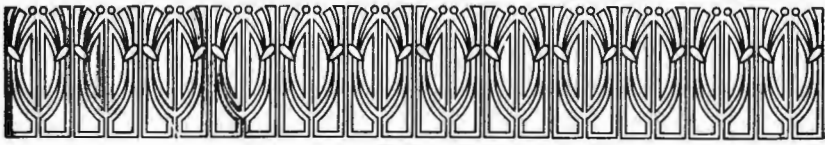
Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ. Петр. 1917. Стр. 145. Ц. 1 р. 50 к.

Въ обширной литературѣ о великомъ русскомъ мыслитель-педагогѣ книга графа А. А. Мусинъ-Пушкина не можетъ претендовать ни на оригинальность темы, ни на своеобразность метода работы, ни, наконецъ, на тщательность выполненія поставленной себя авторомъ задачи. Хотя графъ Мусинъ-Пушкинъ и заявляетъ, что онъ въ своемъ трудѣ пытался избѣжать недостатка другихъ работъ о Пироговѣ, идеями котораго авторы пользуются—де съ предвзятой цѣлью оправданія своихъ партійныхъ программъ и взглядовъ,—но именно ему и не удалось избѣжать этого недостатка. Составилъ почти всю книгу изъ выдержекъ, взятыхъ изъ разныхъ педагогическихъ произведеній Н. И. Пирогова, графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ свои собственные разсужденія по поводу этихъ выдержекъ сводитъ исключительно къ полемикѣ съ школьной политикой графа П. Н. Игнатьева, обвиняя его въ слѣдованіи по пути ложнаго либерализма, въ потаканіи „улицѣ“ и т. п. грѣхахъ. Нападая, въ другихъ своихъ работахъ, на школьную политику Л. А. Кассо, нашъ авторъ не замѣчаетъ даже противорѣчія въ своихъ выступленіяхъ противъ графа П. Н. Игнатьева, который, во всякомъ случаѣ, шелъ по пути, намѣченному для дѣятелей отечественнаго просвѣщенія великимъ русскимъ педагогомъ. Крайне неудачно также сравненіе школьныхъ идеаловъ Пирогова съ идеалами графа Д. А. Толстого, въ каковомъ сравненіи графъ Мусинъ-Пушкинъ слѣдуетъ чрезвычайно странному выводу проф. Т. В. Локотя. Не соответствуетъ дѣйствительности и необоснованно также заявленіе автора о томъ, что радикальный лагерь причислялъ Пирогова къ гасителямъ просвѣщенія, что радикальная печать смотрѣла на него, какъ на крайняго ретрограда, что Пироговъ „сознательно высказывался противъ распространенія частнаго образованія“. Впрочемъ, читателю „Русской Старины“, гдѣ печаталось и печатается все наиболее цѣнное изъ литературно-политическаго и педагогическаго наслѣдія Пирогова, достаточно ясно несоотвѣствіе выводовъ автора книги о Пироговѣ точному смыслу и содержанію литературно-педагогическаго наслѣдія знаменитаго гуманиста.

С. Ш.

Постой нѣмцевъ въ русской церкви. Фотографическій снимокъ изъ нѣмецкаго журнала съ надписью: „Deutsche Einquartierung in einer russischen kirche“. (Издание чрезвычайной следственной комисси).

Житейскія встрѣчи.

V.

Извѣстныя слова московскаго митрополита Платона о томъ, что перегородки между людьми до неба не доходятъ, могли примѣняться къ условіямъ жизни русскаго общества съ большими оговорками. Конечно, до неба, какъ свидѣтельствовалъ знаменитый іерархъ, онѣ не доходили, но стоитъ припомнить хотя бы безправное положеніе старообрядцевъ, отданныхъ на жертву разнымъ „ревнителямъ о вѣрѣ“, чтобы видѣть, какъ высоко подымались эти перегородки вертикально даже въ предѣлахъ одного вѣроисповѣданія. На-ряду съ ними твердо и непоколебимо, стояли перегородки горизонтальныя, дѣлившія общество—провинціальное въ особенности—на рядъ слоевъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга закономъ, бытовыми особенностями, традиціями, застарѣлыми обычаями и предвзятою отчужденностью. Выйти за предѣлы ихъ было очень трудно, если не обладать молчалинскою приспособляемостью и скалозубовскимъ усердіемъ, которое „все преодолагаетъ“. Сколько душевныхъ силъ, исключительныхъ способностей и упорнаго труда было потрачено выдающимися людьми, стремившимися пробиться къ свѣту, къ наукѣ или общественной пользѣ сквозь узкія щели этихъ перегородокъ! Сколько „занозили“ при этомъ свое сердце или поступились своимъ человѣческимъ достоинствомъ...

Тѣмъ цѣннѣе были тѣ, кто занималъ, въ томъ или иномъ отношеніи, видное положеніе и не обращалъ вниманія на эти перегородки,—тѣ, кто, не считаясь съ ними, умѣлъ подъ сословною, племенною или вѣроисповѣдною оболочкою разглядѣть духовное

существо человѣка и оцѣнить его настоящій, а не удѣльный вѣсь для общежитія. Служа одновременно укоромъ и примѣромъ погрязающему въ близорукой односторонности обществу, такіе люди широкихъ взглядовъ приучали послѣднее къ оцѣнкѣ личности независимо отъ наклееннаго на нее ярлыка—и направляли разрозненные общественные взгляды къ однимъ и тѣмъ же нравственнымъ идеаламъ.

Иногда такими людьми бывали лица съ официальнымъ положеніемъ. Стоитъ припомнить, напримѣръ, В. А. Арцимовича на губернаторствѣ въ Тобольскѣ и Калугѣ или К. К. Грота въ той же роли въ Самарѣ,—умѣвшихъ объединить вокругъ себя сотрудниковъ, работавшихъ по подготовкѣ и осуществленію освобожденія крестьянъ, и находившихъ отдыхъ отъ житейской борьбы и злостныхъ инсинуаций не за карточнымъ столомъ, а въ кругу спаянныхъ одинаковыми стремленіями мѣстныхъ дѣятелей—или, подобно Гроту, говорившихъ послѣ тяжелаго дня своимъ сослуживцамъ: „а не почитать ли намъ Пушкина?“.

Чаще эта роль принадлежала выдающимся по характеру, независимому общественному положенію и вліянію женщинамъ. Такія встрѣчались иногда и преимущественно въ провинціи и въ Москвѣ. Ихъ имена мелькаютъ въ мемуарахъ современниковъ, и одну изъ нихъ яркими чертами обрисовалъ Толстой въ своей русской Иліадѣ. Обыкновенно официальнымъ средоточіемъ, вокругъ котораго вращалась губернская жизнь такъ называемаго общества, являлась жена начальника губерніи, становившаяся во главѣ мѣстныхъ благотворительныхъ учреждений и различныхъ предпріятій въ этомъ родѣ и быстро вырабатывавшая въ себѣ по отношенію къ окружающимъ благосклонность взора и улыбку благоволенія. Но высшее служилое губернское населеніе рѣдко пускало прочные корни на мѣстѣ, подвергаясь переносамъ и повышеніямъ. И на-ряду со смѣняющимися, какъ китайскія тѣни, мимолетными образами высшихъ представительницъ служебнаго сословія нерѣдко возникалъ прочный и устойчивый образъ „сторожилки“. Ее обыкновенно окружали не „всепокорнѣйшіе слуги“ и поспѣшныя подражательницы манеръ и вкусовъ, а свободно выросшее почтеніе на почвѣ признанія ея ума, житейскаго опыта и сложившагося годами участливаго и самостоятельнаго отношенія къ явленіямъ окружающей жизни. Мѣнялись и уходили представители бюрократіи и мѣстныя власти, а „сторожилка“ оставалась неизмѣнно на своемъ посту—авторитетная, безъ казеннаго обличья,—свободная во мнѣніяхъ и зорко-разборчивая, несмотря на тра-

диціонное гостепріимство, въ оцѣнкѣ людей. Смерть подобной женщины въ годы дѣятельной ея жизни оставляла долго ощущаемую пустоту.—смерть въ преклонномъ возрастѣ развертывала въ пережившихъ ее цѣлый клубокъ свѣтлыхъ воспоминаній.

Такою была недавно скончавшаяся въ Харьковѣ 85 лѣтъ отъ роду, *Александра Гавриловна Харина*. Жена и затѣмъ вдова богатаго помѣщика Воронежской губерніи, выросшая въ зажиточной семьѣ, она вошла въ жизнь Харьковскаго общества во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ, когда послѣ Крымской войны на пышно распустившейся крѣпостной бытъ въ его разнообразныхъ проявленіяхъ повѣяло первымъ дыханіемъ морозныхъ утренниковъ. Освобожденіе крестьянъ, неизбѣжная близость котораго чувствовалась въ воздухѣ, взволновало провинціальную жизнь до дна. Въ ея мертвящія формы и догматы проникли микробы разложенія и возрожденія, вызывая ожесточеніе многихъ владѣльцевъ „крещеной собственности“, надѣявшихся, подобно знаменитому московскому сатрапу Закревскому, что „въ Петербургѣ оставляютъ эти глупости“,—и восторженную готовность содѣйствія со стороны отдѣльныхъ группъ. При видимомъ внѣшнемъ спокойствіи провинціальное общество глубоко раскололось. Если официальнымъ лицамъ волей или неволей не приходилось рѣзко протестовать противъ шедшихъ изъ Петербурга указаній, то не зависящимъ отъ службы, но тѣмъ не менѣе выдающимся въ обществѣ людямъ, желавшимъ „сохранить свое лицо“, приходилось неизбѣжно присоединиться къ одному изъ двухъ образовавшихся теченій. Жадный къ воспріятію новыхъ впечатлѣній, живой и гибкій умъ и чуткое сердце указали Александрѣ Гавриловнѣ, на чьей сторонѣ суцая правда и справедливость. Она безповоротно стала на сторону новыхъ началъ русской жизни, начатыхъ съ отиѣны крѣпостного права, и неизмѣнно осталась на протяженіи шести десятилѣтій вѣрною широкимъ взглядамъ на необходимость послѣдовательнаго гражданскаго обновленія родины. Всегда радостно относившаяся къ осуществленію великихъ реформъ шестидесятихъ годовъ, она съ нескрываемою грустью и негодованіемъ отиѣчала ихъ искаженіе, систематическое замедленіе или лукавое непониманіе необходимой между ними гармоніи. Ея обширный домъ, въ видѣ замка въ стилѣ поздней англійской готики, окруженный тѣнистымъ садомъ, былъ не только гостепріимно открытъ во дни пріемовъ и домашнихъ празднествъ, собиравшихъ „весь Харьковъ“, но и являлся мѣстомъ умственнаго отдыха и обмѣна серьезныхъ взглядовъ для осѣдлыхъ и пріѣзжихъ представителей науки и ли-

тературы и для судебныхъ и общественныхъ дѣятелей. Здѣсь велись долгія и ничѣмъ не стѣсняемыя бесѣды по острымъ или назрѣвшимъ вопросамъ, и нерѣдко читались доклады по разнымъ отраслямъ знаній или находившіяся еще въ рукописи выдающіяся произведенія, какъ, на примѣръ, „соната Крейцера“ до ея появленія въ свѣтъ.

Образованная и начитанная, умѣвшая сохранить въ своемъ обиходѣ добрыя стороны прошлой жизни,—привѣтливая, однако безъ назойливаго и неразборчиваго хлѣбосолюства, она умѣла объединять у себя—для всѣхъ легко и удобно,—и молодежь, проникнутую „радостью жизни“, и оживленный смѣхъ дѣтскихъ игръ, и уравновѣшенность уже отживающихъ людей, и тревожную отзывчивость зрѣлыхъ людей на требованія и задачи дѣйствительности. Вотъ почему вновь поселившемуся не на краткій срокъ въ Харьковѣ, нерѣдко на-ряду съ желаніемъ узнать, какое впечатлѣніе произвели на него губернаторъ, архіерей и другіе „командующіе на заставахъ“—предлагался вопросъ: „Ну, а съ Александрой Гавриловной вы имѣли случай познакомиться“?

Искать знакомства съ нею и дорожить имъ побуждали не только ея несомнѣнный умъ и житейскій тактъ, но и ея не показная, а искренняя сердечность въ отношеніяхъ къ людямъ. Воспитанная въ старой школѣ вѣжливости и приличія,—нынѣ, къ сожалѣнію, почти упрядненной,—она относилась со вниманіемъ и вдумчивостью ко мнѣніямъ своихъ собесѣдниковъ и *умѣла*,—что рѣдко у насъ случается—*слушать*. Но она была далека отъ молчаливой терпимости или поддакиванія, хотя бы и въ шутовскомъ тонѣ, тому, что по ея убѣжденію было вредно или дурно въ общественной или частной жизни. Ея сердцу была чужда слезливая и неразборчивая чувствительность и поспѣшное распаханіе дверей души предъ всякимъ мимоидущимъ. Но отзывчивое на дѣйствительное горе и муку, ея сердце способно было трогательно раздѣлять первое и тонко понимать вторую. Когда ей приходилось встрѣтиться съ настоящимъ страданіемъ, а приходилось часто—она не ограничивалась соболѣзнованіемъ, а стремилась не только успокоить, но и придумать исходъ изъ создавашагося положенія. Кончина ея не можетъ не вызвать во многихъ благодарныхъ воспоминаній о тѣхъ дняхъ, когда, входя со сжатымъ болью сердцемъ и омраченною душою въ ея свѣтлый, уютный кабинетъ—они уходили оттуда успокоенные нравственно и нерѣдко облегченные въ своей матеріальной нуждѣ. Чуждая всякаго внѣшняго оказательства творимаго ею добра, она слѣдовала завѣту о правой рукѣ, не вѣ-

дающей, что дѣлаетъ лѣвая, и любила втихомолку „подвизывать крылья“ людямъ бѣднымъ, трудоспособнымъ и даровитымъ, но безпомощнымъ на первыхъ шагахъ своего житейскаго пути. вмѣстѣ съ тѣмъ она считала себя обязанною принимать активное участіе въ общественной благотворительности и въ поддержаніи разныхъ мѣстныхъ учрежденій общественнаго характера. Много лѣтъ она была дѣятельнымъ членомъ Харьковскаго Благотворительнаго Общества и Попечительницею двухъ женскихъ гимназій—казенной и частной, содержа въ одной изъ нихъ на свой счетъ рядъ воспитанницъ. Уже въ очень преклонномъ возрастѣ одушевилась она идеей почтить благородную житейскую и научную дѣятельность знаменитаго Харьковскаго окулиста, профессора Гиршмана, устройствомъ глазной больницы его имени, и стала во главѣ кружка, собравшаго на это подъ ея руководствомъ около 60.000 рублей.

Я узналъ ее въ 1869 году при довольно оригинальныхъ условіяхъ. Въ 1867 году въ Харьковскомъ судебномъ округѣ была введена судебная реформа, внесшая большое оживленіе въ мѣстное общество. Старыхъ приказныхъ людей и подъячихъ, въ плотномъ кругу которыхъ тонули отдѣльныя достойныя личности, смѣнили люди съ повышеннымъ образовательнымъ цензомъ, съ живымъ словомъ вмѣсто мертвой канцелярской переписки, съ горячимъ желаніемъ осуществить на практикѣ свѣтлыя завѣты творцовъ Судебныхъ Уставовъ. Въ судѣ раздалось свободное слово защиты,—недавній рабъ, подлежавшій, еще пять лѣтъ назадъ, продажѣ и покупкѣ, возсѣлъ на скамьѣ присяжныхъ рядомъ съ представителями всѣхъ сословій,—наука въ живомъ и поучительномъ обмѣнѣ взглядовъ и выводовъ между экспертами—профессорами университета пришла на помощь гласному отправленію правосудія. Между молодыми людьми, имѣвшими счастье быть призванными на служеніе новому судебному строю, было много пріѣзжихъ изъ уже открытыхъ Петербургскаго и Московскаго округовъ. Харьковское общество отнеслось къ нимъ съ большимъ интересомъ, какъ бы повторяя слова поэта: „здравствуй племя младое, незнакомое“! Но всѣ они, отдаваясь всецѣло новому дѣлу, были крайне заняты и фактическое сближеніе ихъ съ лучшими представителями мѣстнаго общества, не принадлежавшими къ судебному вѣдомству, совершалось медленно.

Къ числу этихъ молодыхъ людей принадлежалъ и я. По должности Товарища Прокурора Харьковскаго Окружнаго суда я давалъ заключенія въ городскомъ Съѣздѣ мировыхъ судей и

выѣзжалъ два раза въ мѣсяць для того же въ уѣздные города Валки и Богодуховъ,—имѣлъ подъ своимъ наблюдениемъ пять слѣдственныхъ участковъ и часто выступалъ въ засѣданіяхъ подѣламъ съ присяжными засѣдателями. Все это совершенно не давало возможности бывать въ „обществѣ“—и рѣдкій досугъ приходилось проводить въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ. Лѣтомъ 1869 года крайнее переутомленіе и малокровіе, сопровождаемое горловыми кровотечениями, вынудили меня поѣхать, по совѣту врачей, во Франценсбадъ, воды котораго въ то время считались чуть ли не панацеею отъ всѣхъ „лихихъ болѣстей“.

Однажды, придя въ Post-Hof, гдѣ предстояло обѣдать съ семьей члена Харьковской Судебной Палаты Яблонскаго, я засталъ сидящую съ ними незнакому мнѣ даму, подъ сорокъ лѣтъ, высокую и стройную, съ умными свѣтло-карими глазами и мягкими чертами не красиваго, но привлекательнаго лица. Шелъ оживленный разговоръ, въ разгарѣ котораго насъ забыли назвать другъ другу, быть можетъ предполагая, что мы уже знакомы. Послѣ обѣда Яблонскіе ушли „отдыхать“, а я и моя незнакомка вышли въ паркъ, пробродивъ и просидѣвъ въ немъ болѣе двухъ часовъ, увлеченные бесѣдой на разныя общественныя и житейскія темы.

Тонкая наблюдательность, остроумныя обобщенія, богатый жизненный опытъ, справедливое отношеніе къ людямъ, въ личности которыхъ моя собесѣдница искусно отмѣчала свѣтъ и тѣни, объясняя послѣднія и подчеркивая первый—и, наконецъ, вдумчивое отношеніе ея къ явленіямъ нашей государственной и бытовой жизни, и удивили, и очень заинтересовали меня. Время пролетѣло незамѣтно. Спросить, съ кѣмъ я „имѣю честь“ бесѣдовать, было неловко. Чувствовалось лишь, что это давняя Харьковская жительница. У входа въ гостиницу, гдѣ она остановилась, на ея вопросъ: „извините меня, но я вѣдь не знаю, съ кѣмъ именно провела я это время?“—я назвалъ себя. „Ну вотъ, какъ это странно... Я Харина, и у меня не разъ являлось желаніе познакомиться съ вами, но мнѣ говорили, что вы нелюдимъ, и я не хотѣла стѣснять Васъ своимъ приглашеніемъ или получить вѣжливый отказъ“. „Я дѣйствительно, очень занятъ,—отвѣтилъ я—а вы, какъ я слышалъ, занимаете въ Харьковѣ такое исключительное положеніе, что я не стремился, подобно многимъ, идти къ вамъ на поклонъ“. „Ну вотъ видите,—сказала она, улыбаясь,—сама судьба устроила наше знакомство и я надѣюсь, оно будетъ продолжаться“.

Съ тѣхъ поръ среди размѣренной и однообразной жизни водяного курорта мы встрѣчались почти ежедневно, и я имѣлъ возможность оцѣнить выдающійся умъ Хариной и ея замѣчательную способность дать каждому чувствовать себя легко и свободно. Иногда мы предпринимали вмѣстѣ съ Яблонскими поѣздки въ окрестные маленькіе городки—Эгеръ, съ его историческими воспоминаніями, Фалькенау, а также ѣздили въ Карлсбадъ, тогда еще не соединенный желѣзной дорогою съ Франценсбадомъ. Последняя поѣздка оставила во мнѣ живое воспоминаніе объ остроуміи Яблонскаго и своеобразномъ способѣ выразиться его жены—сестры знаменитаго Мечникова—рѣчь которой изобиловала совершенно неожиданными оборотами. Такъ, на примѣръ, находя, что освѣщеніе улицъ въ Карлсбадѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ во Франценсбадѣ, она сказала намъ: „а, вѣдь, здѣсь гораздо фонарѣе, чѣмъ у насъ“.

Я оцѣнилъ, въ это время, и вдумчивую сердечность Александры Гавриловны. На порогѣ молодости мнѣ пришлось много страдать отъ сомнѣній и скорби, вызываемыхъ однимъ изъ тѣхъ житейскихъ гордіевыхъ узловъ личнаго характера, развязать которые не всегда хватаетъ умѣнія, а нерѣшительная мысль о разрубаніи которыхъ причиняетъ безысходную боль. Она умѣла чуть-емъ понять мое душевное состояніе, хотя я о немъ никогда не говорилъ, и съ тонкою и догадливою деликатностью помогла мнѣ разобраться въ томъ, что меня смущало и угнетало. Вернувшись осенью въ Харьковъ, я уже пошелъ къ ней, какъ къ старому и испытанному другу, и затѣмъ, перейдя на службу въ Петербургъ, унесъ съ собою воспоминаніе о ея домѣ и семьѣ какъ о чемъ-то мнѣ родномъ и близкомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя судьба послала мнѣ счастливую возможность въ свою очередь смягчить материнскіе горе и тревогу Хариной, вызванные характерными условіями режима времени конца 70-хъ годовъ, о чемъ я подробно разскажу въ моихъ воспоминаніяхъ судебного дѣателя.

Харьковъ былъ поприщемъ первыхъ шаговъ моей судебно-общественной дѣятельности. Въ немъ остались сослуживцы и друзья, бывшіе „сотрудниками жизни“ въ моей молодости. И гдѣ бы я ни былъ потомъ, при всякой возможности воспользоваться краткимъ отдыхомъ, я чувствовалъ, что „невольнo къ этимъ берегамъ (довольно впрочемъ невзрачнымъ) влечетъ меня невѣдомая сила“... И въ теченіе сорока лѣтъ неоднократно посѣщалъ я дорогой мнѣ по воспоминаніямъ городъ, всегда находя радушный пріютъ въ обширномъ домѣ Александры Гавриловны. Иногда пре-

быванія въ немъ были довольно продолжительны. Такъ, назначенный по высочайшему повелѣнію руководить изслѣдованіемъ причинъ крушенія 17-го октября 1880 года императорскаго поѣзда между станціями „Борки“ и „Тарановка“ и проживъ на мѣстѣ катастрофы три недѣли, я поселился затѣмъ у Хариной, что освобождало меня отъ неудобства пребыванія въ гостиницѣ, гдѣ было бы трудно оградиться отъ назойливыхъ и любознательныхъ посѣтителей,—и давало возможность сосредоточиться исключительно на сложныхъ перепитіяхъ дѣла, взволновавшаго всю Россію. Не могу не отмѣтить, что хозяйка, предоставившая въ мое распоряженіе для дѣловыхъ объясненій свою прекрасную залу, была такъ деликатна, что никогда не спрашивала меня ни о какихъ подробностяхъ слѣдствія, несмотря на то, что ее, конечно, осаждали просьбами и разпросами именно объ этомъ.

Увѣренность моя въ томъ, что, вырвавшись изъ столичной дѣловой суеты, я найду у Хариной на нѣсколько дней тихое пристанище для физическаго и умственнаго отдыха, никогда меня не обманывала. И теперь, когда я пишу эти строки, передо мною возникаетъ рядъ дорогихъ мнѣ образовъ тѣхъ людей, которые составляли кругъ постоянныхъ посѣтителей всеѣми ими искренно уважаемой хозяйки, бывая у нея каждый проѣздъ или приходя обычными гостями.

Я вижу—грузнаго, съ милой улыбкой и тяжелою поступью. Максима Максимовича Ковалевскаго, вносящаго въ бесѣду свой живой юморъ и добросердечную серьезность; оригинальную фигуру профессора Дмитрія Ивановича Каченовскаго, соединявшаго съ возвышенными общественными идеалами нѣжную и поэтическую любовь къ природѣ и искусству, и слышу его тихое, всегда какъ бы взволнованное слово; вижу чуткихъ и отзывчивыхъ профессоровъ Стоянова, Сумцова и Краснова съ его увлекательными разказами изъ области этнографіи и землевѣдѣнія; создателя ботаническаго сада удивительнаго по богатству акклиматизируемыхъ породъ растений, близъ заштатнаго городка Краснокутска (Харьковской губерніи), Ивана Ивановича Каразина, полнаго внутренняго огня и жажды дѣятельности; почтеннаго патріарха мѣстныхъ земскихъ учреждений Егора Степановича Гордѣнко; моихъ товарищей, сотрудниковъ и уважаемыхъ противниковъ въ стѣнахъ суда Фукса—Морошкина и профессора Владимірова; вижу полную энергіи и жизни фигуру извѣстнаго хирурга В. М. Грубе; всеѣми любимаго, сіявшаго тихимъ свѣтомъ безконечной доброты В. Г. Пономарева; Г. А. Тобизена, умѣло соединявшаго свою губернаторскую власть

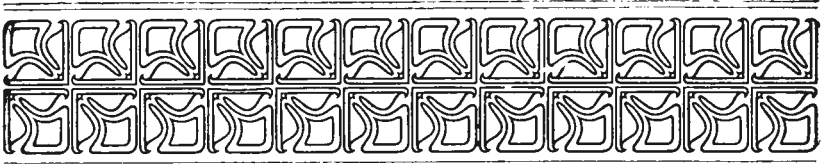
съ сочувствіемъ всѣмъ лучшимъ общественнымъ начинаніямъ, и, наконецъ, милого въ своей кротости, возвышеннаго въ своемъ умѣнъ сострадать и знаменитаго въ своей медицинской профессіи блѣднаго, усталого и всегда забывающаго о себѣ Леонарда Леопольдовича Гиршмана, упоминая имя котораго, хочется сказать: „tale nomen nullum par elogium“. И, какъ связующее звено между этими разнообразными людьми, рисуется мнѣ она, такъ недавно почившая, „насытись днями“ жизни, полной разумнаго содержанія, и ушедшая въ другой міръ съ твердымъ и теплымъ упованіемъ на милосердіе Пославшаго ее въ этотъ.

А. Ө. Кони.

25 декабря 1916 года.

Актъ объ отреченіи Государя Императора Николая II отъ престола Государства Россійскаго въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича.

(Вѣстникъ Временнаго Правительства 1917 г. № 1).

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуетъ доведенія войны, во что бы то ни стало, до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали Мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, Мы передаетъ наслѣдіе наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

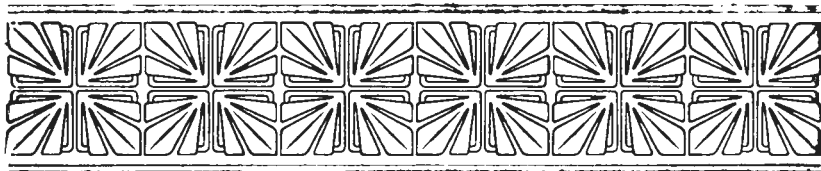
На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Гор. Псковъ.

2-го марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Скрѣпилъ: министръ императорскаго двора, генералъ-адъютантъ графъ *Фредериксъ*.

**Актъ объ отказѣ Великаго Князя Михаила Александровича
отъ воспріятія верховной власти и о признаніи имъ всей
полноты власти за Временнымъ Правительствомъ, возник-
шимъ по почину Государственной Думы.**

(Вѣстникъ Временнаго Правительства 1917 г. № 1).

Тяжкое бремя возложено на Меня волею брата моего, передавшаго мнѣ императорскій всероссійскій престолъ въ годину безпримѣрной войны и волневій народныхъ.

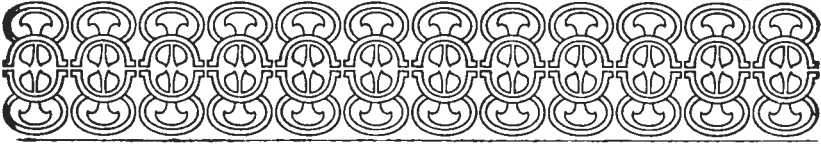
Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принялъ Я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспріять верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ, чрезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи, установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго.

Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти; впредь до того, какъ созданное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

На подлинномъ подписано:

„МИХАИЛЬ“.

3 марта 1917 г.
Петроградъ.

Николай II о самомъ себѣ.

Въ 1905 году, во время освободительнаго движенія, одинъ изъ товарищей министровъ, подавшій прошеніе объ отставкѣ, представлялся императору Николаю II.

Во время разговора представлявшемуся былъ предложенъ вопросъ.—Чѣмъ Вы будете заниматься, когда покинете службу?

— Уѣду въ деревню и буду тамъ заниматься историческими работами.

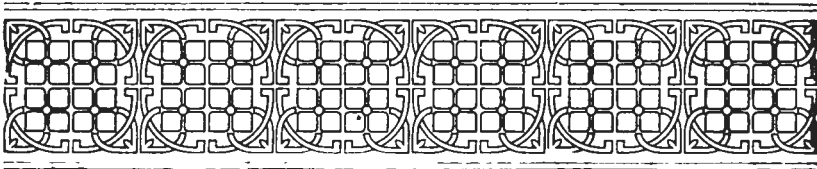
— Ахъ, какъ я бы хотѣлъ быть на Вашемъ мѣстѣ.

Помолчавъ немного, императоръ закончилъ приѣмъ словами: „Я родился въ день Іова многострадальнаго ¹⁾ и все, что бы я ни задумалъ, ничто мнѣ не удастся“.

П.

---

¹⁾ 6 мая.

МИМОХОДОМЪ.

Моя губернаторская эпопея.

„Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ“.

Политическія дѣла.

Приступаю къ изложенію политической дѣятельности и, главнымъ образомъ, нижеслѣдующаго политическаго дѣла, которое единственно и глубоко-несправедливо было причиной выхода моего изъ губернаторства Томской губерніи.

Въ половинѣ августа 1880 г. отъ директора департамента полици барона Веліо я получилъ такую телеграмму:

„Если партія государственныхъ преступниковъ № 26 находится въ предѣлахъ Томской губерніи, прошу отдѣлить отъ ней и задержать Петра Боголюбова, партію отправить дальше, довести министру“.

Партія находилась въ гор. Маріинскѣ (Томск. губ.), почему дана была телеграмма исправнику о задержаніи Боголюбова.

Дня черезъ 4 получена мною шифрованная депеша непосредственно отъ министра графа Лорисъ-Меликова слѣдующаго содержания:

„По Высочайшему повелѣнію.

„Государь Императоръ, по новомъ разсмотрѣніи дѣла о дворянинѣ Петрѣ Боголюбовѣ, признавъ его ни въ чемъ неповиннымъ, всемилостивѣйше повелѣтъ соизвоилъ: совершенно освободить дворянина Боголюбова и возвратить на родину не въ качествѣ арестованнаго. Прошу исполнить и увѣдомить“.

(Подписано) Графъ Лорисъ-Меликовъ.

Черезъ 2 дня посланный мною стражникъ привезъ ко мнѣ Боголюбова, котораго впрочемъ я уже и раньше видѣлъ, когда осматривалъ партію № 26. Это былъ юноша 18 лѣтъ, худой, заморенный со впалыми глазами и землистымъ цвѣтомъ лица; одѣтъ онъ былъ въ шерстяную рубашку; бѣлье сильно заношенное; багажа никакого.

Объявивъ ему царскую милость, которою онъ, видимо, былъ очень тронутъ, я сказалъ, что потомъ поговорю съ нимъ подробно, а между тѣмъ спросилъ, есть ли у него какой-либо багажъ и сохранились тѣ 36 руб., которые находились на рукахъ у партіоннаго офицера ¹⁾? Боголюбовъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтилъ, что верхнее пальто и бѣлье, какое было у него, онъ отдалъ больному и совершенно бѣдному товарищу и на его же имя просилъ ротмистра переписать 36 руб.

Затѣмъ я предложилъ ему отправиться въ гостиницу, куда принесутъ ему бѣлье, взять приготовленную уже тамъ ванну и вообще привести себя послѣ дальней дороги въ порядокъ, а въ 5 часовъ придти ко мнѣ обѣдать.

Вотъ, печальная повѣсть, которую рассказалъ Боголюбовъ послѣ обѣда.

„Отецъ мой былъ старшимъ совѣтникомъ Черниговскаго губернскаго правленія, и пока онъ былъ живъ, наша семья (мама, старшій братъ Иванъ и я) существовала довольно хорошо.

„Умеръ отецъ, когда мы были въ школьномъ возрастѣ, и скоро стали мы испытывать большія затрудненія. Братъ успѣлъ кой-какъ кончить гимназію и поступилъ въ Кіевскій университетъ, а я въ 16 лѣтъ (отъ роду дошелъ только до 6 класса, а дальше въ Черниговѣ жить было нечѣмъ. Поэтому при помощи одного знакомаго я уѣхалъ въ Харьковъ и поступилъ въ ветеринарный институтъ. Но не прошло и полгода, какъ по телеграммѣ начальника Черниговскаго жандармскаго управленія я былъ арестованъ и заключенъ въ одиночную камеру Бѣлгородской тюрьмы, гдѣ я пробылъ ровно годъ; затѣмъ былъ переведенъ въ Вышневолоцкую тюрьму и по истеченіи 6 мѣсцевъ былъ присоединенъ къ партіи № 26 и отправленъ въ Восточную

¹⁾ Губернаторы обязаны были осматривать каждую партію госуд. преступниковъ, слѣдовавшихъ чрезъ ихъ губерніи; провѣрять у партіонныхъ начальниковъ денежные книжки и самую наличность; выдавать преступникамъ и принимать отъ нихъ письма и наконецъ разбирать претензіи.

Сибирь подь надзоръ полиціи. Въ чемъ меня обвиняли, я не знаю; никто объ этомъ мнѣ не заявлялъ и никто не дѣлалъ мнѣ никакого допроса. Только изъ письма мамы, случайно переданнаго мнѣ, я узналъ, что въ Черниговѣ былъ у кого-то (но не у насъ) сдѣланъ обыскъ, при чемъ найдена была карточка Богдановича и на ней карандашемъ былъ написанъ нашъ адресъ. Обратились къ мамѣ, она сказала, что я въ Харьковѣ, а гдѣ старшій сынъ, не знаетъ, такъ какъ уже болѣе 10 мѣсяцевъ не получаетъ отъ него никакихъ извѣстій. Еще мама сообщила, что она переѣхала на хуторъ близъ Стародуба, куда и мнѣ придется отправиться*.

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ рассказъ несчастнаго, загубленнаго мальчика. О, жандармы! много вы надѣлали злыхъ дѣлъ... и остались неувязимы. Въ теченіе продолжительной (56-лѣтн.) службы я не слышалъ, чтобъ кто-либо изъ жандармовъ подвергся какому-либо наказанію, несмотря на ужасный произволъ, который они себѣ позволяли и позволяютъ. Подумайте: на полтора года бросить въ одиночное заключеніе 16-лѣтняго мальчика, ни въ чемъ неповиннаго!.. И кто же? Какой-то тамъ полковникъ или ротмистръ такъ распоряжаются свободой, здоровьемъ и самою жизнью гражданъ.

Разставаясь съ Боголюбовымъ, я предупредилъ, что завтра онъ получитъ проходное свидѣтельство и прогонныя изъ казны деньги, а послѣзавтра онъ долженъ отправиться въ путь съ послѣднимъ рейсомъ парохода (31 августа).

Независимо этого, въ виду наступившаго холоднаго времени, я послалъ Боголюбову въ гостиницу теплое пальто, шапку, галоши и пледъ, всего на 75 руб., изъ которыхъ 25 руб. уплатилъ въ магазинъ я изъ собственныхъ, а остальные были взяты изъ благотворительной суммы, собранной моею женою со спектаклей и концертовъ для воспособленія воспитанницамъ женскаго духовнаго училища, которыхъ содержали впроголодь.

Боголюбовъ доѣхалъ до Стародуба благополучно, какъ извѣстилъ онъ меня письмомъ. Но чрезъ 2 мѣсяца Стародубскій исправникъ донесъ, что Боголюбовъ вскорѣ по пріѣздѣ умеръ отъ чахотки, которою, по заявленію врача, былъ уже давно боленъ.

Во избѣжаніе какого-либо недоразумѣнія нахожу неизлишнимъ упомянуть, что въ Сибири нѣтъ предводителей дворянства, ихъ замѣняютъ губернаторы. Поэтому къ столь жестоко и безвинно пострадавшему дворянину, признанному самимъ госуда-

ремь „ни въ чемъ неповиннымъ“, я обязанъ былъ отнестись не только формально, но и съ нѣкоторымъ теплымъ участіемъ, какъ предводитель дворянства, и тѣмъ хоть въ минимальнѣйшей долѣ смягчить горечь нанесенной дворянину обиды.

Само собою разумѣется, что никто не зналъ содержанія шифрованной депеши, но всѣ видѣли, что изъ Маріинска привезенъ государственный преступникъ, узнали, что онъ у губернатора обѣдалъ, что ему на складочныя деньги куплено теплое платье и, наконецъ, что онъ уѣхалъ, неизвѣстно куда.

И вотъ, не зная главнаго, т. е. депеши, а только на основаніи внѣшнихъ данныхъ, начальникъ жандармскаго управленія полковникъ Александровъ соорудилъ такой доносъ:

„Губернаторъ Мерцаловъ самовольно освободилъ изъ Сибири государственнаго преступника Боголюбова, изъ-за котораго Вѣра Засуличъ стрѣляла въ генерала Трепова, сдѣлалъ для него обѣдъ и подписку и отправилъ, неизвѣстно куда“ ¹⁾.

Повидимому, сначала этому доносу не было придано значенія потому, вѣроятно, что директоромъ былъ еще баронъ Веліо, который зналъ это дѣло и видѣлъ, конечно, всю нелѣпость измышленія полковника Александрова. Но когда перемѣнился министръ (графъ Игнатьевъ) и директоръ (Шлеве), да вѣроятно другіе младшіе чины,—то вмѣсто наведенія справки въ департаментъ съ шифрованной депешей и моими донесеніями министру признано было нужнымъ выяснить это дѣло окольнымъ путемъ, что и возложено было на товарища прокурора Кіевской судебной палаты М. Р. Романова при содѣйствіи жандармскаго капитана Иванова, командированныхъ въ Сибирь собственно для разслѣдованія причинъ и способовъ побѣговъ государственныхъ преступниковъ.

Сей юный товарищъ прокурора не нашелъ ничего умнѣе, какъ обратиться къ тому же полковнику Александрову, который и подтвердилъ, конечно, содержаніе своего доноса, а капитанъ Ивановъ дѣйствовалъ преимущественно съ задняго крыльца, добываясь истины (?) у горничныхъ, прачекъ и проч.

И вотъ, на основаніи такого дознанія департаментъ полиціи съ шефомъ жандармовъ Оржевскимъ составилъ всеподданнѣйшій обвинительный докладъ, который оказался, какъ это будетъ

¹⁾ Прискорбный инцидентъ „Боголюбовъ — Треповъ — Вѣра Засуличъ“ произошелъ, если не ошибаюсь, въ 1867 году, и очевидно, тотъ Боголюбовъ не имѣлъ ничего общаго съ 18-лѣтнимъ юношей, котораго по высочайшему повелѣнію я долженъ былъ освободить въ 1880 году, т. е. 13 лѣтъ спустя.

видно ниже, полнѣйшею жалкою нелѣпостью, поставившею Оржевскаго въ необходимость принести предъ Императоромъ Александромъ III извиненіе въ напрасно взведенномъ на меня обвиненіи, а мнѣ лично сказать: „мы виноваты, впади въ ошибку, но не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ“.

Но буду рассказывать по порядку.

Въ концѣ 1882 года я потерялъ единственнаго сына, юношу 16 лѣтъ, и до такой степени былъ потрясенъ этимъ несчастіемъ, что по совѣту мѣстныхъ врачей и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ я предпринялъ поѣздку въ Петербургъ, чтобы воспользоваться совѣтами профессоровъ Воткина и Мержеевского для возстановленія моего разстроеннаго здоровья.

Но въ Петербургѣ меня ожидало новое несчастіе. Директоръ депар. общ. д. Заяка объявилъ мнѣ, что мною недоволенъ новый (уже 4-й) министръ графъ Д. А. Толстой и что я долженъ немедленно отправиться къ товарищу министра статсъ-секретарю Дурново для личныхъ объясненій.

Объясненіе состоялось въ томъ же день. Дурново объявилъ мнѣ, что департаментъ полиціи въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ обвинилъ меня въ слѣдующемъ:

1) что я окружилъ себя поляками и покровительствовалъ евреямъ и нигилистамъ;

2) что относительно государственныхъ преступниковъ я въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1881 г. выразилъ мысль о необходимости освободить Томскую губернію отъ дальнѣйшей ссылки упомянутыхъ лицъ, въ виду скораго открытія въ Томскѣ университета, а между тѣмъ самъ же переводилъ поднадзорныхъ въ Томскъ, подъ предлогомъ отсутствія въ уѣздныхъ городахъ запроса на интеллигентный трудъ;

3) что я въ разговорѣ съ аккредитованнымъ (по высоч. пов.) лицомъ выразился о государственныхъ преступникахъ, что это—борцы за идею, къ которымъ я не могу не относиться съ нѣкоторой долей симпатіи;

4) что я самовольно освободилъ государственнаго преступника Боголюбова и сдѣлалъ въ пользу его сборъ;

5) что разрѣшилъ шестерымъ госуд. преступникамъ проводить умершаго ихъ товарища на кладбище;

6) что допустилъ уголовнаго (не политическаго) ссыльнаго Корша заведывать неофициальною частью „Томскихъ губернскихъ вѣдомостей“;

7) что я перевелъ изъ Каинска въ Томскъ государственнаго преступника (по д. 193) Мокіевскаго-Зубокъ съ семьей по той причинѣ, что онъ мой родственникъ (по матери),

и 8) что томскій епископъ Петръ признаетъ меня малоправославнымъ, а почему?—не объяснилъ.

Вотъ, обвинительный актъ, предъявленный мнѣ департаментомъ полиціи.

Прежде всего я заявилъ г-ну Дурново, что для возстановленія въ памяти того, что происходило въ теченіе трехъ лѣтъ, мнѣ необходимо самому прочесть докладъ, и тогда я дамъ *письменный* отвѣтъ. Но товарищъ министра отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не уполномоченъ на это министромъ, а предложилъ теперь же объясниться словесно.

Но какъ только на каждый пунктъ я начиналъ давать объясненія и возраженія, какъ Дурново останавливалъ меня, говоря: „о, ваше превосходительство“ такимъ тономъ, что—значить—мои объясненія и возраженія, которыхъ я еще и не высказалъ, совершенно излишни и не заслуживаютъ никакого вниманія. Послѣ трехъ-четыреухъ возгласовъ его „о, ваше превосходительство“ я увидѣлъ, что никакого толка изъ этого объясненія не будетъ и, чувствуя, что такой грубый недобросовѣстный пріемъ, допущенный г-мъ Дурново, можетъ довести меня до крайняго раздраженія, я заявилъ ему, что всѣ эти обвиненія представляются или вздорнымъ вымысломъ или клеветою, а затѣмъ спросилъ его: не заключается ли въ докладѣ чего-либо опорочивающаго нравственную сторону моей губернаторской дѣятельности? На это Дурново отвѣтилъ, справившись въ докладѣ: „здѣсь сказано, что не только сторонники, но и враги—всѣ единогласно признали Мерцалова честнымъ и безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи человѣкомъ“.

Затѣмъ я снова его спросилъ: чего желаетъ отъ меня министр?—„Министръ предлагаетъ вамъ перейти въ Акмолинскую область“.

Подумавъ немного, я сказалъ, что служить въ той области, которая подчинена степному генераль-губернатору Колпаковскому, не считаю возможнымъ, такъ какъ населенію Западной Сибири, равно какъ и мнѣ, дѣятельность его давно извѣстна далеко не съ блестящей стороны. Выѣстъ съ тѣмъ мнѣ пришла мысль, что графъ Толстой станетъ бросать и меня изъ губерніи въ губернію подобно тому, какъ перебрасывалъ онъ умнаго, чест-

наго администратора, губернатора Щепкина, и др. Въ виду этого я рѣшился совѣмъ уйти изъ министерства внутр. дѣлъ, о чемъ и заявилъ г-ну Дурново съ тѣмъ, что прошеніе объ отставкѣ пришло по возвращеніи въ Томскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я сказалъ, что безъ службы я существовать не могу и надѣюсь, что впоследствии, когда мое здоровье возстановится, со стороны министерства внутр. дѣлъ не встрѣтятся препятствія къ поступленію моему снова въ одно изъ учрежденій, кромѣ упомянутаго министерства. Дурново отвѣтилъ, что я могу быть вполне покоенъ на этотъ счетъ: министерство дастъ самый лучшей отзывъ. (Впоследствии же, когда Дурново сталъ министромъ, онъ слова своего не сдержалъ).

Къ указанному выше рѣшенію выйти въ отставку, помимо изложенныхъ обстоятельствъ, побудилъ меня рѣшительный совѣтъ проф. Боткина прекратить по крайней мѣрѣ на одинъ годъ всякія умственные занятія, въ виду рѣзко выраженаго малокровія, нарушеннаго питанія, душевнаго равновѣсія и могущихъ произойти оттого крайне неблагопріятныхъ послѣдствій.

Два съ половиною года я былъ въ отставкѣ. Не буду распространяться о тѣхъ душевныхъ и матеріальныхъ невзгодахъ, которыя претерпѣлъ я съ семьей въ теченіе этого немалаго времени низачто — нипрочно, какъ это будетъ видно далѣе. Ограничусь изложеніемъ дѣйствительныхъ событій, которыя произошли, когда, оправившись нѣсколько послѣ болѣзни, я началъ хлопотать о поступленіи снова на службу.

Прежде всего я обратился къ моему старинному сослуживцу статсъ-секр. Петрову, который управлялъ кабинетомъ Е. В. и въ министерствѣ Императорскаго двора былъ всесильнымъ чловѣкомъ. Петровъ, повидимому, очень охотно обѣщалъ меня устроить, предупредивъ однако же, что онъ исполнить это, когда будетъ утвержденъ уже подготовленный проектъ реформы министерства двора. Утвержденіе это, прибавилъ онъ, послѣдуетъ, вѣроятно, осенью 1883 г. Но когда осенью утвержденія не случилось, Петровъ увѣрилъ, что въ новый годъ непременно все будетъ приведено къ концу. За новымъ годомъ послѣдовалъ великій постъ, потомъ пасха и т. д. Словомъ, болѣе полутора года Петровъ ограничивался разными предлогами, скрывая истинную причину (т.-е. нежеланіе моего поступленія въ министерство), и въ то же время поддерживая во мнѣ надежду на успѣхъ.

Убѣдившись, что Петровъ ведетъ по меньшей мѣрѣ странную игру, я обратился къ министру госуд. имуществъ Мих. Никл.

Островскому, который по прежней службѣ въ госуд. контролѣ относился ко мнѣ весьма благосклонно; при чемъ я не скрылъ отъ него ни одной причины выхода моего въ отставку. Островскій прямо сказалъ, что онъ устроить меня, если министерство внутр. д. дастъ благопріятный отзывъ. Увы! дня черезъ три Островскій объявилъ мнѣ, что отвѣтъ Дурново (онъ тогда уже былъ министромъ) получился отрицательный.

Тогда я рѣшился идти напроломъ. Подготовивъ подробную записку, которая текстуально изложена ниже, я отправился къ товарищу министра и шефу жандармовъ Оржевскому и попросилъ особой аудіенціи; онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и спросилъ: „чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ?“.

Я сказалъ буквально слѣдующее:

— „Когда мнѣ приходилось наложить руку на какого-либо мошенника-взяточника волостного писаря, я предоставлялъ ему возможность представить въ свое оправданіе не только словесныя, но и письменныя объясненія, и только по всестороннемъ обсужденіи представленныхъ имъ данныхъ принималъ окончательное рѣшеніе. А вы, выше п-во, сами признавъ меня чело-вѣкомъ честнымъ и порядочнымъ, лишили меня того, что принадлежало мнѣ по закону, т.-е. права представить письменное объясненіе“.

— „Да вѣдь съ вами объяснялся Ив. Никл. Дурново!“

— „Нѣтъ, онъ со мною не объяснялся, а только изъ вашего доклада вычитывалъ обвинительные пункты и какъ только я начиналъ свои возраженія, онъ немедленно прекращалъ ихъ возгласомъ: „о, ваше п-во“ и вычитывалъ дальше. Я нахожу, что это было грубо-лицемѣрное и недобросовѣтное исполненіе формы, чтобы имѣть право сказать министру, что порученіе исполнено—объясненіе было“.

Повидимому, мое заявленіе произвело на Оржевскаго нѣкоторое впечатлѣніе, и онъ спросилъ, что я отъ него желаю?

Я не сразу отвѣтилъ на его вопросъ, а сначала сказалъ, что мой духовный отецъ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства Желобовскій увѣрилъ меня, что генераль Оржевскій чело-вѣкъ суровый, но справедливый, умѣетъ правду найти и умѣетъ ее поддержать. Вотъ, въ виду такого свидѣтельства высокоуважаемаго пастыря, я и пришелъ къ вашему п-ву съ просьбою прочесть со вниманіемъ безъ предвзятаго недовѣрія вотъ эту записку и затѣмъ поступить, какъ долгъ вамъ укажетъ.

Оржевскій отвѣтилъ, что онъ исполнить мою просьбу и пересмотрить дѣло.

Записка, врученная Оржевскому.

По поводу предъявленныхъ мнѣ обвиненій, прежде всего признаю необходимымъ сказать, что принимая предложеніе бывш. генераль-губернатора Западной Сибири, ген.-ад. Казнакова, занять должность губернатора въ Томскѣ, я далъ ему слово употребить всѣ усилія для выполненія слѣдующей поставленной имъ мнѣ задачи: „поднять нравственный уровень чиновниковъ Томской губерніи, находившійся, по мнѣнію ген.-ад. Казнакова, въ крайне незавидномъ состояніи, очистить губернію отъ многихъ накопившихся десятками лѣтъ злоупотребленій и неурядицъ, особенно въ государственномъ хозяйствѣ, и наконецъ провести операцію постройки зданій Сибирскаго университета такъ, чтобы миллионныя средства, пожертвованныя на это дѣло частными лицами, обществами и государствомъ, не были растрачены, а получили строго правильное назначеніе“. Не мнѣ, конечно, судить, насколько удачно выполнилъ я эту широкую и трудную задачу; но не могу не упомянуть, что оба генераль-губернатора, при которыхъ прошла моя 3-лѣтняя служба въ Томскѣ, Казнаковъ и Мещериновъ, всегда относились ко мнѣ вполне благосклонно, а Правительствующій Сенатъ, въ который многія дѣла Томской губерніи поступали въ порядкѣ управленія или по апелляціоннымъ и кассационнымъ жалобамъ, или по моимъ протестамъ, во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ признавалъ мои дѣйствія законными; наконецъ, контрольная палата не сдѣлала на меня ни одного начета ни по постройки университета, ни по тюремнымъ (крайне сложнымъ) расходамъ, ни по другимъ хозяйственнымъ операціямъ, возложеннымъ на губернатора.

Такимъ образомъ и данное мною ген.-ад. Казнакову нравственное обязательство, и самое положеніе дѣлъ въ Томской губерніи, переполненной уголовными, ссыльными, вносившими развращающее вліяніе и въ среду чиновниковъ, поставили меня въ необходимость обратить главное вниманіе на нравственную сторону чиновнаго состава, удалить все то, что не соотвѣтствовало нравственнымъ требованіямъ, и выдвинуть честныхъ, добросовѣстныхъ и дѣловыхъ людей. Въ этомъ была моя задача и въ ней заключается разгадка моихъ дѣйствій. Выбирать людей по національностямъ, а не по нравственнымъ качествамъ, едва-ли

было бы соотвѣтственно положенію обстоятельствъ: Томская губернія не Сѣверо-Западный край, и политическія иллюзіи не могутъ найти въ ней почву; она нуждалась въ дѣятеляхъ честныхъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали.

Затѣмъ относительно 1-го пункта доклада заявляю, что въ теченіе 3 лѣтъ мною принято на службу въ Томскую губернію всего *шесть* чел. католиковъ и польскаго происхожденія и притомъ преимущественно изъ лицъ, занимавшихъ уже должности по государственной службѣ въ Акмолинской области и Тобольской губерніи. Но въ то же время лицъ *не* польскаго происхожденія и *не* католиковъ было принято и перемѣщено свыше 100 чел. На самыя важныя должности, какъ-то: крестьянскихъ чиновниковъ, исправниковъ и полицеймейстера, за двумя исключеніями, назначены все русскіе и православные. Повторяю: я стремился окружить себя людьми честными и дѣловыми, въ политической благонадежности которыхъ не было никакого повода сомнѣваться. Самыми близкими ко мнѣ и довѣренными лицами были: сначала начальникъ судебного отдѣленія канцеляріи губернатора Худяковъ, а послѣ перемѣщенія его на высшую должность, — чиновникъ особыхъ порученій Соловскій, — оба православные и сибиряки.

Евреямъ я не оказывалъ ровно никакого покровительства, если не считать тѣхъ строгихъ мѣръ, какія по моему приказанію были приняты полиціями, когда въ трехъ мѣстахъ готовились анти-еврейскіе беспорядки. Одному только еврею, томскому 1 г. купцу Манасевичу-Мануйлову я дѣйствительно оказывалъ нѣсколько большее вниманіе по той причинѣ, что онъ всегда принималъ живое и значительное участіе въ пожертвованіяхъ на разныя благотворительныя дѣла и былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ директоровъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета. Но такое же вниманіе я оказывалъ и нѣкоторымъ жертвователямъ русскимъ, напр., Пушкинову, Пастухову, Вяткину, Валгусову и др.

2) Что касается моихъ отношеній къ сосланнымъ подъ надзоръ полиціи государственнымъ преступникамъ, то рѣшительно отвергая бездоказательное обвиненіе въ какомъ-то покровительствѣ имъ, обязываюсь объяснить, что всѣ мои дѣйствія строго согласовались съ тѣми руководящими указаніями, какія находились въ предписаніяхъ генераль-губернаторовъ и особенно въ слѣдующихъ циркулярахъ министровъ: а) графа Лорисъ-Меликова о томъ, чтобы мѣстныя власти были къ нимъ справедливы, не вызывая излишнею придирчивостію ненужнаго раздраженія и озлобленія, и б) графа Игнатъева о важномъ значеніи труда

вообще и о благотѣльномъ его вліяніи на государственныхъ преступниковъ, которые при правильныхъ и постоянныхъ занятіяхъ мало-по-мало могутъ освобождаться отъ своихъ заблужденій. Этимъ циркуляромъ поставлено губернаторамъ въ обязанность озаботиться, чтобы поднадзорные могли находить себѣ дозволенные занятія. А такъ какъ оба эти циркуляра до выхода моего въ отставку не были отмѣнены, то, конечно, они были для меня обязательны. Въ виду сего я требовалъ, чтобы полиція относилась къ поднадзорнымъ вѣжливо и терпѣливо, а затѣмъ старался устраивать этихъ лицъ, преимущественно семейныхъ, въ купеческихъ конторахъ, на заводахъ, крупчатныхъ мельницахъ и пр., гдѣ ихъ трудомъ были довольны. Какого-либо исключительнаго покровительства поднадзорнымъ не оказывалъ и многія претензіи и ходатайства оставлялъ безъ послѣдствій. Единственная цѣль, которой я стремился достигнуть моими дѣйствіями по отношенію къ поднадзорнымъ, это—лишить ихъ возможности и желанія совершить побѣгъ и рано или поздно покуситься на какое-либо крупное предпріятіе. Достигнулъ ли я этой цѣли—объяснено въ концѣ этой записки.

Департаментъ полиціи упрекаетъ меня, что относительно этихъ же лицъ я былъ непоследователенъ: во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1881 г. выразилъ мысль о необходимости освободить Томскую губернію отъ дальнѣйшей ссылки преступниковъ *всякихъ* категорій, а въ томъ числѣ и поднадзорныхъ, въ виду скорого открытія въ Томскѣ университета, а между тѣмъ самъ же переводилъ лицъ поднадзорныхъ на жительство въ Томскъ, подъ предлогомъ отсутствія въ уѣздныхъ городахъ запроса на интеллигентный трудъ.

Это—правда, но не вся. Кромѣ этого мотива я неоднократно заявлялъ и генераль-губернатору и департаменту полиціи, что въ Томской губерніи лица поднадзорныя могутъ быть поселяемы только на земляхъ государственныхъ имуществъ; на земляхъ же кабинета Е. В. никакіе ссыльные не могутъ быть размѣщаются на основаніи закона 1808 г., подтвержденнаго въ 1824 г. Поэтому всѣ поднадзорные размѣщались только въ городахъ Томскѣ, Каинскѣ, Маріинскѣ и Нарымѣ; въ остальныхъ же 4 городахъ: Барнауль, Колыванн, Бійскѣ и Кузнецкѣ, какъ находящихся въ районѣ кабинетскихъ земель, поднадзорные не были поселяемы. Но средства надзора въ уѣздныхъ городахъ Каинскѣ и Маріинскѣ и безуѣздомъ Нарымѣ были и остаются крайне недостаточными, а именно: въ первыхъ двухъ по 3 поли-

цейскихъ чиновника (не считая исправника, который находится почти постоянно въ разъѣздахъ), по 4—6 городовыхъ и по 2 стражника, а въ Нарымѣ 1 полиц. чиновникъ и 1 стражникъ. При такихъ условіяхъ надзора, размѣстить всѣхъ высланныхъ въ мое время въ Томскую губернію (до 100 чел.) поднадзорныхъ въ трехъ упомянутыхъ городахъ едва-ли было бы осторожно, особенно въ Нарымѣ, откуда во время навигаціи весьма легко скрыться на лодкѣ или на торговомъ суднѣ. Въ Томскѣ же составъ нижнихъ полиц. чиновъ простирается до 100 чел. при 8 конныхъ стражникахъ и 12 полиц. чиновникахъ, что представляло возможность установить дѣйствительный, а не фиктивный надзоръ за госуд. преступниками. Притомъ же въ Томскѣ было поселено не болѣе 30 чел., т.-е. столько же, сколько въ Каинскѣ и въ Маринскѣ, а въ Нарымѣ до 10 чел., и многіе изъ числа поселенныхъ въ Томскѣ назначены были туда по распоряженіямъ ген.-губернаторовъ Казнакова и Мещеринова, отмѣнять которыхъ я не имѣлъ права.

3) Въ докладѣ департамента полиціи указывается далѣе еще на разговоръ мой съ какимъ-то аккредитованнымъ лицомъ, о нашихъ революціонерахъ, которыхъ я назвалъ „нашими непримиримыми“ (intransigents), я остановился на вопросѣ:— „что намъ, т.-е. западно-сибирской администраціи, дѣлать съ ними, какова наша задача по отношенію къ нимъ?“ Полагаю, сказалъ я, что наша задача примирить ихъ съ существующими условіями, успокоить ихъ раздраженіе, исправить, сдѣлать ихъ возможно полезными членами общества. Иначе, какъ такимъ образомъ, я не могу понимать свою задачу, потому что если бы правительство признавало ихъ „совершенно отпѣтымъ“, то конечно нашло бы имъ мѣсто на каторгѣ или размѣстило бы ихъ по центральнымъ тюрьмамъ, а не прислало бы къ намъ въ Томскую или Тобольскую губ. Останавливаясь наконецъ на вопросѣ о способахъ выполненія этой задачи, я сказалъ, что людей убѣжденных, хотя и заблуждающихся (фанатиковъ) можно исправить, по моему мнѣнію, не палкой, а убѣжденіемъ же и терпѣніемъ.

Повидимому, г. Романовъ согласился съ этимъ взглядомъ.

4) Департаментъ полиціи приписываетъ мнѣ еще слѣдующіе безтактные поступки:

а) Освобожденіе государственнаго преступника Боголюбова и сборъ въ пользу его денегъ.

Примѣчаніе. Это—не тотъ Боголюбовъ, изъ-за котораго Вѣра Засудичъ въ 1867 г. стрѣляла въ генерала Тренова.

О Боголюбовѣ я получилъ въ концѣ августа 1880 г. отъ Лорисъ-Меликова по Высоч. повелѣнію шифрованную телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, по новомъ разсмотрѣніи дѣла о *дворянинѣ* Боголюбовѣ, признавъ его ни въ чемъ неповиннымъ; всемилостивѣйше повелѣтъ соизволять совершенно освободить дворянина Боголюбова и возвратить на родину не въ качествѣ арестованнаго“.

Послана была телеграмма въ Маріинскъ объ отдѣленіи Боголюбова отъ партіи № 26 и о доставленіи его ко мнѣ. Въ сопровожденіи стражника привезенъ былъ чахоточный юноша 17—18 лѣтъ, голодный и крайне плохо одѣтый, безъ всякаго багажа и безъ денегъ. По разпросамъ оказалось, что Боголюбовъ мой землякъ и сынъ моего знакомаго (бывш. старш. совѣтника Черниговскаго губернскаго правленія). Прежде всего я пригласилъ дворянина Боголюбова отправиться въ гостиницу и привести себя въ порядокъ отъ дорожной пыли, а потомъ придти ко мнѣ обѣдать, въ кругу моей семьи. Затѣмъ на слѣдующій день, снабдивъ прогонными деньгами изъ казны на 1 лошадь и теплымъ платьемъ, (на покупку котораго я пожертвовалъ собственныхъ 25 руб. и взялъ изъ благотворительнаго фонда 50 р., а всего 75 руб.) и отправилъ на пароходъ, уходящій послѣднимъ рейсомъ.

Воздерживаюсь отъ всякихъ комментаріевъ къ наименованію Боголюбова государственнымъ преступникомъ *послѣ того*, какъ Государь Императоръ соизволилъ именовать его дворяниномъ и признать совершенно свободнымъ и неповиннымъ. Равнымъ образомъ въ виду сказаннаго выше едва-ли стоитъ останавливаться на фантастическомъ „общественномъ обѣдѣ и таковой же подпискѣ“.

5) 6) Разрѣшеніе шестерымъ госуд. преступникамъ проводить умершаго ихъ товарища (Поспѣлова) на кладбище.

Тутъ явное недоразумѣніе: мною по предварительномъ соглашеніи съ жандармскимъ полковникомъ Александровымъ разрѣшено было упомянутымъ 6 арестантамъ находиться въ *острожной* церкви при отиѣваніи Поспѣлова, умершаго въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи. Арестанты эти, подъ конвоемъ 6 жандармовъ, нѣсколькихъ надзирателей и тюремнаго смотрителя, были переведены изъ ихъ камеръ только черезъ коридоръ въ острожную церковь и послѣ отиѣванія снова отведены каждый въ свою камеру. Ни о какихъ проходахъ на кладбище не возбуждалось и вопроса.

б) в) Допущеніе уголовного (не политическаго) ссыльнаго Евгенія Корша завѣдывать по вольному найму неофициальной частью „Томскихъ губернскихъ вѣдомостей“.

Хотя законъ и разрѣшалъ мнѣ пригласить для этого дѣла лицо по моему усмотрѣнію, но приглашеніе Корша—сознаюсь—было ошибкой съ моей стороны, хотя вынужденной. Губернская типографія, при переходѣ въ мое распоряженіе, была въ полномъ разстройствѣ: долговъ на ней частныхъ было 2½ тыс., казенныхъ 6 т., машины испорчены, шрифты переломаны, бумаги ни листа. Привести типографію въ порядокъ возможно было, по мѣстнымъ условіямъ, единственно только такимъ улучшеніемъ неофициальной части Губ. Вѣд., чтобы она привлекла частныхъ подписчиковъ. Задача, очевидно, трудная вездѣ, а въ Сибири, гдѣ такъ ничтоженъ процентъ образованныхъ и способныхъ людей изъ числа лицъ граждански-правоспособныхъ,—задача эта еще труднѣе. Скрѣпя сердце пришлось взять Корша, какъ опытную рабочую силу. Цѣль достигнута: частные долги вполне уплачены, кредитъ восстановленъ, матеріалы доставлены въ изобиліи и года чрезъ два возможно было пополнить казенный долгъ. Независимо этого при распространеніи газеты почти до 1 т. экземпляровъ, администрація имѣла возможность сообщать населенію правильные взгляды и свѣдѣнія, въ противовѣсъ тѣмъ инсинуаціямъ и превратнымъ толкамъ о сибирскихъ порядкахъ, какіе постоянно печатались въ маленькихъ газетахъ обѣихъ столицъ.

7) Еще нѣсколько словъ о политич. ссыльныхъ.—Въ числѣ ихъ находился нѣкто Мокіевскій-Зубокъ (по д. 193), мой родственникъ по матери. Упрекаютъ меня въ томъ, что будто бы я перевелъ его изъ Каинска въ Томскъ. Это—неправильно. Мокіевскій пріѣхалъ добровольно въ Сибирь, когда я еще не былъ губернаторомъ, съ цѣлью вступить въ законный бракъ съ Надеждой Субботиной (по д. 193), поселенной въ гор. Каинскѣ вмѣстѣ съ матерью Софьей Субботиной. Когда они повѣнчались, то мать и дочь стали ходатайствовать непосредственно предъ ген.-губ. Мещериновымъ о переселеніи въ Томскъ, на что и послѣдовало разрѣшеніе его въ концѣ 1880 г.

Сначала Мокіевскій по переѣздѣ въ Томскъ занимался въ конторѣ купца Михайлова, а потомъ открылъ свою собственную торговлю и все время велъ себя безукоризненно. Нѣсколько обысковъ, произведенныхъ у него, не обнаружили ничего предосудительнаго. А затѣмъ, когда у Мокіевскихъ родился сынъ, то они совсѣмъ замкнулись въ семьѣ, даже переѣхали отъ ма-

тери на другую квартиру и рѣдко съ нею видѣлись. Переселить при такихъ условіяхъ это семейство въ другой городъ только потому, что онъ мой родственникъ, значило бы раззорить его и, быть можетъ, вернуть его на путь прежнихъ заблужденій, отъ которыхъ онъ почти освободился. Притомъ же и въ видахъ надзора, какъ уже объяснено выше, мнѣ было удобнѣе держать его въ Томскѣ, чѣмъ въ другомъ городѣ. Въ этихъ видахъ же я даже неоднократно призывалъ его къ себѣ какъ родственника и еще очень молодого человѣка и старался предостерегать его отъ увлеченій, что мнѣ почти и удалось. Я не хочу сказать, что я могъ пользоваться имъ и для иныхъ чисто правительственныхъ цѣлей; для этихъ цѣлей мнѣ служили инья лица—отвѣтственные.

8) Наконецъ въ докладѣ департамента упоминается, что томскій архіерей Петръ признаетъ меня мало православнымъ, но не поясняетъ—въ чемъ же выразилось это „малоправославіе“. Это—не болѣе какъ несправедливый и легкомысленный извѣтъ, такъ какъ съ обрядовой церковной стороны я всегда былъ исполнителемъ, съ точки же искренности вѣрованія, я своимъ поведеніемъ и дѣйствіями несомнѣнно и, такъ сказать, документально доказалъ, что евангельская заповѣдь „вѣра безъ дѣлъ мертва“ не была для меня пустымъ звукомъ. Достаточно упомянуть, что мною обезпечено существованіе Владимірскаго пріюта, въ которомъ содержится до 120 дѣтей (мнѣ удалось собрать капиталъ въ 54 тыс. р.), на женскую гимназію по подпискѣ собрано 11½ тыс., на домъ общежитія при Сибирскомъ университетѣ 24 т.; на разныя благотворительныя дѣла (въ томъ числѣ на улучшеніе пици воспитанницъ женскаго училища епархіальнаго вѣдомства) расходовалось мною ежегодно отъ 2 до 3 тыс., собранныхъ преимущественно отъ спектаклей и концертовъ, которые устраивала моя жена. Для того же, чтобъ въ 3 года собрать столь значительную сумму (до 100 тыс. р.), нужно было и самому жертвовать не мало и кромѣ того въ религіозно-нравственномъ отношеніи пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ общества. Извѣтъ епископа Петра тѣмъ болѣе неблаговиденъ, что проистекаетъ изъ личнаго его неудовольствія на меня, съ одной стороны потому, что я не исполнилъ ни одного его незаконнаго требованія о расторженіи раскольничьихъ браковъ, совершенныхъ „по благословенію стариковъ“, а съ другой—за невысокое мнѣніе мое о сельскомъ духовенствѣ Томской губ., изложенное во всеподан. отчетѣ за 1880 г.

Въ заключеніе позволю себѣ указать на результаты моей политики относительно поднадзорныхъ.

Между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ губерніяхъ Тобольской и Енисейской было ежегодно отъ 5 до 10 побѣговъ госуд. преступниковъ, у меня въ Томской губ. въ теченіе 3 лѣтъ бѣжала одна политическая Бутовская, вскорѣ пойманная и водворенная въ Мариинскъ. Былъ еще одинъ побѣгъ (Орловъ), но въ немъ администрація была неповинна, такъ какъ Орловъ бѣжалъ изъ рукъ жанлармовъ послѣ заарестованія его по дѣлу о госуд. преступленіи, дознаніе о которомъ производилось въ концѣ 1881 и въ 1882 г. и; и самая поимка Орлова, безъ всякаго преувеличенія, была результатомъ принятыхъ мною мѣръ. (Объ этомъ имѣется обширная переписка въ департаментѣ полиціи). Затѣмъ въ теченіе 3 лѣтъ не было ни одного столкновенія поднадзорныхъ ни съ чинами полиціи, ни съ гражданами; напротивъ, всѣ они проживали вполнѣ скромно и предавались дозволеннымъ занятіямъ, какъ-то: въ купеческихъ конторахъ, на разныхъ заводахъ, мукомольныхъ мельницахъ, въ экипажныхъ заведеніяхъ и проч.

Пересмотръ дѣла.

Черезъ 3 мѣсяца послѣ описаннаго свиданія, я получилъ изъ департамента извѣщеніе, что генераль Оржевскій приметъ меня въ четвергъ въ 11 час. дня. Въ этотъ пріемный день представляющихся и просителей было до 70 человекъ. Ровно въ 11 ч. Оржевскій появился изъ кабинета и, обведя взглядомъ весь рядъ, подошелъ прямо ко мнѣ, подаль руку и любезнымъ тономъ пригласилъ пройти въ слѣдующую комнату, чтобъ подробнѣе объясниться.

Довольно быстро покончивъ съ просителями, Оржевскій обратился ко мнѣ съ такими словами: „Мы счень виноваты предъ вами; наша ошибка. Ну, что дѣлать? не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ“. Затѣмъ онъ разъяснилъ, что главные пункты обвинительнаго доклада вполнѣ опровергнуты новымъ начальникомъ Томскаго жандармскаго управленія, полков. Акцыновымъ, которому было поручено провѣрить мою записку на мѣстѣ по документамъ. Прежде всего онъ прислалъ ту шифрованную депешу о дворянинѣ Боголюбовѣ, которую я получилъ по высоч. повелѣнію отъ графа Лорисъ-Меликова, и слѣдовательно самое главное обвиненіе о самовольномъ освобожденіи

государственного преступника Боголюбова отпадаетъ. Затѣмъ удостовѣрилъ: что госуд. преступники размѣщены по городамъ соотвѣтственно средствамъ надзора; что многіе изъ нихъ, какъ были при Мерцаловѣ приняты въ купеческія конторы, на заводы и мельницы, такъ и остаются тамъ; что побѣгъ изъ Томской г. совершила одна только Бутовская (уже возвращенная), страдающая, повидимому, носталгіей; что Мокіевскій-Зубокъ пріѣхалъ въ Сибирь вполнѣ добровольно и перемѣщенъ съ семействомъ изъ Каниска въ Томскъ по распоряженію ген.-губ. Мещеринова, и что объ остальныхъ пунктахъ доклада и записки Акцыновъ надѣется представить свѣдѣнія въ непродолжительномъ времени, напр. чрезъ мѣсяць.

Но прошелъ мѣсяць, прошло два, а отъ Оржевскаго, какъ говорится, ни отвѣта, ни привѣта. Поэтому, списавъ копію съ моей записки, поданной Оржевскому, я отправился къ М. Н. Островскому и, передавъ ему копію, подробно разсказалъ о двухъ своихъ свиданіяхъ съ шефомъ жандармовъ.

Какъ прочтенная Островскимъ записка, такъ и мой разсказъ произвели на него большое впечатлѣніе, и онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ сказалъ: „что же это онъ ни шьетъ—ни поретъ, довольствуется вамъ обѣщаніями, а къ дѣлу не приступаетъ; постоитъ-ка, что онъ мнѣ скажетъ?“ и, подойдя къ телефону, онъ вызвалъ Оржевскаго и попросилъ сегодня прислать дѣло о бывшемъ томскомъ губернаторѣ Мерцаловѣ, котораго онъ намѣренъ принять на службу въ свое министерство. Оржевскій отвѣтилъ, что сейчасъ самъ привезетъ это дѣло.

Какое объясненіе произошло между Островскимъ и Оржевскимъ, я не знаю, такъ какъ при этомъ не былъ; но вотъ какое объясненіе было у Островскаго съ покойнымъ Императоромъ Александромъ III, какъ чрезъ недѣлю послѣ нашего свиданія передалъ мнѣ Островскій.

Въ докладной день министра госуд. имуществъ (понедѣльникъ) у Государя, курьеръ вечеромъ принесъ мнѣ записку Михаила Николаевича такого содержанія:

„Отъ души поздравляю: по волѣ Государя вы устроены въ министерство Императорскаго двора. Приходите завтра между 2 и 3 час., объясню подробно“.

Въ назначенный часъ я былъ въ кабинетѣ Островскаго, который разсказалъ слѣдующее:

„Вчера, по окончаніи доклада о министерскихъ дѣлахъ, я обратился съ просьбою къ Государю о разрѣшеніи мнѣ принять

на службу бывш. томскаго губернатора Мерцалова. Государь, немного подумавъ, отвѣтилъ, что Мерцаловъ, кажется, ушелъ изъ Томска недобровольно; помнится, его обвинили главнымъ образомъ въ томъ, что онъ самовольно освободилъ важнаго госуд. преступника Боголюбова, чествовалъ его публичнымъ обѣдомъ, сдѣлалъ для него подписку и затѣмъ отправилъ, неизвѣстно куда; потомъ что онъ окружилъ себя поляками и евреями, оказывалъ особое покровительство сосланнымъ подъ надзоръ полиціи государственнымъ преступникамъ и проч., и во всемъ этомъ Мерцаловъ не могъ представить никакого объясненія, но, прибавилъ Государь, „не могу не упомянуть, что въ представленномъ мнѣ докладѣ прямо заявлено, что всѣ—и друзья и враги—признаютъ его безукоризненно честнымъ человѣкомъ. Это, конечно, большой плюсъ“.

Когда Государь остановился, перечисливъ очень подробно всѣ 8 пунктовъ доклада, я просилъ позволенія представить мои соображенія и, получивъ согласіе, сказалъ:

„Я знаю Мерцалова 18 лѣтъ сначала по службѣ въ государственномъ контролѣ, куда я его и опредѣлилъ, а затѣмъ постоянно имѣлъ объ немъ свѣдѣнія чрезъ близкихъ лицъ, между прочимъ, и чрезъ статсъ-секретаря Петрова, и зналъ его какъ искренняго патріота и безусловно добросовѣстнаго чиновника. Попавъ въ до-реформенную губернію, которой въ служебной сферѣ присущи были многія неблаговидныя свойства, какъ-то: взяточничество, вымогательство, казнокрадство, утрата вексельныхъ дѣлъ и проч., Мерцаловъ какъ ни былъ остороженъ, по необходимости наступилъ на застарѣлыя мозоли и тѣмъ неизбежно вызвалъ неудовольствіе. Недовольные элементы, зная, что съ нравственной и юридической стороны губернаторской дѣятельности Мерцаловъ неуязвимъ, стали строить свои обвиненія на политической почвѣ, обративъ особое вниманіе департамента полиціи на допущенномъ будто бы Мерцаловымъ самовольномъ освобожденіи госуд. преступника Боголюбова, на особой близости его съ „поляками и евреями“ и проч. Порученное департаментомъ товарищу прокурора Романову негласное дознаніе произведено было крайне поверхностно и бездоказательно. Несмотря однако же на явную недостоверность этого дознанія, оно послужило основаніемъ для доклада или вѣнѣ обвинительнаго акта. Актъ этотъ, по порученію бывш. министра графа Д. А. Толстого, былъ предъявленъ Мерцалову статсъ-секретаремъ Дурново. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать; что Иванъ Николаевичъ поступилъ несовсѣмъ правильно: онъ перечислилъ всѣ 8 пунктовъ доклада, но

не далъ себѣ труда выслушать объясненія Мерцалова и отказалъ ему въ разрѣшеніи подать письменное объясненіе, сказавъ, что онъ не уполномоченъ на это, а въ заключеніе предложилъ Мерцалову перейти въ Акмолинскую область. Но, увидѣвъ изъ этого, такъ наз., объясненія, что министерство осудило его, даже не выслушавъ его, Мерцаловъ предпочелъ вовсе уйти изъ этого вѣдомства и отъ перемѣщенія въ Акмолинскую обл. отказался. Въѣстъ съ тѣмъ онъ сказалъ, что безъ службы съ семьей существовать не можетъ и надѣется, что со стороны министерства не встрѣтятся препятствія къ поступленію его снова въ какое-либо учрежденіе другого вѣдомства. Статсъ-секретарь Дурново далъ слово, что Мерцаловъ можетъ быть покоенъ на этотъ счетъ: министерство дастъ самый лучший отзывъ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ какъ графу Воронцову-Дашкову, такъ и мнѣ далъ отзывъ... отрицательный.

„Въ такомъ тяжеломъ положеніи Мерцаловъ находится болѣе двухъ лѣтъ и наконецъ, получивъ свѣдѣніе, что хотя генераль Оржевскій и очень суровый, но справедливый человекъ, онъ представилъ ему свою объяснительную по всѣмъ 8 пунктамъ записку и просилъ пересмотрѣть его дѣло.

„Записка эта слѣдующаго содержанія...

„Я прочиталъ вашу записку, и Государь выслушалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ. Затѣмъ я сказалъ, что новый начальникъ Томскаго жандарм. управленія полковникъ Акцыновъ, которому поручено было провѣрить записку по документамъ губернаторской канцеляріи, удостовѣрилъ, что все, изложенное въ запискѣ, безусловно правильно, при чемъ прислалъ подлинную шифрованную телеграмму о совершенномъ освобожденіи по высочайшему Вашего Величества повелѣнію дворянина Петра Боголюбова и о возвращеніи его на родину“.

„Докладъ мой, видимо, произвелъ большое впечатлѣніе, и Государь сказалъ: *„бѣдный человекъ! за что его такъ обидѣли?!”* а затѣмъ прибавилъ: „Мнѣ помнится, Мерцаловъ желалъ поступить въ министерство двора, такъ нужно дать ему хоть въ этомъ удовольствіе за всѣ перенесенныя невзгоды, и я прошу васъ сказать Петрову, чтобъ онъ представилъ докладъ“.

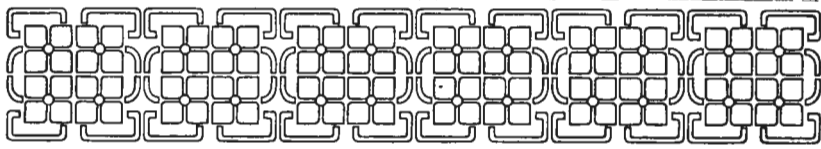
Горячее участіе Островскаго въ моей судьбѣ, результатомъ котораго была моя полная реабилитація въ глазахъ Государя, глубоко меня тронуло, и отъ волненія я не помнилъ, въ какихъ выраженіяхъ (конечно нескладныхъ) я высказалъ ему благодар-

ность. Видя, вѣроятно, мою растерянность, Островскій сказалъ: „ну, еще разъ поздравляю; теперь у васъ твердая почва подъ ногами“; затѣмъ обнялъ и поцѣловалъ меня, и мы разстались.

Только чрезъ полгода послѣ назначенія моего по министерству двора мнѣ удалось представиться министру графу Воронцову-Дашкову, который, между прочимъ, сказалъ, что Оржевскій поступилъ очень благородно, сознавшись предъ Государемъ въ сдѣланной ошибкѣ. Я согласился съ этимъ, но прибавилъ, что было бы гораздо лучше, если бы Оржевскій придержался закона и, прежде чѣмъ составлять обвинительный докладъ, потребовалъ отъ меня объясненіе.

Такъ кончилась моя губернаторская эпопея.

Сообщ. В. Мерцаловъ.

Цыганка предсказываетъ годъ смерти Александру II.

Разсказъ этотъ, переданный гофъ-медикомъ Крюковымъ и впослѣдствіи одною очень извѣстною начальницею сестеръ милосердія, состоялъ въ слѣдующемъ: за нѣсколько мѣсяцевъ до послѣдней турецкой кампаніи Александръ II выѣхалъ на охоту въ Никольское и по обыкновенію былъ въ партикулярной одеждѣ. Прогуливаясь по лѣсу, императоръ подошелъ къ цыганскому табору. Въ это время подбѣжала къ нему молодая женщина съ предложеніемъ поворожить. ¶

— А можешь ли ты мнѣ сказать, когда я умру?—спросилъ съ улыбкой Александръ II, въ полномъ сознаніи, что оборванка не узнала его.

— Могу, но этого тебѣ лучше не знать—отвѣчала она. ¶

— Говори, я не изъ трусовъ—сказалъ императоръ, давая ей кредитный билетъ.

Ворожея посмотрѣла ему на руку и спросила:

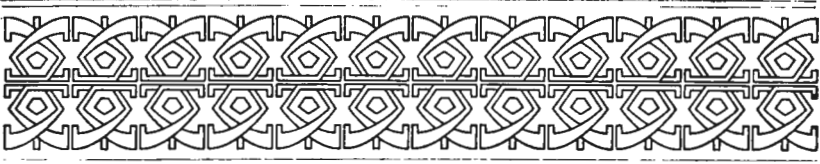
— Въ какомъ ты году родился?

— Въ 1818-мъ.

— Ты умрешь — произнесла она зловѣщимъ тономъ — въ 1881 году и тихо возвратилась въ таборъ.

Сообщ. В. Мелега.

Неизданныя письма Н. И. Пирогова ¹⁾).

(Къ исторіи высшаго образованія и русско-польскихъ отношеній).

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 26 декабря 1862 года по старому стилю) Н. И. Пироговъ возвращается къ вопросу о цензурѣ его статьи, которой послѣдняя, очевидно, и не подвергалась, и высказываетъ свое мнѣніе объ инцидентѣ съ будущими профессорами В. И. Модестовымъ и А. Г. Новоселовымъ. Инцидентъ этотъ — довольно пустяшный. Сущность его достаточно ясна изъ письма Пирогова, который горю вступился за своихъ кандидатовъ и предупредилъ грозившую имъ неурядность.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ!

Я сейчасъ получилъ Ваше письмо отъ $\frac{23 \text{ дек.}}{4 \text{ янв.}}$ и не понимая, почему Вы вмѣстѣ съ моею статьею, посланною по почтѣ, не получили и моего письма, начинаю опасаться, не пропало ли оно, поэтому и рѣшаюсь повторить еще разъ его содержаніе. Мнѣ бы необходимо было знать какія мѣста именно исключены, потому что я занимаюсь теперь составленіемъ новой статьи, и мнѣ бы не хотѣлось и ее подвергать цензурнымъ операціямъ, тѣмъ болѣе, что если направленіе не противорѣчитъ нашимъ цензурнымъ постановленіямъ, то перетолковъ отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій я не боюсь, привыкнувъ уже довольно къ ложнымъ слухамъ на мой счетъ.

¹⁾ См. „Русскія Страницы“ мартъ 1917 г.

Касательно статей Новоселова и Модестова, надѣлавшихъ шуму, котораго они не стоили,—и главное цензурованныхъ еще къ тому и въ Кельнской газетѣ, къѣмъ-то изъ Петербургскихъ, не могу не замѣтить, что эти статьи, по свидѣтельству самихъ авторовъ, вовсе не назначались ими для печати; онѣ были только выраженіемъ ихъ первыхъ впечатлѣній, которыя, какъ извѣстно, могутъ быть ложны; вся ошибка состояла въ томъ, что имъ слѣдовало бы удержаться, не быть откровенными, подождать и вникнуть; но они считали своею обязанностію увѣдомить министерство объ этихъ первыхъ впечатлѣніяхъ, не скрывая ихъ.

Нѣтъ ничего мудренаго, что учившимся въ нашихъ университетахъ и никогда не слышавшимъ нѣмецкихъ лекцій, первое, что кинется въ глаза—это сухость изложенія и подробность, которая легко можетъ показаться мелочностію. Ко всякому направленію нужно сначала привыкнуть, и у нѣмцевъ есть пословица: „vor lauterem Bäumen sieht man den Wald nicht“. И Модестовъ, и Новоселовъ, съ непривычки, испытали на себѣ справедливость этой пословицы, и потому невиноваты, что первое впечатлѣніе на нихъ нѣмецкихъ лекцій было невыгодное. Это меня убѣждаетъ еще болѣе въ необходимости для нашихъ, посылаемыхъ за границу, особенной подготовки. Съ нами, когда мы пріѣхали во времена оны въ Германію, послѣ подготовки въ Дерптѣ, этого не случалось.

Теперь Модестовъ мнѣ пишетъ изъ Бона, что онъ въ восхищеніи отъ Ричля. Но худо то, что отъ преждевременной огласки статьи Новоселова въ нѣмецкой газетѣ, уже начали тревожиться нѣмецкіе профессора, какъ я слышу, и это можетъ имѣть на посланныхъ непріятныя слѣдствія, можетъ выйти скандалъ; не нужно забывать, что нѣмецкое общество чрезвычайно щекотливо и не переноситъ колкихъ замѣчаній на его авторитеты.

Вообще, я полагаю, что съ требованіемъ отъ посланныхъ различныхъ извѣстій, отчетовъ и статей не нужно быть взыскательными; имъ нужно дать болѣе времени для обдуманія,—иначе, нельзя ожидать ничего серьезнаго и способна выдержать критику; люди болѣе дѣльные, изъ боязни себя скомпрометировать, поневолѣ, ограничутся однако формальностію и сухимъ перечнемъ своихъ занятій, если отъ нихъ будутъ требовать слишкомъ часто отчетовъ, а менѣ совѣстливые принуждены будутъ писать размашисто, но безъ толка или съ опасностію уронить себя, что для ихъ будущности не очень выгодно. Дѣльные, семестральные отчеты были бы, какъ я уже заявилъ однажды, гораздо надежнѣе и основательнѣе.

Мое содержаніе и пенсію я получилъ по 1 октября, и прошу Васъ покорнѣйше велѣть мнѣ поскорѣе выслать за слѣдующіе мнѣ три мѣсяца. Мои расходы точь въ точь соотвѣтствуютъ приходу, и долго ждать мнѣ также трудно, какъ и посланнымъ за границу кандидатамъ. Я расчиталъ, что поѣздка моя по германскимъ университетамъ будетъ стоить не менѣе 400 талеровъ, и потому если Вамъ еще угодно, чтобы я ее сдѣлалъ; то прошу васъ также покорнѣйше выслать и эту сумму впередъ, иначе мнѣ невозможно будетъ распорядиться и оставить Гейдельбергъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Пироговъ*.

Гейдельбергъ. 7 января, н. с. 1863.

Черезъ нѣсколько дней министръ послалъ Н. И. Пирогову по поводу всѣхъ его сообщеній о русскихъ профессорскихъ кандидатахъ за границей слѣдующее письмо (дѣло архива канцеляріи министра № 21—180).

М. Г. Николай Ивановичъ.

Государь Императоръ изволить обращать всегда особенное вниманіе, при всеподданнѣйшихъ докладахъ моихъ, на сообщаемыя Вашимъ Превосходительствомъ извѣстія о нашихъ профессорскихъ кандидатахъ, находящихся за границею, и вообще о молодыхъ Русскихъ, которые занимаются въ иностранныхъ университетахъ. Посему я покорнѣйше прошу Васъ, по окончаніи предположенной Вами поѣздки по Германскимъ Университетамъ, принять на себя трудъ доставить мнѣ, сколь возможно подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ нашихъ молодыхъ ученыхъ и о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія произведутъ на Васъ Университеты Германіи.

Примите увѣреніе въ отличномъ почтеніи и преданности

Головинъ.

28 января 1863 г.

Въ то же время министръ предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ обращать вниманіе на отчеты молодыхъ ученыхъ, чтобы имѣть возможность судить о нихъ впослѣдствіи при выборахъ профессоровъ на свободныя кафедры. Отчеты эти печата-

лись въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ за 1862—1866 годы, и почти во всѣхъ ихъ имѣются ссылки кандидатовъ на содѣйствіе, оказанное имъ Пироговымъ во время ихъ научныхъ занятій за границей. Нѣкоторые изъ нихъ отмѣчаютъ, что пользовались и врачебными совѣтами знаменитаго ученаго. Изъ упоминаній о вліяніи Н. И. Пирогова отмѣчу ссылки знаменитаго языковѣда А. А. Потебни (1863, январь), Л. Н. Модзалевскаго (1862, октябрь и декабрь), В. И. Модестова (1863, январь), и извѣстнаго историка литературы О. Э. Миллера (февраль), извѣстнаго философа М. М. Троицкаго (мартъ), извѣстнаго физика Э. Н. Шведова (1865, октябрь).

Въ слѣдующемъ письмѣ Н. И. Пирогова (отъ 2 марта 1863 года по старому стилю) изъ Берлина находимъ отвѣтъ на приведенное выше письмо А. В. Головнина, просившаго Н. И. объѣхать нѣмецкіе университеты. Имѣются въ немъ также свѣдѣнія о кандидатахъ, свидѣтельствующія, что Н. И. Пироговъ въ заботахъ о развитіи науки въ Россіи обращалъ вниманіе и на тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые поѣхали учиться на свой счетъ. Такихъ онъ особенно поощрять.

Милостивый Государь

Александръ Васильевичъ.

Какъ я ни желалъ посѣтить разомъ всѣ германскіе университеты, въ теченіе прошлаго семестра; но не успѣлъ: пріѣхавъ въ Берлинъ, я едва засталъ окончаніе курса, и потому откладываю вторую половину моей поѣздки въ южные университеты и нѣкоторые сѣверные до будущаго семестра; а теперь послѣ 6-недѣльной поѣздки возвращаюсь опять въ Гейдельбергъ, къ моему семейству, которое безъ меня все переболѣло корью.

Въ началѣ будущаго семестра, т.-е. въ маѣ, думаю снова пуститься, чтобы окончить мой осмотръ; но въ 2 или 3 отдаленнѣйшіе университеты, какъ Кенигсбергъ, Киль и пр., мнѣ едва ли удастся попасть. О результатахъ я теперь ничего не могу еще Вамъ представить, хотя и осмотрѣлъ уже цѣлые 8 университетовъ; мнѣ казалось бы болѣе вѣрнымъ отложить мой отчетъ, покуда осмотрю всѣ; впрочемъ, по возвращеніи въ Гейдельбергъ, во всякомъ случаѣ, представлю Вамъ нѣкоторыя изъ моихъ соображеній; а теперь позвольте обратить Ваше вниманіе на двухъ молодыхъ людей, которыхъ я встрѣтилъ въ Вюрцбургѣ и Іенѣ, и которымъ обѣщался извѣстить Васъ.

Первый, въ Вюрцбургѣ, это докторъ медицины Казанскаго университета Никаноръ *Хржонщевскій*, посланный сначала отъ Университета, а потомъ отъ Министерства. Онъ началъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ гистологическихъ работъ, какъ я самъ имѣлъ случай убѣдиться изъ его препаратовъ; профессоръ патологич. анатоміи Ферстеръ просилъ меня также убѣдительно, чтобы я похлопоталъ оставить его еще за границею, и я съ удовольствіемъ исполняю его порученіе; между тѣмъ срокъ пребыванія за границею Хржонщевского уже кончается, или даже окончился, въ мартѣ 63-го, и ему предстоитъ одно изъ двухъ: или ѣхать, бросивъ неоконченными всѣ работы, или оставаться здѣсь и умирать съ голода: онъ получаетъ, кажется, не болѣе 900 рублей, и сверхъ того оставилъ въ Казани жену съ ребенкомъ, которой также посылаетъ на содержаніе; онъ мнѣ показался нѣсколько эксцентричнымъ, — это доказываетъ и его ранняя женитьба; но его прилежаніе и способность къ анатомическимъ работамъ очевидны.

Второй, Діонисій Порцжежинскій, родомъ изъ Одессы, учившійся въ Москвѣ, магистръ фармаціи, и живетъ въ Іенѣ на свой щетъ. Объ немъ я уже имѣлъ честь Васъ увѣдомить, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и послалъ къ Вамъ даже его аттестаты; но отвѣта еще не получалъ. Этотъ молодой человекъ былъ ассистентомъ у недавно скончавшагося профессора химіи Лемана (который объ немъ и свидѣтельствовалъ), весьма прилеженъ и очень скромнень. Онъ желалъ бы вступить въ число кандидатовъ Министерства.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Пироговъ*.

Берлинъ 63. *Марта 14 н. с.*

А. В. Головинъ затребовавъ въ канцеляріи справку объ упомянутыхъ Пироговымъ молодыхъ людяхъ. Справка эта характерна помѣткою „5 марта“, свидѣтельствующею, что письма Н. И. Пирогова передавались министру и прочитывались имъ въ самый день ихъ полученія изъ-за границы. Мнѣніе Пирогова объ осматрѣнныхъ имъ заграничныхъ университетахъ изложено имъ въ письмахъ изъ Гейдельберга, напечатанныхъ въ газетѣ „Голось“ въ 1863—1864 годахъ и включенныхъ въ собраніе его педагогическихъ статей (изд. 1914 года).

Слѣдующее письмо (отъ 10 апрѣля 1863 года по старому стилю) интересно упоминаніемъ статьи Пирогова „о воскресныхъ школахъ“. (Къ ней онъ возвращается въ письмѣ отъ 16 мая). Статья „о воскресныхъ школахъ“ представляетъ собою очень цѣнный для исторіи русскаго просвѣщенія, горячо написанный очеркъ, въ которомъ изложена фактическая сторона дѣятельности Н. И. Пирогова по устройству, первыхъ въ Россіи, кіевскихъ воскресныхъ школъ. Здѣсь же охарактеризована вредная для родины, близорукая политика администраторовъ въ родѣ И. И. Васильчикова, преслѣдовавшихъ всякое проявленіе дѣятельности общества въ области просвѣщенія народа (статья включена въ собраніе сочиненій Н. И., изд. 1914 г.).

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Честь имѣю представить Вамъ небольшую записку о воскресныхъ школахъ, которую, если Вы найдете это возможнымъ, я просилъ бы напечатать какъ приложение къ запискѣ, составленной княз. Ширинскимъ-Шахматовымъ, и присланный ко мнѣ недавно Министерствомъ.

Такъ какъ и въ маѣ мѣсяцѣ долженъ снова выѣхать для осмотра Университетовъ, а между тѣмъ я не получилъ еще слѣдующаго мнѣ содержанія и пенсіи за 3 мѣсяца; то я обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею прозьбою о приказаніи выслать мнѣ до моего отъѣзда, во-первыхъ: трехмѣсячное жалованье и пенсію и во-вторыхъ и 3/т. дополнительнаго содержанія, которое я получилъ въ прошломъ году 1-го мая с. с. по 1-е мая с. с. 1863. Не получивъ этихъ суммъ заблаговременно и не обезпечивъ тѣмъ моего семейства, я не могу отправиться изъ Гейдельберга на продолжительное время для исполненія даннаго мнѣ порученія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга *Н. Пироговъ*.

Гейдельбергъ. 1863. Апрѣля 22 н. с.

Министръ отдалъ записку Н. И. Пирогова въ печать и написалъ выслать деньги немедленно. Статья о воскресныхъ школахъ помѣчена 20 апрѣля (конечно, новаго стиля). Теперь она

включается свободно въ собраніе сочиненій Пирогова (начиная съ 1887 года), но въ свое время считалась секретною, и печатные экземпляры ея хранились на строгомъ учетѣ въ особомъ шкафу въ департаментѣ министерства. „Секретность“ записки Н. И. Пирогова вызвана общимъ тогдашнимъ отношеніемъ правительства къ воскреснымъ школамъ, которыя 10 іюня 1862 г. были закрыты за якобы вредное вліяніе ихъ на рабочія массы. Вопросу о воскресныхъ школахъ въ связи съ просвѣтительной дѣятельностью Н. И. Пирогова въ Кіевѣ будетъ мнѣ посвященъ особый очеркъ, основанный на секретной перепискѣ разныхъ вѣдомствъ, заключающій въ себѣ письма Н. И. Пирогова и донесенія князя И. И. Васильчикова съ указаніемъ на вредное направленіе дѣятельности попечителя-миссіонера.

Перехожу къ письму Н. И. Пирогова на имя министра отъ 16 мая 1863 года по старому стилю. Въ немъ интересно сообщеніе о запискѣ профессорскихъ кандидатовъ въ пользу русскихъ солдатъ, раненыхъ при усмиреніи польскаго возстанія. Вторая половина письма, касающаяся частныхъ дѣлъ Пирогова и впечатлѣній его отъ посѣщенія педагогическаго съѣзда въ Мангеймѣ (25—28 мая н. с.), здѣсь не приводится.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Опасаясь, что не затерялось ли мое письмо отъ 22 апрѣля н. с. (какъ это теперь случается иногда), съ которымъ вмѣстѣ я имѣлъ честь представить Вамъ и мою записку о воскресныхъ школахъ, я рѣшился напомнить о содержаніи этого письма и, сверхъ того, увѣдомить Васъ еще о нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ.

Въ письмѣ моемъ, оставшемся безъ отвѣта, я просилъ Васъ покорнѣйше о высылкѣ мнѣ къ 1-му мая с. с. 3 тыс. слѣдующихъ мнѣ за 1863-й на дополнительное содержаніе, такъ какъ вексель на эту сумму за 1862-й я получилъ также 1-го мая с. с. По этому случаю я откладываю и поѣздку мою по германскимъ университетамъ, ожидая съ каждою почтою увѣдомленія на мою просьбу.

Мнѣ желательно бы было также знать и объ участи моей статьи о воскресныхъ школахъ кн. Ширинскаго-Шахматова, изложивъ откровенно все, что зналъ о первыхъ воскресныхъ школахъ, возникшихъ во время моего попечительства въ Кіевѣ.

Находящіеся въ Гейдельбергѣ русскіе, посланные за границу отъ Министерства, составили записку въ пользу раненыхъ русскихъ солдатъ въ Польшѣ; къ нимъ присоединились, конечно, и другіе русскіе, живущіе въ Гейдельбергѣ.

Канд. Неклюдовъ, о которомъ я писалъ Вамъ, теперь находится въ Берлинѣ и увѣдомилъ меня, что онъ отказывается отъ вспомошествованія его ученымъ занятіямъ...

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Пироговъ*.

Гейдельбергъ. 1863. Мая 28 н. с.

На подлинникѣ—помѣтка Головнина: „Записка его о воскресныхъ школахъ напечатана и послана ему. Она считается *секретною*, равно какъ и записка кн. Шихматова“. Кандидатъ Неклюдовъ, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, — извѣстный впоследствии криминалистъ и государственный дѣятель Н. А. Неклюдовъ. Письма о немъ Пирогова въ обследованныхъ мною дѣлахъ нѣтъ.

Слѣдующее письмо Пирогова къ министру—отъ 20 іюня 1863 года по старому стилю—очень цѣнно своимъ сообщеніемъ о настроеніи русской учащейся молодежи въ связи съ польскимъ возстаніемъ. Далѣе интересны соображенія гениальнаго хирурга о постановкѣ преподаванія на медицинскихъ факультетахъ.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Отправляясь сегодня же въ путь для осмотра Германскихъ университетовъ, я имѣю честь увѣдомить Васъ, что вексель на сумму 1900 гамб. марокъ (за треть моего добавочнаго содержанія) я на этихъ дняхъ получилъ. Вексель на имя Діон. Поржинскаго высылаю при семъ, по Вашему приказанію, обратно. Изъ суммы 150 пр. тал., высланной мнѣ для покупки книгъ, я условился съ здѣшнимъ книгопродавцемъ Викторомъ о высылкѣ въ Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 50 экзем. „Pulchs. Bruchtable“ 1862 г., а таблицы Гиллярдта, на остальные деньги, вышлю изъ Вѣны.

На этихъ дняхъ я получилъ изъ Департамента нѣсколько посылокъ съ книгами и брошюрами; но къ сожалѣнію между

ними не нашель журнала Министерства, который я не получалъ уже съ марта мѣсяца.

Деньги, собранныя по подпискѣ, проживающими въ Гейдельбергъ и Геттингенъ русскими, въ пользу нашихъ солдатъ, раненыхъ въ Польшѣ, я переслалъ при письмѣ нашему посольству въ Баденъ. Теперь здѣсь немного русскихъ студентовъ, изъ нихъ только 6 посланныхъ отъ Правительства. Духъ здѣсь вообще значительно улучшился; о крайнихъ направленияхъ вовсе не слышно; поляковъ, кромѣ 4 или 5, совсѣмъ нѣтъ. Польская неуѣренность замѣтно сблизила различныя партіи, прежде имъ безусловно сочувствовавшія.

Кандидатъ Алексѣевъ, занимающійся химіею у пр. Веллера въ Геттингенъ, просилъ меня о позволеніи отправиться на ваканціонное время (въ августъ) въ Россію, по домашнимъ обстоятельствамъ. Я, съ своей стороны, не нахожу препятствія и предлагаю ему, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, явиться въ Департаментъ. Два другихъ химика, посланные отъ Харьковскаго Университета *по медицинской химіи*, находятся въ затруднительномъ положеніи. Это Г.г. Тихоновичъ и Гарнлицкій. Они вовсе не медики, и университетъ, высылая ихъ, имѣлъ очевидно въ виду не ту медицинскую химію (физиологическую и патологическую), которая вошла по новому проекту въ составъ медицинскаго преподаванія; а просто общую химію, преподаваемую медикамъ.

Не зная физиологіи и патологіи, конечно, нельзя быть профессоромъ медицинской химіи, а начать за границею учиться этимъ 2-мъ наукамъ и узнать ихъ въ 2 года невозможно. Поэтому, я далъ этимъ господамъ совѣтъ, не развлекаясь и не вдаваясь въ изученіе наукъ для нихъ совершенно новыхъ, сосредоточить всю свою дѣятельность на усовершенствованіе себя въ общей химіи, тѣмъ болѣе, что и въ спискѣ командированныхъ за границу (напечатанномъ и присланномъ мнѣ изъ Департамента) они значатся въ отдѣлѣ физико-математическаго факультета.

Осенью сообщу Вамъ о результатахъ моей поѣздки.

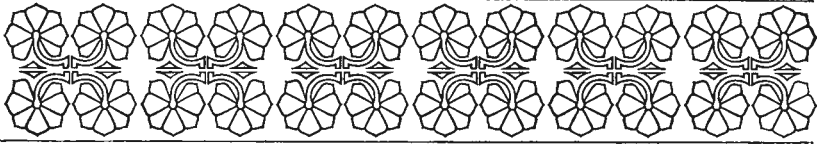
Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Пироговъ.

Гейдельбергъ. 1863. Июля 2 н. с.

Сообщ. С. Я. Штрайхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Княжна Долгорукова (Юрьевская) въ Крыму въ 1880 году ¹⁾.

Княжна Долгорукова приобрѣла дачу недалеко отъ Муравьева и, построивъ въ ней новый домъ, пользовалась особеннымъ расположеніемъ добраго и мягкосердечнаго Александра II, который послѣ смерти супруги своей и выдачи замужъ единственной, нѣжно любимой дочери, очутился въ положительномъ одиночествѣ и, чувствуя вокругъ себя враждебный хаосъ, искалъ или долженъ былъ искать кого-нибудь, кто зналъ бы его симпатіи, привычки и желанія, а такъ какъ княжна Долгорукая съ первыхъ дней юности находилась при дворѣ, то естественно, что Александръ II питалъ къ ней самое дружественное расположеніе и въ обществѣ ея находилъ все то, что напоминало прежній душевный покой и безмятежные дни его лучшихъ стремленій и дѣяній.

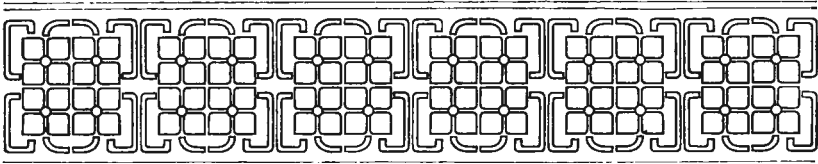
О княжнѣ Долгоруковой, переименованной въ кн. Юрьевскую, къ сожалѣнію ничего не приходилось слышать хорошаго. Всѣ служившіе или знавшіе ее считали ее крайне надменною, ко всему относившеюся съ презрѣніемъ. Она ни на кого не смотрѣла, ни съ кѣмъ не говорила, никого кромѣ Рылѣва не принимала и никого изъ прислугъ не одаряла. Единственными пріятелями ея были: двѣ дикія козы, масса кроликовъ и ослица, которую она навѣщала каждое утро и кормила изъ своихъ рукъ бѣлымъ хлѣбомъ. Ослица эта до того была избалована ею, что, выходя въ садъ, безнаказанно пожирала лучшія растенія, и когда гнались за нею, то вбѣгала не только на корридоръ, но даже въ столовую своей покровительницы. Избалованный до крайности

¹⁾ Впослѣдствіи мортанатическая жеза Александра II.

осель этотъ — однажды до того испугалъ Александра II, что онъ съ ужасомъ отскочилъ на нѣсколько шаговъ, не понимая, какое это чудовище выглянуло изъ окна маленькаго домика, завитаго плющемъ, мимо котораго онъ проходилъ вечеромъ, и никакъ не могъ допустить, чтобы туда забрался осель. Прислуга и садовники терпѣли отъ козъ и кроликовъ, которыхъ дѣти выпускали для своей забавы: они положительно истребляли грядки съ клубникою, которая требовалась ежедневно княгиней Юрьевскою, а между тѣмъ никто не осмѣливался жаловаться ей на этихъ безпощадныхъ животныхъ.

Дача кн. Юрьевской отличалась отъ всѣхъ южнобережскихъ тѣмъ, что она ограждена была высокою каменною стѣною, кладенною на извести, и имѣла три вѣзда: первый со стороны Ливадской тропинки съ горы; второй отъ рѣчки къ новому дому, а третьи ворота открывались для ѣдущихъ по почтовому тракту чрезъ имѣніе Мейера. Александръ II безпрестанно измѣнялъ свой маршрутъ не потому, что въ этомъ предстояла какая-нибудь необходимость, а смотря по тому, какою дорогою онъ ѣхалъ и на чемъ. Александру II очень нравилось, когда при вѣздѣ его встрѣчалъ въ полной солдатской формѣ съ ранцемъ за плечами небольшой сынокъ княгини и отдавалъ ему честь по военному артикулу, при чемъ императоръ испытывалъ его ловкость различнаго рода командами и самъ училъ его, если замѣчалъ ошибки или неумѣніе.

Сообщ. В. Мелега.

Изъ записокъ Н. В. Исакова ¹⁾.

(Продолженіе).

V. Осада аула Салты. VI. Темиръ-Ханъ-Шура. Поѣздка въ Баку. VII. Вторая экспедиція въ Гергебиль.

Быль конецъ іюля; оставалось еще много хорошаго времени. Предыдущее ничего не принесло въ этомъ году, нужно же было однако закончить его чѣмъ-нибудь приличнымъ. Стали поговаривать о новой экспедиціи. Какъ только стихла нѣсколько холера въ долинахъ, 26 іюля мы въ два перехода спустились съ Турчидага къ с. Салтамъ, подвезли на буйволахъ тяжелыя орудія, разработавъ для этого дороги и спуски, и заложили правильныя траншеи передъ ауломъ. Салты стояли въ долинѣ между двухъ хребтовъ невысокихъ горъ и заширали ее; съ лѣваго фланга аула былъ глубокой оврагъ, справа рѣчка, а за нею высоты командовали ауломъ. Сзади аула были обширныя сады, террасами спускающіеся по направленію къ Салтинскому мосту черезъ р. Койсу; дорога шла къ нему изъ аула по глубокому оврагу, для насъ скрыто. Ауль былъ обнесенъ высокою стѣною съ башнями. Гарнизонъ рѣшилъ защищаться. Инженерныя работы были поручены подполковнику инженеровъ Эдуарду Ивановичу Кеслеру. Штабъ съ частью войскъ сталъ на ближайшихъ высотахъ, внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, войска заняли долину. Работы у Кеслера закипѣла. Гр. Фрицъ Гейденъ съ охотниками заложилъ близко къ стѣнѣ первую траншею: подползъ по рву подъ стѣны аула и измѣрилъ разстояніе въ глухую темную ночь удачно и получилъ за это Георгія 4 ст. Кн. Алексан-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1917 года.

дру Гагарину поручено было укрѣпиться съ 2 батальонами со стороны, а съ тыла, охраняя лагерь, былъ Графскаго Ширванскаго полка батальонъ Бибанона. За штабомъ въ лошинѣ стоялъ обозъ и маркитанты; ежевечерне тамъ былъ торгъ и огни. У кн. Воронцова палатка была поднята, горѣли свѣчи; онъ по вечерамъ игралъ съ сыномъ и б. Николаи въ ломберъ, какъ отдохновеніе отъ дневныхъ тревогъ и заботъ. Непрiятель, привлеченный этой иллюминаціей съ высотъ, окружающихъ нашу позицію, началъ каждый вечеръ стрѣлять по этимъ огнямъ изъ орудій, которыя подвозилъ отъ Салтинскаго моста. Аргутинскому было непрiятно, что въ командуемомъ имъ отрядѣ главнокомандующій видитъ такую наглость горцевъ, и онъ вознамѣрился наказать ихъ. Пока мы къ этому готовились, каждый вечеръ нѣсколько непрiятельскихъ гранатъ рвало надъ площадкой, гдѣ стояла палатка кн. Воронцова. Онъ прерывалъ свою партію и выходилъ смотрѣть на нихъ, какъ на представленіе, заложивши за спину руки; около него всегда собиралась штабная группа, въ которой однажды Коцебу открылъ, что маленькій докторъ прятался за него при разрывѣ гранаты. „И нашли же вы за кого прятаться“, сказалъ онъ смущенному маленькому прiѣзжему доктору. (Коцебу былъ самъ очень маленькаго роста).

Аргутинскій былъ не въ духѣ: всею осадю завладѣлъ Коцебу. Это было въ порядкѣ вещей: шли инженерныя работы, строились брешь-батареи; Аргутинскій ничего въ этомъ не смыслилъ, но сердился, что ему какъ будто выпадала второстепенная роль внѣшнихъ дѣйствій, когда главнокомандующій былъ у него въ отрядѣ, какъ бы въ гостяхъ. Стычки съ Коцебу у него доходили уже до неприличія. При какомъ-то объѣздѣ онъ вышелъ до того изъ себя (мнѣ рассказывали свидѣтели, я самъ тутъ не былъ), что онъ назвалъ Коцебу „мальчишкой“, а Коцебу его „армяшкой“. Я не вполне, признаюсь, вѣрю этому, но я его видѣлъ въ очень возбужденномъ состояніи при возвращеніи и, вѣроятно, что-нибудь крупное произошло.

Приготовляясь къ ночному движенію, чтобы прекратить дерзкое обстрѣливаніе нашего лагеря, Аргутинскій, какъ всегда, хранилъ свое намѣреніе въ тайнѣ, никому, кромѣ преданныхъ своихъ татаръ, не говорилъ о немъ. Обыкновенный признакъ, что у него голова была занята кѣкимъ-нибудь планомъ, былъ одинъ и тотъ же: онъ ничего не ѣлъ кромѣ супу и пилъ только немножко портеру въ теченіе нѣсколькихъ дней, дабы сохранить свѣжесть мыслей и обдумать заранѣе всѣ подробности случайностей.

Въ это время, поднимали ежедневно войска на гору засвѣтло, чтобы приучить непріятеля видѣть это движеніе и принимать его только за желаніе оградить нашъ лагерь. Я, въ свою очередь, попался разъ за какое-то позабытое мною приказаніе Аргутинскаго; онъ сердито мнѣ сказалъ: „Если вы хотите, Николай Васильевичъ, служить со мной, то исполняйте мои приказанія непремѣнно“. Черезъ нѣсколько минутъ, когда мы возвращались съ позиціи, онъ, какъ будто ничего не бывало, говоритъ: „Что, любезный Николай Васильевичъ, ты такой молчаливый сегодня“. Онъ былъ медвѣдь, и когда сердить, и когда хотѣлъ заставить забыть, что онъ былъ сердить. Но это была единственная размолвка со мною, вина, впрочемъ, была моя. Однако же Коцебу мнѣ жаловался на кн. Моисея Захаровича, за его неприличныя выходки; я былъ старый подчиненный Коцебу и опасался, какъ бы не попасть между двухъ огней, но это прошло безъ послѣдствій.

7 августа до заката солнца войска были подняты по обыкновенію на гору; непріятель могъ издали сосчитать, что это тѣ же 2 горныхъ орудія, 2 баталіона и сотня конной милиціи, но когда стемнѣло, то къ намъ присоединились войска изъ лагеря и отрядъ изъ 6 баталіоновъ пѣхоты со всѣми горными орудіями для движенія на лагерь непріятеля былъ готовъ. Кавалерія была впереди, состояла изъ разныхъ племенъ дагестанскихъ, подъ командою маіора кн. Гагарина, поддержаннаго дивизіономъ Нижегородскихъ драгунъ, которому кн. Воронцовъ хотѣлъ дать случай отличиться. Пока войска въ страшной темнотѣ устраивались, выдвигались, прибывали, пріѣхаль къ отряду кн. Воронцовъ, спросилъ меня, гдѣ бы ему прилечь. Разослали бурку у одного изъ батальоновъ, и онъ приказалъ мнѣ разбудить его тотчасъ же, какъ батальону придется двигаться. Старый боецъ сейчасъ же заснулъ, окруженный адъютантами, чтобы въ темнотѣ его какъ-нибудь не зацѣпило. Аргутинскій передъ движеніемъ передалъ мнѣ свое намѣреніе сдѣлать внезапное наступленіе, но не сказалъ мнѣ, что насъ ожидаетъ со стороны непріятеля, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ уже имѣлъ.

Войска ошупью подвигались впередъ, я подѣхаль разбудить кн. Воронцова, адъютанты стали спорить со мной. Князь услыхаль, „Что, пора“, спросилъ онъ, „если пора, такъ поѣдемъ“, сѣлъ на своего темносѣраго „Багу“, и, какъ ни въ чемъ не бывало, потихоньку поѣхаль за двигающимися ошупью батальонами. Стало брезжить, войска прибавили ходу, мѣстность для меня была совсѣмъ незнакомая; открытая голая поверхность горнаго

хребта. Послышались первые выстрѣлы. Аргутинскій мнѣ сказалъ: „Возьмите, любезный Н. В., 2 баталіона и 2 орудія и, вправо выдвинувшись, вы увидите внизу непріятельскій лагерь, откройте огонь; наша кавалерія должна быть скоро въ лагерь, если кн. Гагаринъ такой молодець, какъ говоритъ главнокомандующій“.

Черезъ 150 шаговъ вправо я очутился въ какомъ-то окошкѣ, въ которое я вдвинулъ 2 горныхъ орудія. Внизу подо мною, въ глубокой лощинѣ была какая-то невообразимая кутерьма. Сколько можно было разобрать, это былъ бивуакъ непріятеля, какъ видно многочисленнаго по объему. Много было и палатокъ. Кавалерія наша неслась въ лощину; вся эта татарва спросонья кидалась и стрѣляла; кони вырывались, всадники пѣшкомъ соскакивали въ кручу, спасаясь отъ нашей кавалеріи. Гранаты моихъ 2 орудій падали тамъ, гдѣ были кучи народа. Ясно было, что мы настигли ихъ дѣйствительно врасплохъ. Однако же кн. Аргутинскій исчезъ. Онъ съ 2 передовыми батальонами, не останавливаясь надъ лощиной, бѣгомъ обогнулъ ее, и все, что тамъ было, въ видѣ пѣхоты и главныхъ силъ непріятеля, бросилось внизъ по скаламъ, не пробуя дать какой бы то ни было отпоръ. Я поѣхалъ посмотреть, что дѣлается у Аргутинскаго, такъ какъ у меня представленіе уже кончилось. На пути я встрѣтилъ батальонъ, производящій страшную стрѣльбу; оказался, что за непроходимымъ оврагомъ отъ него уходилъ одинъ лезгинъ, махавшій шапкой въ знакъ того, что онъ сдается. Весь батальонъ разрядилъ по немъ свои ружья, а лезгинъ все-таки ушелъ. Я нашелъ кн. Аргутинскаго пѣшкомъ на спускѣ, поддерживаемаго своимъ, вѣрнымъ Хаджи Бутаемъ. Впереди его стрѣлки наши пускали свои штуцерныя пули въ догонку бѣгущимъ стремглавъ внизъ, ошалѣвшимъ непріятелямъ ¹⁾. Аргутинскій былъ въ большемъ духѣ и смотрѣлъ какъ охотникъ, сдѣлавшій сюрпризъ своимъ гостямъ. Движеніе было хорошо рассчитано, дѣло было лихое, въ полчаса времени непріятель былъ разметанъ, какъ песокъ. Общее возбужденіе увлекло бы насъ далеко, если бы Аргутинскаго не пришли звать къ главнокомандующему. Пыхтя и отдуваясь, поддерживаемый съ двухъ сторонъ, тучный Моисей Захаровичъ поднимался въ гору съ видомъ начальника, который умѣетъ и знаетъ, что можно сдѣлать съ кавказскими войсками.

¹⁾ Только одинъ стрѣлковый баталіонъ имѣлъ штуцера, а вся масса пѣхоты лишь гладкоствольныя винтовки съ ничтожной дѣйствительностью, и можно утвердительно замѣтить, что стрѣльбы въ пѣхотѣ у насъ не было, а была только пальба.

Б. Колубанинъ.

Кн. Воронцовъ былъ доволенъ этою удачей, первую въ нынѣшнемъ году, и высказалъ Аргутинскому много такихъ пріятныхъ вещей, которыя послѣднему пришлось по сердцу. Коцебу съ нами не было: онъ оставался командовать въ лагерь, слѣдовательно, ничто не нарушало его хорошаго расположенія. Пока собирались войска, главнокомандующій прилегъ за большимъ камнемъ, и мы всѣ, усталые, тоже за каменьями.

По возвращеніи въ лагерь, пробираясь между палатками, я наткнулся у одной изъ нихъ на голую ногу, отрѣзанную выше колѣна, обутую въ сѣрый носокъ. И палатка и нога принадлежали бѣдному кн. Гагарину. Онъ впереди своей милиціи внесся въ лощину, гдѣ былъ лагерь, былъ раненъ, отнесенъ въ лагерь; позвали Пирогова, который позвалъ нѣсколько врачей посмотреть и отнялъ ногу въ науку ихъ неумѣлости, о консервативной хирургіи ни онъ, да и никто тогда не думалъ. Намъ невольно стало тогда приходить на мысль, не слишкомъ ли уже это быстро и нельзя ли, въ случаѣ подобномъ, быть подальше отъ Пирогова. Гагаринъ лежалъ довольно бодро, на его желѣзной походной кровати, въ головахъ, висѣла Анна 2 ст. Онъ былъ доволенъ. Жоржъ Гагаринъ былъ сынъ Павла Павловича Гагарина (впослѣдствіи председателя Государственнаго Совѣта), служилъ давно въ линейскихъ казакахъ, и несмотря на эту ампутацію жилъ очень долго и только тучнѣлъ чрезмѣрно.

Когда я проснулся, на постели у меня сидѣлъ Василій Денисовичъ Давыдовъ, гвардейскій офицеръ артиллеристъ, въ отчаяніи, что не пріѣхалъ нѣсколькими часами ранѣе. У него былъ въ отрядѣ братъ.

Черезъ два дня мы сдѣлали такое же ночное движеніе въ правомъ флангѣ нашей позиціи также по высотамъ, но тамъ непріятели не нашли.

Осадныя работы шли своимъ чередомъ. У непріятели было нѣсколько орудій. Каждую ночь онъ дѣлалъ вылазки на нашихъ работахъ въ траншеяхъ, но этимъ работы не замедлялись.

Пріѣхалъ къ намъ въ лагерь инженерный ген. Бюрно, родомъ французъ, служившій въ Новороссійскомъ краѣ у кн. Воронцова, который къ нему благоволилъ и былъ не прочь дать ему случай отличиться. Инженерное дѣло было въ неспособныхъ рукахъ Кеслера, но туда мѣшаться не допускалъ Коцебу. Бюрно придумалъ портить воду въ единственной рѣкѣ, протекавшей черезъ нашъ лагерь и входившей въ аулъ, сталъ устраивать плотины изъ навоза и ежедневно приносилъ кн. Воронцову утромъ бутылку воды, для убѣжденія стени навознаго настоя, получае-

маго отъ насъ гарнизономъ вмѣсто воды. Потомъ предложилъ проектъ занятія отдѣльнымъ отрядомъ садовъ Салтинскихъ и тѣмъ прекращенія сообщенія гарнизона съ внѣшней помощью, расположенною у Салтинскаго моста, откуда смѣнялись защитники аула и доставлялся имъ провiантъ и снаряды. Предложенiе было разумно. Аргутинскiй колебался только ввѣрить что-либо изъ своихъ войскъ неизвѣстному шарлатану-французу, какъ онъ его называлъ, и назначилъ 2 батальона съ 2 горными орудiями и полковника Бибанова, чтобы имѣть въ отрядѣ этомъ солиднаго начальника, и чтобы „проклятый шарлатанъ не надѣлалъ глупостей“, и приказалъ мнѣ быть также при г. Бюрно при занятiи садовъ.

Утромъ рано мы почти безъ выстрѣла заняли сады, горцы не ожидали этого. Сады всѣ были на террасахъ, одну изъ нихъ выбрали довольно обширную и стали на ней укрѣпляться, ожидая однако же, что горцы попробуютъ освободить свои сообщенiя, на которыхъ мы располагались.

Принялись за траншеи, за прикрытiя для батареи изъ двухъ орудiй, засѣки. Бюрно былъ въ восхищенiи отъ удачнаго исполненiя его плана, который онъ справедливо считалъ довольно труднымъ, ибо все движенiе сдѣлалось почти на ружейный выстрѣлъ отъ аула, а между тѣмъ въ садахъ не нашли ни одного горца. Два батальона: Графскiй и Самурскiй рабогали усиленно, чтобы прикрыться поскорѣе. Командиры ихъ, Бибановъ и Болотниковъ, еще разъ встрѣтились въ своей боевой жизни; въ первый разъ, въ 1843 г., еще молодыми, они нечаянно попались въ укрѣпленiи Низовомъ и выдержали долгую осаду и нѣсколько приступовъ, были не разъ въ отчаянномъ положенiи, но отстоялись и укрѣпленiе спасли. Они представляли два разные типа кавказскихъ командировъ: Бибановъ былъ умный отъ природы, съ образованiемъ университетскимъ, чрезвычайно энергичный и съ большою репутацiей отличнаго храбраго человѣка, суровый, угрюмый, мало общительный, съ привычкою нѣсколько разъ въ день пропускать чарку водки съ пирожкомъ, что онъ называлъ „пыжами“; болѣе правильная его трапеза состояла вечеромъ изъ тертой рѣдьки съ хрѣномъ. Въ общемъ лагерномъ положенiи подъ Салтами, онъ стоялъ на скверномъ мѣстѣ, гдѣ нельзя было зажечь свѣчи въ палаткѣ: горцы подкрадывались каждую ночь и его батальонъ ночевалъ обыкновенно въ завалахъ, не отвѣчая на огонь бросавшихся горцевъ до минуты, когда дѣлалъ общiй залпъ; горцы затѣмъ его покидали до слѣдующей ночи. И командиръ и батальонъ были отличные. Кн. Аргутинскiй на-

значилъ его въ экспедицію Бюрно, чтобы имѣть надежнаго человѣка при неизвѣстномъ французѣ. Другой командирь, Болотниковъ, старый кавказскій офицеръ, съ нѣкоторою опытностью, но положительно безъ всѣхъ качествъ Бибанова. Пріѣхаль Аргутинскій посмотрѣть, что дѣлается у Бюрно, послѣдній въ большомъ ударѣ, ломаннымъ русскимъ языкомъ наказывалъ ему съ три короба. Аргутинскій, понимая очень хорошо, что можетъ быть съ этимъ отрядомъ, приказалъ какъ можно скорѣе окончить прикрытіе, не трогаться изъ него, если привезутъ котлы поздно, не варить пища до другого дня, съ наступленіемъ сумерекъ быть въ полной готовности.

Я долженъ былъ остаться до окончанія работъ, нарисовать и пріѣхать сообщить, какъ проведенъ день. Ко мнѣ изъ любопытства пристроился датскій офицеръ Дюлло, храбрый молодой человѣкъ, дѣлавшій съ нами экспедицію (онъ погибъ въ Шлезвигъ-Голштинскую войну генераломъ). Непрiятель старался намъ мѣшать, но раненыхъ у насъ было немного: мѣстность позволяла скрыто работать. Когда было все кончено, и Бюрно при мнѣ сговорился съ Бибановымъ, какъ расположиться и какія мѣры принять на ночь, я съ Дюлло часу въ 5 уѣхали въ лагерь. На дорогѣ встрѣтили котлы на вьюкахъ, высланные отъ полковъ, когда получены были въ нихъ свѣдѣнія, что батальоны прочно заняли позицію. Какъ теперь вижу, на худыхъ артельныхъ коняхъ, съ обѣихъ сторонъ по двѣ опрокинутыя черныя большія чашки. Если бы кому пришло на мысль ихъ воротить, сколько бы жизней было сохранено. Вотъ что однако же произошло: съ наступленіемъ сумерекъ всякое сообщеніе съ лагеремъ было прекращено, и Бюрно, находясь на отдѣльномъ посту, не могъ ожидать помощи ниоткуда. Онъ это зналъ отъ Аргутинскаго. Какъ только стемнѣло, мы въ лагерь услышали перестрѣлку, очевидно, въ садахъ. Огонь сталъ учащаться и перешелъ въ непрерывный, чрезвычайно сильный, прерываемый безпрестанными глухими выстрѣлами изъ орудій, по гулу ясно было, что они стрѣляютъ картечью. Очевидно было, что наша отдѣльная позиція въ горахъ была сильно атакована горцами. Положеніе въ лагерь было томительное, ночь темная, рисковать на помощь войсками было нельзя. Всѣ батареи въ лагерь открыли огонь по аулу, стрѣлки, ближайшіе къ аулу, открыли учащенный огонь тоже, чтобы страхомъ общей атаки на аулъ отвлечь нападающаго отъ нашего отряда въ садахъ. Послѣ 2 часовъ огонь въ садахъ замолкъ. Можно было надѣяться, что отрядъ отстоялъ позицію. Нужно было какъ-нибудь дожидаться разсвѣта. Съ раз-

свѣтомъ Аргутинскій поѣхаль въ сады; уже по дорогѣ, какимъ-то путемъ, дошли до насъ смутныя свѣдѣнія, что отрядъ понесъ большія потери. Обогнувъ ауль, мы приближались къ рѣчкѣ, издали было видно много бѣлыхъ рубашекъ: солдаты изъ садовъ брали воду. Въ эту минуту черезъ рѣчку понесли кого-то на носилкахъ, покрытыхъ буркою, солдаты, бравшіе воду, сняли шапки, стали на колѣни, перекрестились и поклонились въ землю. Аргутинскій догадался: „Бибановъ убитъ“, проговорилъ онъ съ грустнымъ и раздраженнымъ вздохомъ. Я было попробоваль отвлечь эту мысль. „Нѣтъ, любезный Н. В.“, сказалъ онъ, „другого солдаты не будутъ такъ провожать“. Поровнявшись съ носилками, офицеръ, ихъ провожавшій, взялъ подъ козырекъ и проговорилъ: „Полковникъ Бибановъ“, прежде нежели мы его спросили. Аргутинскій цѣнилъ его, какъ лучшаго батальоннаго командира, въ немъ онъ чувствовалъ потерю для своихъ войскъ и предчувствовалъ бѣду въ отрядѣ у Бюрно. Вотъ что оказалось: котлы пришли незадолго до сумерекъ; несмотря на уговоръ, Бюрно разрѣшилъ варить пищу, въ виду очень большой усталости солдатъ, проработавшихъ безсмѣнно цѣлый день по укрѣпленію. Уже было темно, когда одна рота спустилась въ оврагъ, внѣ укрѣпленія, къ котламъ; другая шла на смѣну, ружья были оставлены въ укрѣпленіи. Въ эту минуту подстерегавшіе горцы бросились въ большомъ числѣ на эти роты; свалка произошла страшная, большая часть изъ нашихъ, застигнутые врасплохъ, остались на мѣстѣ. Страшно было взглянуть на этотъ оврагъ, два офицера, бывшіе съ ними, лежали тамъ же. Непріятель, ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, окружилъ укрѣпленіе и намѣревался уничтожить этотъ отрядъ, судя по ожесточеннымъ его атакамъ.

Бибановъ, легко раненый въ голову, однако же хладнокровно распоряжался, велѣлъ всѣмъ лечь, стрѣлять съ фасовъ только залпами, этимъ спасъ отрядъ, ошеломленный этимъ нападеніемъ. Голосъ Бюрно былъ слышанъ изрѣдка: „мадамъ картечка“. Храбрый молодой артиллерійскій офицеръ выжидалъ и облавалъ горцевъ картечью, когда они дерзко кидались къ орудіямъ. Онъ не спѣшилъ однако же, зная, что зарядовъ немного, а ночь длинна. Команда Бибанова была слышна долго, пока пуля въ грудь не прекратила ее на вѣки, но отрядъ ободрился и отстоялся. Мы потеряли и въ укрѣпленіи много. Раненыхъ сносили, позади укрѣпленія рыли большую могилу; поджидали священника. Картина была раздражающая. Аргутинскій былъ въ негодованіи. Онъ прежде поблагодарилъ солдатъ и офицеровъ за то, что это

было не легко и въ катастрофѣ они не виноваты. Гнѣвъ его обрушился на подполковника Болотникова, оставшагося цѣлымъ: „Я нисколько не пожалѣлъ бы, если бы вы были на мѣстѣ Бибанова. Сколько вы потеряли вашу глупостью людей. Хорошіе батальоны разстроили. Если бы у васъ въ головѣ было больше мозгу, нежели шарлатанства“. Всѣ эти несвязныя слова и упреки были по адресу Бюрно, ибо Болотниковъ въ присутствіи Бибанова не имѣлъ никакого голоса. Но какъ могъ Бибановъ допустить такой явный безпорядокъ въ такомъ опасномъ мѣстѣ, это оставалось для насъ загадкой. Возвращаясь въ лагерь, я невольно подумалъ: если бы котлы съ дороги вернулись, не было бы катастрофы. Но тамъ былъ Бибановъ, слѣдовательно, не было сомнѣнія въ благоразумной распорядительности. Если бы мнѣ не было приказано пріѣхать, я бы остался тамъ на ночь и понесъ бы упрекъ за все случившееся, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Бюрно и Бибановъ меня не послушались бы, я слишкомъ молодъ и неопытенъ.

Черезъ нѣсколько дней по настоянію Аргутинскаго Бюрно былъ оттуда смѣненъ и его замѣнилъ командиръ Графскаго полка Плаць-Бекъ-Кокумъ. Непрiятель сильныхъ нападѣній уже не предпринималъ; укрѣпленія уллучшились и гарнизонъ усилился, но почти ежедневно по уступамъ горъ, командующихъ садами, въ опредѣленный часъ непрiятель подходилъ съ орудіями и пускалъ въ нашу позицію десятка два ядеръ и гранатъ; затѣмъ музыканты его, изъ бѣглыхъ солдатъ, играли нашу зорю, и непрiятель удалялся. Такое представленіе непрiятель давалъ въ часъ, когда у главнокомандующаго кончали обѣдать и выходили на террасу, откуда было видно все, какъ на ладони, и помѣшать этому было рѣшительно нечѣмъ, несмотря на безпрестанныя жалобы Кокума, котораго ежедневно разстрѣливали, хотя по справедливости сказать, съ очень небольшою потерей у насъ въ людяхъ. Такъ какъ на войнѣ все обращается въ шутку, не мало забавлялись въ штабѣ и этимъ представленіемъ, и самъ Аргутинскій въ своемъ интимномъ кругу подсмѣивался надъ Кокумомъ, говоря: „Какой Андрей Петровичъ сдѣлался безпокойный, чѣмъ же тамъ стоять не хорошо“. Осадныя работы подвигались впередъ. Василій Кузьмичъ Мищенко, назначенный траншей-маіоромъ, былъ раненъ въ животъ навывлетъ. Пироговъ ему сказалъ: „Если черезъ 3 дня у васъ будутъ кишки дѣйствовать, вы будете живы“. Бѣдный Мищенко былъ тогда женихомъ. Какимъ крикомъ онъ оповѣстилъ сосѣдей по палаткамъ, что онъ спасенъ, когда на 3 день онъ дѣйствительно совершилъ такой простой

актъ всегдашней жизни, который доказываетъ, что кишки дѣйствуютъ. Эта рана не помѣшала ему жениться, имѣть много дѣтей и жить еще долго.

Другой эпизодъ былъ грустнѣе. Къ отряду подошло подкрѣпленіе: Евдокимовъ привелъ 2 баталіона Дагестанскаго полка. Въ одномъ изъ нихъ 2 ротамн, какъ младшій штабъ-офицеръ, командовалъ адъютантъ кн. Воронцова Глѣбовъ. На позиціи къ Евдокимову упало нѣсколько шальныхъ неприятельскихъ пуль изъ-за оврага, для насъ недоступнаго. Онъ выслалъ тотчасъ же Глѣбова съ его 2 ротами прогнать неприятеля. Въ это время кн. Воронцовъ со штабомъ ѣхалъ встрѣтить эти новоприбывшіе баталіоны. Завязалась перестрѣлка. Надъ оврагомъ былъ въ копнахъ сплтый хлѣбъ; стрѣлки залегли, а Глѣбовъ пѣшкомъ ходилъ между ними. Неприятель былъ на близкомъ разстояніи, и пули свистѣли даже мимо свиты кн. Воронцова. Кого-то подняли на носилки. Кн. Воронцовъ сказалъ гр. Гейдену посмотрѣть, не Глѣбовъ ли это. Гейденъ поскакалъ и воротился съ горькими словами. „Глѣбовъ раненъ въ голову“. — „Ахъ, бѣдный Глѣбовъ, опять“, произнесъ старикъ съ грустью. Принесли носилки, пуля попала надъ глазомъ; Глѣбовъ еще дышалъ, но глаза очень вдругъ оцухли, надежды не было никакой. Кн. Козловскій тотчасъ же вынулъ у него изъ кармана все, что было, а были тамъ письма, которыя компрометтировали бы одну женщину, которую всѣ любили. Глѣбовъ былъ хорошій товарищъ, лихой офицеръ, онъ попробовалъ Кавказа, посланный туда въ экспедицію изъ конной гвардіи; ему это полюбилось, и онъ остался адъютантомъ у Нейдгарта. Рука была на повязкѣ и не служила, ротъ нѣсколько прикривленъ отъ раны въ лицо, нога прихрамывала отъ пули. Но онъ все ходилъ въ экспедиціи и рѣдко возвращался не раненый. Безработный, безъ денегъ, безъ родныхъ, онъ былъ очень храбръ и всегда очень влюбленъ въ кого-нибудь. Въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ зимою, его очень баловали. Онъ живо дѣйствовалъ на воображеніе молодежи своею отвагою, военными походами и свѣтскими успѣхами и былъ очень популяренъ, хотя часто раздражался, не любилъ нѣмцевъ, ссорился иногда, но все это приписывалось болѣзненному настроенію. Разъ, когда онъ проѣзжалъ по линіи курьеромъ, горцы его взяли въ плѣнъ, привязали къ лошади и вплавъ черезъ рѣку протащили въ горы едва живого отъ изнеможенія. Онъ просидѣлъ въ плѣну, кажется въ сырой ямѣ, куда спускали по веревкѣ воду и сухой хлѣбъ. Выкупъ, котораго ожидали горцы, не приходилъ, потому что былъ запрещенъ, чтобы отвадить

горцевъ подстергать нашихъ, въ ожиданіи за cadaго получить деньги, но выкрасть плѣннаго допускалось. Если находился такой смѣльчакъ изъ мирныхъ горцевъ, съ нимъ сговаривался кто-нибудь изъ начальниковъ и потомъ ему платили серьезную сумму. Такъ былъ выкраденъ изъ ямы Глѣбовъ и въ одну ночь привезенъ на линію. Эти оба путешествія и жизнь въ ямѣ разстроили его здоровье, но онъ велъ прежнюю беззаботную жизнь.

На другой день мы проводили гробъ, привязанный къ двумъ лошадямъ на носилкахъ. Въ Шурѣ его встрѣтили слезы, которыхъ не скрывали. Въ Тифлисѣ его смерть отозвалась горькими слезами, которыя нужно было скрывать во что бы то ни стало. Его было жаль и какъ товарища, и какъ офицера блестящей храбрости, у котораго могло быть еще многое впереди.

Осадныя работы шли; начали выдаваться однообразные дни. Я жилъ въ палаткѣ съ бар. Деллинггаузенемъ, адъютантомъ Коцебу, прикомандированнымъ къ нашему отряду, отличный во всѣхъ отношеніяхъ молодой человекъ (теперь командиръ корпуса). Иногда собирались завтракать у Дундукова, иногда засиживались, подавался арбузъ, въ который клали абрикосовъ и вливали бутылку рома. Кн. Воронцовъ, узнавъ отъ сына объ этомъ, приказалъ себѣ сдѣлать то же самое и нашелъ это очень вкуснымъ. Обѣдъ его для цѣлаго штаба состоялъ обыкновенно изъ супа и баранины. Его докторъ, Андреевскій, завѣдывалъ хозяйствомъ походнымъ и получалъ за спиною всю брань штабныхъ, когда было плохо или когда въ экспедиціи были стаканы, съ которыхъ позолота сошла внутри, или кахетинскаго было мало. Кн. Воронцовъ всегда самъ обѣдалъ со штабомъ и приглашалъ многихъ и за обѣдомъ разсказывалъ много анекдотовъ изъ кампаніи 12 и 14 г. Но скоро старикъ вынужденъ былъ запереться въ совершенно темную палатку и не выходить, такъ у него разболѣлись глаза. Каково было выдержать это, когда драма Салтинская приближалась уже къ концу.

9 сентября былъ назначенъ штурмъ аула. До разсвѣта всѣ собрались въ траншеяхъ, но наученные неудачею Гергебиля намѣревались овладѣть ауломъ постепенно: сначала разбить стѣну и на ней укрѣпиться съ батареями, чтобы откуда громить внутренность аула. Всѣ распоряженія этого дня были удачны. Коцебу по повѣреннымъ часамъ у всѣхъ батарейныхъ командировъ началъ и кончилъ сильную бомбардировку аула. Затѣмъ заложенные мины подъ стѣною взорвали часть стѣны; охотники быстро заняли воронки отъ взрывовъ и часть стѣны и стали

прикрываться, складывая изъ камней себѣ завалы. Непріятель однако же скоро опомнился и открылъ огонь изъ разныхъ щелей аула, неувомыхъ, почти изъ-подъ земли, кромѣ того сталь бросать массу камня, острога, который ранилъ въ голову и ушибалъ больно вездѣ, гдѣ попадалъ. Аргутинскій пошелъ поблагодарить охотниковъ; на лѣвомъ флангѣ ихъ были драгуны, между ними мой пріятель Беклешевъ. Онъ ужасно рвался въ охотники, и когда я говорилъ объ этомъ Аргутинскому, онъ не соглашался. „Что тебѣ за охота, Н. В., брать на свою душу“, говорилъ онъ мнѣ, „одинъ сынъ у матери, будутъ еще случаи отличиться“. Здѣсь, увидавъ молодого человѣка съ повязанной головой, онъ похвалилъ его и поздравилъ его съ Георгіемъ. Восхищенный Беклешевъ просилъ въ эту минуту одной только награды, и я подѣлился съ нимъ моими папиросами. Однако же не всѣмъ обошлось это дешево. Выйдя влѣво изъ траншеи, мы замѣтили, что одинъ изъ баталіоновъ, поддерживавшихъ охотниковъ, въ увлеченіи атаки прошелъ слишкомъ влѣво отъ охотниковъ и наткнулся на неразрушенную часть стѣны и залегъ подъ стѣною; непріятель сверху стѣны разстрѣливалъ его и забрасывалъ камнями. Нужно было его тотчасъ же убрать оттуда. Аргутинскій разсердился, хотѣлъ послать кого-нибудь сказать тупому батальонному командру Пригарѣ, что онъ сейчасъ же отступалъ. До стѣны аула было саженъ сто совершенно открытаго мѣста. Съ нимъ было только насъ двое: я и ротмистръ Адиль Гирей (состоявшій при кн. Воронцовѣ). Я однако же замѣтилъ, что Аргутинскій хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но повернулся къ Адиль Гирею и послалъ его къ стѣнѣ. Мѣсто было скверное, мы остались ждать исполненія, да и Адиль Гирей легко могъ быть раненъ, нужно было кому-нибудь передать приказаніе. Однако же онъ дошелъ благополучно, но когда баталіонъ поднялся, чтобы быстро отступить, много черныхъ пятенъ осталось навсегда подъ стѣною. Тяжело останавливаться на мысли, что при поспѣшности ухода остались подъ стѣною можетъ быть не одни убитые. Возвратившагося Адиль Гирея Аргутинскій похвалилъ, а маіора Пригару разругалъ страшно и подѣломъ, за напрасную потерю въ батальонѣ, что совершенно зависѣло отъ его неумѣнья владѣть батальономъ въ огнѣ. Пригара положилъ себѣ на животъ и грудь дестъ писчей бумаги, и дѣйствительно одна пуля попала и не пробила ее. Аргутинскій, узнавъ объ этомъ, еще разъ разругалъ его.

Не знаю, какимъ способомъ, но острые, небольшіе камни летѣли въ намъ изъ аула во множествѣ, такой попалъ мнѣ

въ ногу, когда я шель сзади Коцебу. Отъ боли я невольно произнесъ непечатное восклицаніе, Коцебу обернулся. „Peut on juger de cette manière, mon cher“ ¹⁾, проговорилъ чопорно Коцебу и зѣтѣмъ вслѣдъ, отъ попавшаго въ него камня, не удержался отъ рѣзкаго слова. Пока стѣнка устранилась, какъ новое закрытіе, и насыпались барбеты для орудій, перестрѣлка шла. Гдѣ-то въ укромномъ уголку траншеи пріютился поваръ кн. Козловскаго, по фамиліи Зубокъ, и жарилъ бараній шашлыкъ; мы по очереди его навѣщали. Зубокъ былъ и хорошій стрѣлокъ, непрочъ отъ времени до времени пролѣзть на стѣнку и пустить пулю въ ауль. Кажется, впоследствии онъ гдѣ-то былъ подстрѣленъ не за свое дѣло, а поваръ былъ прекрасный для похода.

Къ вечеру эта новая ограда, командующая внутренностью аула, была вооружена артиллеріей, и полковникъ Захаръ Степановичъ Манюкинъ съ Мингрельскими батальонами поставленъ охранять новую позицію. Когда все было сдѣлано, мы воротились въ лагерь. Ночью Манюкинъ выдержалъ неоднократное нападеніе, горцы не разъ старались овладѣть орудіями, рукопашный бой былъ безпрестанный, мы были слишкомъ близко къ непріятелю, но Манюкинъ, весь избитый камнями, удержался. Ауль внутри представлялъ груды стѣнъ каменныхъ, въ которыхъ разобрать ничего было нельзя, но изъ невидимыхъ дыръ безпрестанно показывался дымокъ. Горцы сидѣли въ какихъ-то подземельяхъ, и наши артиллерійскіе снаряды терялись въ этой грудѣ камней.

13 сентября рѣшились овладѣть частью аула, которая виситъ на единственномъ пути отступленія гарнизона, надъ обрывомъ. Съ разсвѣтомъ, послѣ получасоваго бомбардированія со всѣхъ батарей, охотники вскочили въ ауль и быстро заняли его часть, которая была отдѣлена отъ остальной еще цѣльными, высокими стѣнами. Непріятель, ошеломленный артиллерійскимъ огнемъ, куда-то запрятался, выстрѣловъ отъ него не было. Я смотрѣлъ черезъ стѣну въ ауль, стоя на барбетѣ орудія, и сталъ звать Аргутинскаго подняться посмотреть, какъ хорошо охотники занимаютъ ауль. Онъ отвѣчалъ, что уже видѣлъ, „а впрочемъ, дайте мнѣ руку, любезный“. Я помогъ ему вскарабкаться на барбетъ.

Онъ только взглянулъ черезъ стѣну и присѣлъ, схватившись за щеку. „Я раненъ“, сказалъ онъ. „Это камень, князь“. Мы

¹⁾ „Можно ли такъ браниться, милый мой“.

спустили его съ барбета и съ помощью Дундукова и Сергѣя Васильчикова повели назадъ въ траншеи. „Возвратитесь, господа, на свои мѣста, я дойду“. Ему сдѣлали операцію въ траншеяхъ. Пуля попала ему въ щеку и вышла за ухомъ, къ счастью, ничего не повредивъ. Но я не могъ однако же внутренно не сознаться, что сдѣлалъ большую глупость, приглашая старика смотрѣть черезъ стѣну, пуля, на волосъ только отклонившись, могла бы убить его. Начальника нельзя выставлять и объ этомъ нужно не забывать въ собственномъ увлеченіи.

Коцебу принялъ начальство. Охотники рвались черезъ неразрушенныя стѣны аула, стрѣльба и крики „ура!“ были страшныя. Коцебу сстановилъ однако же это, потери были бы напрасныя: разгоряченныя штурмомъ войска могли бы попасть въ какія-нибудь подготовленныя трущобы. Занятое мѣсто имѣло саж. 100 или 150 квадратныхъ. Слѣдовало удовольствоваться тѣмъ, что сдѣлано, несмотря на всѣ возгласы и подсказыванія нѣкоторыхъ, что нужно воспользоваться настроеніемъ войскъ и занять весь аулъ. Кипятился особенно датскій офицеръ Дюлло, храбрый и славный офицеръ. Однако же стоило не малаго труда успокоить войска. Скоро оказалось, что занятое мѣсто имѣетъ что-то пустое подъ собой.

Нѣсколько человекъ было ранено изъ-подъ земли. Смѣльчаки спустились по крутой стѣнкѣ оврага, чтобы высмотрѣть, откуда выстрѣлы—оказалось подземное помѣщеніе, заложненное сверху хворостомъ и землею. Человекъ 15 отчаянныхъ горцевъ засѣли и не сдаются, несмотря на всѣ уговоры нашихъ татаръ. Стали бросать въ нихъ ручныя гранаты, они ихъ выбрасывали въ оврагъ. Это длилось часа два. Наконецъ согласились выйти, повѣривъ, что ихъ оставятъ живыми. Такъ и вывели одного за другимъ этихъ звѣрей. У входа въ это логовище стоялъ молодой саперный юнкеръ. Одинъ изъ выходившихъ, въ остервенѣніи, замахнулся на него кинжаломъ; тогда нашъ татаринъ ловко вырвалъ у него кинжалъ, пригнулъ его на колѣни, и я слышалъ только звукъ кинжала по бритой головѣ, какъ по сахарной, и видѣлъ, какъ онъ полетѣлъ въ кручу. Но этотъ былъ самъ виновать, остальные остались живы.

День уже склонялся къ вечеру; для войска тоже онъ оканчивался и, можно сказать, безъ большихъ потерь. Повсюду шли работы прикрытія и укрѣпленія на ночь, въ ожиданіи послѣднихъ отчаянныхъ усилій горцевъ. Солнце садилось на нашу сторону, стѣнка, отдѣлявшая нашихъ стрѣлковъ отъ непріятеля, была саженьхъ въ 15; она была сложена изъ камней въ разру-

шенной стѣны, кое-какъ засыпана; щелей было въ ней много и при заходящемъ солнцѣ на нашей сторонѣ, щели эти изъ аула для горцевъ свѣтились насквозь. Когда они закрывались для нихъ, это значило, кто-нибудь проходилъ мимо, винтовки горцевъ были наготовѣ, сейчасъ же слѣдоваль выстрѣль.

Такъ попался гр. Гейденъ. Мы съ нимъ обходили стѣнку и посматривали въ щели, что дѣлается въ аулѣ. Вдругъ онъ быстро отошелъ въ сторону, сказавъ мнѣ: „Я раненъ“ и разстегнулся. Рана была въ животъ. Его взяли подъ руки Моллеръ и Васильчиковъ, я шелъ сзади, и хоть увѣрялъ, что это должно быть камень, но я сзади видѣлъ въ сюртукѣ его дырку, изъ которой показалась подкладка, все имѣло видъ, что пуля прошла насквозь. Гейденъ шелъ бодро сгоряча на перевязочный пунктъ въ траншеи. Докторъ его перевязалъ, онъ тотчасъ же, пока былъ въ силахъ, написалъ брату. Видимо онъ самъ сознавалъ положеніе свое опаснымъ.

Возвращаясь къ передовой позиціи, я наткнулся въ траншеяхъ на площадку довольно большую. На рей въ нѣсколько рядовъ порядкомъ лежали убитые въ этотъ день. Фельдфебеля ротъ проходили ряды, приглядывались, узнавали своихъ, записывали имена и ставили въ головахъ каждого по маленькой зажженной свѣчкѣ. Великолѣпный закатъ солнца послѣдними лучами смѣшивался съ этимъ убогимъ погребальнымъ свѣточемъ на мертвыхъ лицахъ, искаженныхъ страданіемъ; спокойныхъ было немного. Всѣ павшіе въ этотъ день были собраны на послѣдній смотръ. Товарищи, привыкшіе къ потерямъ, дѣлали его довольно равнодушно. А сколько слезъ было пролито по деревнямъ широкой матушки Россіи. И такъ каждый годъ и не одинъ разъ въ годъ, и не въ одномъ мѣстѣ тогдашняго рынка человѣческимъ мясомъ—Кавказа.

Стало смеркаться; всѣ распоряженія на ночь были сдѣланы, я поѣхалъ въ лагерь. Въ этотъ день два раза пуля попала въ рядомъ стоящаго со мной: при началѣ штурма ранила кн. Аргутинскаго, въ концѣ дня гр. Гейдена, положенія же наши были одинаковы, таковы случайности войны. Я остановился прежде всего у палатки главнокомандующаго. Кн. Воронцовъ вслѣдствіе сильной болѣзни глазъ уже нѣсколько дней не выходилъ изъ совершенно наглухо затворенной палатки, надъ которой была поставлена еще большая лазаретная, подбитая сукномъ. „Войдите, лъ безный Исаковъ“. Совершенная темнота не позволяла мнѣ различить, гдѣ именно сидитъ князь. „Вы цѣлый день провели внизу, спасибо за сегодняшній день. Надѣюсь, что рана кн.

Моисей Захаровича не опасна. Обнимите меня, любезный Исаковъ*. Я ошущью нашель его сидящимъ на кровати, сверхъ сюртука я нащупаль на немъ шелковый теплый халатъ. Когда я выходилъ изъ палатки, запыхавшійся толстый Потоцкій, присвѣвъ, чтобы перевести духъ, могъ только выговорить: „Непріятель бѣжитъ изъ аула“. Я поскакалъ на лѣвый флангъ нашей позиціи, ближайшей къ аулу. Тамъ командоваль кн. Александръ Гагаринъ. вмѣсто отвѣта я нашель его съ офицерами сидящими впереди своихъ укрѣпленій окруженными солдатами. „Вотъ, какъ видите“, отвѣчалъ онъ мнѣ. Въ аулѣ были слышны крики, въ садахъ выстрѣлы, изрѣдка пушечные. Ясно было, что непріятель бѣжалъ изъ аула и спасался черезъ сады. Въ одну секунду извѣстіе разнеслось по всему лагерю. Я поѣхаль сказать кн. Воронцову, что видно и слышно изъ ближайшихъ къ аулу пунктовъ, и поспѣшаль къ кн. Аргутинскому. Уже я зналъ вскорѣ послѣ первой перевязки его раны, что она неопасна. Я нашель его въ постели. „Я прошу у васъ извиненія, князь, за мою непростительную неосторожность; зачѣмъ мнѣ было указывать вамъ это глухое мѣсто на батарее“. На это мое искреннее извиненіе при входѣ въ палатку, онъ отвѣтилъ шуткой: „Ничего, любезный Н. В. Мы свои—люди сочтемся, я тебя тоже подведу“.— „Это будетъ плохо для меня, князь. До сихъ поръ вы меня не подводили, я даже замѣтилъ, когда нужно было вызвать Пригару изъ-подъ стѣны, вы начали приказаніе въ мою сторону, а кончили его, обращаясь къ Адиль Гирею“. „Нѣтъ, любезный извиня: за мною этого не водится, когда дѣло требуетъ, я не жалѣю никого, какъ и себя не жалѣю“. Затѣмъ мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать, что съ Гейденомъ. Палатка его была наглухо закрыта, казакъ, дремавшій у ея входа, сказалъ, что никого пускать не велѣно. Я узналъ въ штабѣ, что Пыроговъ объявилъ, что рана опасна и только послѣ переведенной ночи можно будетъ сказать что-нибудь опредѣленное. Бѣдному Фрицу Гейдену тяжела была эта ночь; 10 шансовъ противъ одного было въ пользу смертнаго приговора. Мы всѣ его чрезвычайно любили и жалѣли. И всего-то было только минутное любопытство, платиться за него жизнью было тяжело.

Наконецъ весь шумъ и гвалтъ въ аулѣ и салахъ утихъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ аула уже показались огни: солдатики не утерпѣли и подожгли. Натянутые нервы въ теченіе 70 дней нѣсколько распустились. Сонъ въ лагерь былъ благотворный, только въ передовыхъ частяхъ еще долго былъ говоръ. Въ одинъ часъ все преобразилось: непріятель исчезъ, экспедиція кончена,

на нынѣшній годъ мерещится только отдыхъ въ штабъ-квартирахъ. Зима—значить передышка.

На разсвѣтѣ выйдя изъ палатки, какъ будто все переѣнилось: великолѣпное морозное утро, нигдѣ ни одного выстрѣла, аулъ весь въ огнѣ, какъ жаровня. Конечно, нужно испытать это чувство, чтобы знать, какъ оно пріятно.

Другія заботы начались: нужно отправить раненыхъ, похоронить тѣла, тяжелыя орудія спровадить. Прежде всего я пошелъ узнать, что Гейденъ. Прихожу, палатка настезь открыта, Гейденъ сидитъ на постели въ красной канаусовой рубашкѣ, сіяющей. „Что, Фрицъ, какъ ты?“.—„Пироговъ сейчасъ осматривалъ, сказалъ, что буду живъ“. Я его крѣпко обнялъ и крѣпко былъ радъ.

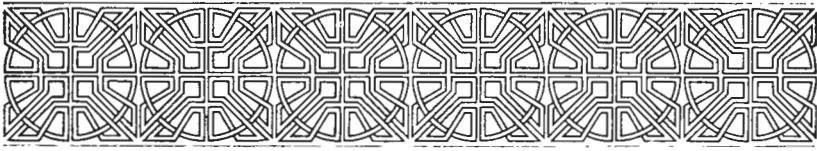
Въ аулѣ я нашелъ цѣлый лабиринтъ саклей, соединенныхъ между собой завалами, какими-то подземными ходами, повсюду продѣланы дыры для бойницъ, вездѣ мѣста прикрыты сверху отъ нашихъ ядеръ и гранатъ; какія-то разбросанныя тряпки отъ одежды, смрадъ отъ неубранныхъ тѣлъ, бродячіе солдатики. Во многія мѣста нельзя было проникнуть отъ огня. Вотъ все, что осталось трофеями 70 дней борьбы и нашихъ потерь. Я невольно подумалъ, что на будущій годъ мы навѣрное найдемъ аулъ возобновленнымъ, и волна опять залетѣтъ нашъ кровавый слѣдъ, и опять придетъ очередь вновь брать Салты.

Сообщилъ П. Н. Исаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Университетъ пятидесятыкъ годовъ.

(Изъ воспоминаній Н. Леваковского).

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Этими словами великаго поэта какъ нельзя приличнѣе, мнѣ кажется, начать свои воспоминанія объ университетской эпохѣ. Впечатлѣнія такъ живы, все было такъ недавно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все такъ необыкновенно, такъ мало вѣроятно!

Дико, небрежно, непозволительно-уродливо велось дѣло преподаванія въ гимназіи, что же мы встрѣтили въ университетѣ?

На первомъ планѣ стояла выправка и наблюденіе за исправнымъ надлежащимъ исполненіемъ формы. Съ этою цѣлью, инспекторъ еженедѣльно (а то и чаще) собиралъ насъ въ одной изъ большихъ аудиторій и окруженный своими помощниками, какъ лекторами, осматривалъ всѣхъ вообще и каждого въ отдѣльности, дѣлалъ замѣчанія и выговоры. Въ особенности преслѣдовались бѣлые воротнички сорочекъ, видѣвшіеся изъ-за стоячаго синяго воротника, и длинные волосы. Носители воротничковъ были прямо отводимы субинспекторомъ въ карцеръ, а имѣвшіе волосы, превосходившіе длиной извѣстную казенную норму—отсылаемы въ пырьюльню, съ приказаніемъ остричься надлежащимъ образомъ и немедленно явиться для освидѣтельствованія. Были случаи, что приходилось стричься по три раза въ одинъ и тотъ же день; однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока начальство не признавало стрижку удовлетворительной. При этомъ случалось и такъ, что кто-нибудь, отправленный вторично остричься, не желая подвергаться этой операциі въ третій разъ, стригся съ

отчаянія такъ, что, какъ говорится, не за что было ущипнуть. Торжествующій, являлся онъ вновь на смотръ, но опять бѣда:

— На что вы похожи! кричалъ на него инспекторъ.

— Посмотрите на себя! Что вы солдатъ, что-ли? Что вы не знаете: какъ надо стричься? и т. д.

Нѣсколько инспекторовъ перемѣнилось за время пребыванія моего въ университетъ, и ни одинъ изъ нихъ не надоѣдалъ намъ столько этими смотрами, какъ нѣкто Гриппенбергъ, отставной полковникъ артиллеріи, незлобивый, въ сущности, человекъ, онъ былъ рѣшительно несносенъ своими безконечными назиданіями и наставленіями. Его затруднялъ русскій языкъ, и потому смотры его были безконечно длинны. Собравши всѣхъ въ аудиторію, онъ входилъ на кафедру и начиналъ свою назидательную бесѣду; но, къ несчастію, обыкновенно забывалъ, что онъ хотѣлъ намъ сказать.

— Что я имъ хотѣлъ сказать? обращался онъ въ такихъ случаяхъ къ группѣ лекторовъ (помощниковъ), стоящихъ возлѣ кафедры. На этотъ обычный вопросъ, одинъ изъ субъинспекторовъ, специалистъ по части стрижки волосъ (Засядко) подсказывалъ ему:

— Про волоса!

— Нѣтъ, серьезно отвѣчалъ инспекторъ, припомнивши самъ и обращаясь къ намъ:

— Скоро, господа, Крещенскій ярмарктъ.

— Мы знаемъ! отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ, постойте, продолжалъ инспекторъ; пріѣдетъ много ремонтеровъ, такъ вы съ ними не кутите!

— Что вы, полковникъ, отвѣчаетъ кто-то изъ толпы; кто вамъ сказамъ такую глупость, что мы кутимъ съ ремонтерами?

— Это я самъ догадался! серьезно отвѣчаетъ инспекторъ.

Однажды, онъ собралъ насъ по нижеслѣдующему поводу:— Господа! сказалъ нашъ инспекторъ своимъ ломанымъ русскимъ языкомъ,—почетитель ¹⁾ сердится, что вы ходите по улицамъ!

— Какъ? спросили съ недоумѣніемъ.

— Да, пояснилъ инспекторъ, онъ сказалъ, что, вѣроятно, гг. профессора задаютъ очень маленькіе уроки студентамъ, потому что они всегда ходятъ по улицамъ.

Мы успокоили инспектора, объяснившаи, что уроки намъ задаютъ не маленькіе, но только мы скоро выучиваемъ ихъ.

¹⁾ С. А. Кокоскинъ.

Онъ посмотрѣлъ на насъ недовѣрчиво, но все-таки удовольствоваться отвѣтомъ.

При подобномъ инспекторѣ, особенной строгости, разумѣется, не могло быть. Студенты пошаливали, но въ большей части случаевъ удавалось скрыть концы.

Между тѣмъ попечитель требовалъ полного порядка и тишины. Инспекторъ, каждый день, являясь съ рапортомъ къ попечителю, получалъ отъ него выговоры и нахлобучки, созывалъ опять насъ, стараясь своимъ ломанымъ языкомъ разъяснить намъ что-то. Изъ этихъ рѣчей мы ясно понимали только одно, это то, что инспекторъ получилъ выговоръ; шалости продолжались по-прежнему.

Только бывало и слышно, что такихъ-то студентовъ начальство едва не застало играющими на биллиардѣ въ гостиницѣ, но они ловко ушли; такихъ-то чуть не накрыли закусывающими въ гастрономической лавкѣ, но имъ удалось скрыться.

Попечитель зналъ обо всемъ этомъ чрезъ полицеймейстера, а инспекторъ ничего не зналъ и продолжалъ получать ежедневно распеканія. Въ виду такого критическаго положенія, Гриппенбергъ придумалъ мѣру, которая, по его мнѣнью, должна была доставить всѣхъ виновныхъ въ его руки. Насъ занумеровали, и сдѣлано это было такимъ образомъ: когда мы являлись на лекціи и оставляли шинели и фуражки въ такъ называемой сборной залѣ (каждый на своемъ мѣстѣ), въ это время казенный портной являлся съ готовыми нумерами, вырѣзанными изъ сукна, и нашивалъ каждому на подкладкѣ какъ шинели, такъ и фуражки. Нумера эти, для студентовъ разныхъ факультетовъ, были для чего-то разнаго цвѣта.

Какъ теперь помню: я былъ № 77, зеленый. Цѣль этого нумерованія была та, чтобы субинспекторамъ дать возможность узнать фамиліи студентовъ, застигнутыхъ ими, напр., въ гостиницѣ. Но и эта военная хитрость мало помогала, студенты не стали оставлять шинелей при входѣ, въ общей передней, и шалости продолжались, а вмѣстѣ съ ними и попечительскія распеканія непосредственному нашему начальнику. Мы собственно любили этого инспектора, но никто даже ни разу не подумалъ о томъ, что онъ за насъ же получаетъ внушенія.

Онъ былъ очень красивый мужчина. Въ особенности картиненъ онъ былъ во время церемоніи, какъ, напр., перенесенія иконы весной изъ города въ монастырь и обратно—осенью. Мы всѣ, въ полной парадной формѣ, непремѣнно должны были участвовать въ этой процессіи, предводительствуемые инспекторомъ

верхомъ на ворономъ конѣ. Въ такія минуты мы даже гордились, до нѣкоторой степени, своимъ непосредственнымъ начальникомъ, въ особенности послѣ столкновения его, во время одной изъ церемоній, съ ненавистнымъ намъ полицеймейстеромъ, маіоромъ Серебряковымъ. Этотъ послѣдній, въ пылу распоряженій, обыкновенно забывалъ все окружающее и, желая усилить то или другое изъ данныхъ имъ приказаній, не стѣснялся при этомъ употреблять непечатныя слова. Однажды, съ такимъ усиленнымъ распоряженіемъ онъ обратился къ студентамъ. Инспекторъ, услышавши это, строго замѣтилъ ему:—Маіоръ, вы забываетесь! и такъ какъ Гриппенбергъ былъ полковникъ, то маіоръ, сдѣлавши ему подъ козырекъ, тотчасъ замолкъ.

Кромѣ описанныхъ собесѣдованій для внушенія порядка, не безынтересны репетиціи или приготовленія въ ожиданіи пріѣзда высокопоставленныхъ лицъ. Упражнения наши при этомъ состояли въ томъ, что инспекторъ изображалъ высокопоставленную особу, а мы должны были привѣтствовать его. Для этого онъ уходилъ въ корридоръ, а мы, выстроенные рядами, ожидали въ залѣ прихода его. При появленіи инспектора, мы должны были выкрикнуть: „Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство!“ и при томъ непремѣнно съ раскатомъ на концѣ. Репетиція продолжалась до тѣхъ поръ, пока инспекторъ не находилъ, что мы выкрикиваемъ достаточно ровно, выразительно и раскатисто.

Если приготовленія къ пріему высокопоставленныхъ особъ были причиной такихъ заботъ, то легко представить, что же было, когда особа дѣйствительно пріѣзжала! Насъ собирали въ университетъ часовъ съ 8-ми утра, еще нѣсколько разъ репетировали встрѣчу, при чемъ особу изображалъ уже самъ С. А. Кошкинъ.

И тутъ никогда не обходилось безъ курьезовъ. Попечитель постоянно затруднялся отличать „факультетъ“ отъ „аудиторіа“ и постоянно ошибался. Однажды, въ ожиданіи пріѣзда кого-то, инспекторъ студентовъ спрашиваетъ у Кошкина:

— Какъ прикажете построить студентовъ, Ваше Превосходительство?

— Поставьте ихъ въ залѣ, по аудиторіямъ! отвѣчаетъ попечитель.

Недолго впрочемъ пришлось намъ быть подъ начальствомъ Гриппенберга. Попечитель потерялъ терпѣніе и, видя, что всѣ внушенія инспектору не достигаютъ цѣли, приказалъ ему подать въ отставку. По поводу этого событія, кто-то выпустилъ слухъ, что дѣло было такимъ образомъ:

Инспекторъ явился, по обыкновенію, съ утреннимъ рапор-

томъ къ попечителю, при чемъ тотъ объявилъ ему, что: „мы, полковникъ, вмѣстѣ служить не можемъ!“ Гриппенбергъ съ восторгомъ возвращается домой и передаетъ женѣ, что „генераль выходитъ въ отставку!“

На мѣсто его былъ назначенъ тоже полковникъ, но полковникъ, что называется, другого пошиба. Не любя тратить словъ понапрасну, онъ каждое неисполненіе правилъ студентами сопровождалъ одной и той же весьма энергической мѣрой—удаленіемъ изъ университета.

Каждый день только и было слышно, что то того, то другого постигла страшная кара.

Будучи самъ лютераниномъ, инспекторъ строго наблюдалъ за исполненіемъ существовавшаго въ то время распорядка обязательно посѣщать церковь каждый праздникъ. Для выясненія, кто былъ въ церкви и кого не было, по окончаніи церковной службы, производилась перекличка, и на слѣдующій день виновные подвергались выговору или аресту. Многіе приходили только на перекличку, но, тѣмъ не менѣе, церковь всегда была полна если не молящимися, то, по крайней мѣрѣ, присутствующими студентами.

Не мало бѣды причиняло также распорядокъ—носить по праздникамъ, до полудня, полную форму, а отъ полудня до шести часовъ вечера — полуформу (полную парадную форму составляли: мундиръ, шпага и шляпа; а полуформу—сюртукъ и тѣ же шпага и шляпа).

Въ собранія, въ такіе дни, полагалось являться въ мундирѣ, а въ театры въ полуформѣ. Разсчитывая на русское „авось“, кто-нибудь рѣшался выйти недалеко изъ дому, въ праздникъ, прямо въ сюртукъ и фуражкѣ (какъ напр. къ близко живущему товарищу); а тутъ, какъ-разъ, на бѣду, попадетъ навстрѣчу субинспекторъ. Карцеръ не минуемъ. А если, Боже сохрани, повстрѣчалъ попечителя, еще того хуже!

До чего была доведена субординація, видно между прочимъ изъ слѣдующаго: при приближеніи мая мѣсяца, нашъ строгій полковникъ издалъ приказъ, чтобы все студенты построили себѣ новыя, бѣлыя панталоны и при томъ у одного и того же, избраннаго имъ самимъ портного, за условленную цѣну: 5 руб. 50 коп. Цѣль этого распорядка, какъ намъ объясняли, была—достичь возможнаго однообразія въ покроѣ панталонъ и цвѣтѣ употребленнаго на нихъ матеріала (или, какъ мы объясняли: чтобы раздѣлить барышъ пополамъ съ портнымъ, т. к. по низкому достоинству подобная постройка не стояла болѣе 2 руб. 50 коп.).

Тѣмъ не менѣе всѣ непрекословно, хотя и съ сокрушеннымъ сердцемъ, несли назначенную дань шортному, получали отъ него никуда негодную вещь и являлись на смотръ инспектору. Такимъ образомъ, значительная часть времени проходила въ приданіи намъ наружнаго вида и нѣкоторыхъ внутреннихъ свойствъ, между которыми первое мѣсто занимала способность воспринимать и исполнять въ точности распоряженія начальства, заботливому попеченію котораго мы ввѣрены.

Но не одни смотры и парады составляли цѣль пребыванія нашего въ университетѣ: мы обязаны были, опять-таки подъ опасеніемъ карцера, посѣщать лекціи профессоровъ по существу росписанію.

Эта перспектива карцера студентамъ, не явившимся на лекціи, служила для нѣкоторыхъ профессоровъ прекраснымъ, въ высшей степени дѣйствительнымъ средствомъ если не заинтересовать, то, по крайней мѣрѣ, привлечь слушателей на лекцію. Это средство давало возможность такимъ лекторамъ читать изъ года въ годъ, по однимъ и тѣмъ же, пожелтѣвшимъ отъ времени запискамъ (тетрадкамъ), не затрудняя себя пополненіями и соответствующими измѣненіями давно составленнаго, а и иногда и по наслѣдству полученнаго курса.

Лекція такихъ профессоровъ начиналась медленнымъ, лѣнивымъ доставаніемъ изъ кармана списка студентовъ, такую же медленной и лѣнивой переключкой и записываніемъ отсутствующихъ. Послѣ этого, лекторъ пряталъ списокъ, вынималъ изъ другого кармана тетрадку, или, прямо, нѣсколько листовъ книжки и начиналъ монотонно читать.

Первый способъ практиковался чаще второго потому, что если профессоръ читаетъ по писанной тетрадкѣ, значитъ, читаетъ свое, а во 2-хъ вырванные листы легко терялись, разрознивались, и читающій по нимъ лекторъ становился такимъ образомъ часто въ затруднительное положеніе, не находя того, что, какъ онъ твердо зналъ, должно было слѣдовать, а вмѣсто ожидаемаго встрѣчалъ кусокъ какой-нибудь новой фразы, при томъ еще начинающійся послѣ запятой.

Подобныя чтенія насъ нисколько не удивляли: мы привыкли къ нимъ, еще сидя на гимназической скамейкѣ; слѣдовательно, произошла только очень небольшая переменна: измѣнились лица и фамиліи наставниковъ, а суть дѣла осталась та же. Тѣмъ не менѣе, все это хотя такъ живо въ памяти, но такъ несбыкновенно въ настоящее время!

Прежде всего, весьма естественно, приходятъ на память тѣ профессора, съ которыми приходилось встрѣчаться чуть не ежедневно, въ теченіе всего университетскаго курса (т. е. профессора своего факультета), а потомъ, вслѣдъ за ними, весь сонмъ ученыхъ мужей съ ихъ особенностями и повадками. Профессоръ зоологіи, А. В. Чернай, полунѣмецъ, получехъ, настоящій типъ профессора, по нашему мнѣнію, сухой и бездушный, былъ аккуратенъ, какъ нѣмецъ, и лѣнивъ, какъ славянинъ.

Не затрудняя ни себя, ни насъ глубокимъ изученіемъ науки, онъ являлся на лекціи съ учебникомъ зоологіи Симашко, написаннымъ для гимназій, раскрывалъ его на соответствующей страницѣ, произносилъ неизмѣнное: М.м. Г.г.—Нашъ авторъ говоритъ... и начиналъ послѣ этого прямо читать по учебнику. Почему онъ называлъ Симашко „нашимъ авторомъ“, это осталось для насъ неизвѣстнымъ (можетъ быть потому, что онъ купилъ эту книгу). Имѣя въ завѣдываніи зоологической кабинетъ, Чернай никогда не пускалъ насъ въ него; но при этомъ постоянно говорилъ:—Когда обстоятельства будутъ благопріятствовать, я буду имѣть случай показать вамъ на препаратахъ и чучелахъ то, что указываетъ „нашъ авторъ“.

Но такихъ благопріятныхъ условій мы не могли дожидаться и, потерявши всякую надежду, уговорили сторожа, за извѣстную плату, пустить насъ, подъ его наблюденіемъ, въ кабинетъ въ свободное время. Обѣщаніе гонорара сломало непреодолимое препятствіе,—мы были впущены въ кабинетъ; мало того: служитель былъ настолько любезенъ, что даже былъ нашимъ чичероне.

Здѣсь кстати будетъ прибавить къ сказанному, что сокрытіе кабинетовъ отъ любопытныхъ взоровъ студентовъ относилось не исключительно только къ зоологическому, но ко всѣмъ существовавшимъ кабинетамъ. Причина этого страннаго явленія, кажется, та, что начальство, заботясь о чистотѣ, боялось пускать студентовъ, чтобы, чего Боже сохрани, не нанесли грязи на ноги.

Профессоръ ботаники, В. М. Черняевъ, человѣкъ извѣстный своими обширными свѣдѣніями по ботанической систематикѣ вообще и флорѣ Украйны въ частности, но положительно лишенный дара слова и способности передать что-либо, представлялъ интересное для того времени явленіе—человѣка страстно преданнаго наукѣ.

Съ ранняго утра, онъ являлся въ аудиторію, садился на кафедру, раскладывалъ вокругъ себя растенія, смотрѣлъ на нихъ, слыхалъ, удивлялся; а въ это время приходили въ аудиторію и

уходили изъ нея студенты различныхъ курсовъ и даже студенты другихъ факультетовъ (ради курьеза).

Черняевъ, замѣтивши, напр., что пришла новая партія слушателей, обращался къ нимъ съ такою рѣчью:

— А что, пришли? Ну, и прекрасно! Вотъ вы видите, вотъ вы знаете, что это такое?—говорилъ онъ, держа въ рукахъ какое-то сухое растеніе и, не дождавшись отвѣта (да его не могло и быть, т. к. пришедшіе рѣшительно не знали, что имъ показываютъ и зачѣмъ!), продолжалъ:

— Да нѣтъ! я вотъ вѣдь и самъ... и престранное дѣло („престранное дѣло“ была его любимая поговорка), смотрю и не понимаю; а вы какъ? Вы вѣдь думаете, что взялъ, да и что! Престранно, какъ у насъ студенты... Вотъ, когда я былъ въ Швеціи... а возьмите вы, напр., любое болото, или нѣтъ, лучше морковь: посмотрите, что она такое? А какъ вы думаете? А я вамъ скажу, что если микроскопомъ, такъ и на высокую степень можно и т. д., пока слушатели не уйдутъ.

Иногда чтеніе происходило не въ повѣствовательной формѣ, а съ вопросами и отвѣтами:

— Вы, престранное дѣло, медики? спрашивалъ онъ пришедшихъ.

— Нѣтъ, естественники, отвѣчаютъ тѣ.

— Ну, да это престранно, все равно! А знаете вы мужика Власа?

— Нѣтъ, не знаемъ, отвѣчаютъ слушатели.

— А презанятный, я вамъ скажу, мужикъ! Вотъ вы и берите примѣръ и наблюдайте и смотрите. Вы думаете, наши науки какъ? Все, престранно, относится къ нашему предмету! А какъ по-вашему: есть сладкая омела.

— Есть, отвѣчаемъ мы наугадъ, желая утѣшить профессора.

— А почему? спрашиваетъ тотъ.

Вопросъ ставить насъ въ нѣкоторое затрудненіе, но одинъ изъ товарищей, понаходчивѣе, отвѣчаетъ:

— Пѣсня такая есть!

— Есть; вотъ и престранно; вотъ и прекрасно! Какая же это пѣсня? допытывается неугомонный профессоръ.

— Я, В. М., сказать не могу, я слышалъ только, какъ поютъ ее.

— Пусть онъ, В. М., пропоеть, заявляемъ всѣ мы, хоромъ.

— И прекрасно, и прелюбезно, и прелюбезно! Вѣдь вы какъ

думаете? Вѣдь что? Вѣдь престранно; вѣдь вотъ оно можетъ въ природѣ не существовать, а близко къ тому!

Курьезу ради, мы настаиваемъ, чтобы слышавшій пѣсни о сладкой омель спѣлъ бы ее тутъ же. Черняевъ поддерживаетъ; вызвавшійся показываетъ видъ, что стѣсняется, а самъ, наскоро, придумываетъ хотя нѣкоторое подобіе пѣсни про омелу. Наконецъ объявляетъ, что „можетъ“ и поетъ:

„Брали дивки омелу...
Ой омела, омела.
Сладкая омела“!

— А дальше не помню, заявляетъ онъ серьезно. Мы, какъ говорится, помираемъ со смѣху, а Черняевъ, пришедши въ восторгъ, разглагольствуетъ:

— Нѣтъ, постойте, нѣтъ! Вы, странное дѣло, не смѣйтесь! Вѣдь вы что думаете? Вѣдь вы какъ? А я вамъ скажу... и т. д.

Во время этихъ чтеній (если только это можно назвать чтеніями) возлѣ кафедръ безотлучно находился старикъ-служитель при ботаническомъ кабинетѣ, нѣкій Лобазъ, нерѣдко также самъ принимавшій участіе въ чтеніи лекціи, или же привлекаемый къ этому участію Черняевымъ.

Въ пылу чтенія, Черняевъ, напр., однажды обращается къ намъ съ вопросомъ, по обыкновенію крайне не ясно высказаннымъ. Какъ потомъ выяснилось, мы должны были отвѣтить: „злаки!“ Но, повторяю, мы рѣшительно не могли сообразить—чего отъ насъ требуютъ.

— Вотъ, престранное дѣло, и стыдно студентамъ, заявляетъ Черняевъ. А вотъ Лобазъ, такъ тотъ скажетъ!

— А ну, Лобазъ, скажи: безъ чего человѣкъ не можетъ жить?

— Бизъ жинки, Ваше—скородіе, отвѣчаетъ тотъ простодушно.

— Однако престранно, какъ ты глупъ! замѣчаетъ на это Черняевъ.

Неутомимый, какъ лекторъ, Черняевъ былъ, несмотря на старость, неутомимъ и на экскурсіяхъ, которыя онъ часто дѣлалъ со студентами.

Во время одной такой ботанической прогулки студентовъ съ Черняевымъ, при переходѣ по мосткамъ, переброшеннымъ чрезъ довольно глубокой ручей, одинъ изъ студентовъ облокотился на перила, чтобы получше разглядѣть какое-то водное растеніе; перила обломилась, и неосторожный студентъ упалъ въ воду; запутавшись въ шнели, онъ довольно долго барахтался, стараясь выйти изъ затруднительнаго положенія.

— А вотъ, кстати, кричитъ ему съ мостковъ Черняевъ, достаньте-ка намъ славный экземпляръ *Caltha palustris*.

Молва о громадномъ, необыкновенномъ интересѣ чтеній Черняева, благодаря нашимъ стараніямъ, распространялась все болѣе и болѣе.

Аудиторія часто наполнялась чуть не биткомъ посторонними слушателями. Черняевъ, какъ сказано, не обращавшій никогда вниманія на то, кто наполняетъ аудиторію, радовался, что „наша наука, престранное дѣло, вѣдь какъ?“.

Желая доставить возможность познакомиться съ этими лекціями и лицамъ, не бывающимъ на нихъ, мы общими усиліями записали одну изъ нихъ дословно и пустили въ ходъ ¹⁾.

Дошли эти записки до декана, ректора; пошли и далѣе.

Сначала не вѣрили возможности подобныхъ чтеній; начали наводить справки у окончившихъ курсъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; тѣ подтвердили, что и при нихъ было то же самое,— что записанная лекція даетъ вполне вѣрную картину ботаническихъ чтеній. Черняевъ сразу очутился въ опалѣ у высшаго начальства; потребовали отъ него представленія программы, потребовали, кстати, отчетовъ объ израсходованіи суммъ, разновременно полученныхъ имъ на экскурсіи, навели, за-одно, справку о его ученой степени; оказалось, что таковой онъ не имѣеть (онъ имѣлъ только званіе лекаря). Попробовалъ онъ написать программу, но, какъ человѣкъ, не привыкшій къ писанію, остановился на первой же строкѣ. То же послѣдовало и съ требуемымъ отчетомъ. А тутъ, кстати, подоспѣлъ срокъ какого-то пятилѣтія, и Черняевъ былъ уволенъ отъ службы за выслугой лѣтъ.

Такимъ образомъ, нашъ курсъ былъ послѣднимъ, слушавшимъ этого необыкновеннаго лектора.

Почти настолько же, какъ и Черняевъ, былъ обиженъ природой и профессоръ физики и физической географіи В. И. Лапшинъ. Выразить какую-нибудь, даже самую обыкновенную мысль, было для него неодолимымъ препятствіемъ. Затрудняясь постоянно къ присканіи словъ, Лапшинъ пересыпалъ свою рѣчь безпрестаннымъ потвореніемъ, притомъ совершенно не кстати, излюбленной имъ поговорки „стало быть“ (или какъ выходило у него отъ поспѣшности „сталь-быть, сталь-быть“), сопровождая это искусственнымъ кашлемъ. Выходило нѣчто ужасное! Языкъ не слушался своего хозяина, да и только и какъ на зло ему, произносилъ:

¹⁾ Приведенная выше цѣлота заимствована изъ этой лекціи.

— Лошади, стало быть, овцы, стало быть, свиньи... и другія птицы.

За этимъ слѣдовалъ ужаснѣйшій напускной кашель, потомъ „сталь-быть“ и далѣе:

— Мы, сталь-быть, молча упомянули...

или:

— Для примѣра, стало-быть, возьмемъ примѣръ; наримѣръ.

Но его затрудняла собственно не одна только рѣчь. Не мало хлопотъ представляли и тѣ несложныя математическія выкладки, какія встрѣчаются даже въ гимназическомъ курсѣ физики. Взявши въ руки мѣлъ, Лапшинъ храбро приступалъ къ вычисленію, бойко стучалъ мѣлкомъ, но скоро останавливался, начиналъ сильно кашлять, стиралъ написанное, произносилъ нѣсколько разъ, ни къ селу, ни къ городу: „сталь-быть, сталь-быть“, и вновь начиналъ вычислять; новая неудача: желанный результатъ не давался, какъ кладъ въ руки. Видя такую неудачу и еще нѣсколько разъ кашлянувъ, профессоръ уходилъ за доску и тамъ начиналъ стучать мѣлкомъ: мы оставались въ это время въ ожиданіи благополучнаго разрѣшенія нечаянно встрѣтившагося затрудненія. Добившись, наконецъ, искомага, профессоръ выходилъ, весь красный, изъ-за доски и (произнеши опять нѣсколько разъ „стало-быть“) доводилъ благополучно до конца злосчастное доказательство.

Лишенный способности выражать словами то, что онъ желалъ передать, Лапшинъ любилъ, какъ говорится, наводить другихъ (т.-е. помогать при отвѣтѣ) и окончательно сбивалъ съ толку отвѣчающаго. Предлагаетъ, наримѣръ, онъ однажды на репетиціи (а таковыя были у насъ каждую недѣлю) какой-то вопросъ студенту, на который слѣдовало отвѣтить: „давленіе“. Но вопросъ былъ поставленъ спрашивающимъ такимъ образомъ, что отвѣчающій затруднился. Профессоръ начинаетъ наводить его; студентъ не можетъ догадаться. Лапшинъ приходитъ въ азартъ и начинаетъ помогать усиленно:

— Ну, какъ же, стало-быть, ну, какъ же? Да вы представьте себѣ, стало быть, что вы стоите, я, стало-быть, подошелъ сзади, стало-быть, нагнулъ васъ, сѣлъ вамъ на спину, и началъ, стало-быть, производить... Ну, что же я началъ производить?..

Студентъ въ недоумѣніи и, повидимому, не рѣшается высказать.

— Давленіе, стало-быть, давленіе! досказываетъ самъ Лапшинъ, потерявшій надежду услышать желаемый отвѣтъ.

Замѣчательно то, что этотъ человѣкъ, всю свою жизнь, какъ говорится, шелъ противъ природы: лишенный способности гово-

рить, онъ, по выслугѣ лѣтъ въ Харьковскомъ университетѣ, перешелъ во вновь открывшійся Новороссійскій; прослуживши тамъ 5 лѣтъ, онъ былъ забаллотированъ, поселился въ Феодосіи и тамъ читалъ публичныя лекціи по физикѣ.

Профессоръ минералогіи и геогнозіи, Н. Д. Борисякъ, упростилъ лежавшія на немъ, какъ на лекторѣ, обязанности до послѣдней степени: онъ прямо не являлся въ университетъ, а если когда и приходилъ (вѣроятно отъ скуки), то лекціи все-таки не читалъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ (въ родѣ того, что „погода располагаетъ болѣе ко сну, нежели къ минералогическимъ занятіямъ“). За нѣсколько дней передъ экзаменомъ, онъ пренаивно объявлялъ студентамъ:

— А я, господа, узналъ, что у васъ на дняхъ экзаменъ изъ минералогіи! Прочестъ курсъ, значитъ, мы уже не успѣемъ! Какъ же тутъ быть-то? Развѣ вотъ какъ сдѣлать? Есть у меня старенькія записки; онѣ коротенькія, ну, да это еще лучше! Возьмите-ка вы ихъ, да прочитайте!

Записочки читались, и экзаменъ проходилъ благополучно.

Своеобразны и въ высшей степени необыкновенны были лекціи православнаго богословія, обязательныя для студентовъ всѣхъ факультетовъ.

Лекторомъ былъ знакомый, нашъ прежній гимназическій наставникъ, П. И. Лебедевъ. Но тутъ мы его увидѣли уже другимъ. Увидѣли и удивились! И прежде было замѣтно, что онъ, до нѣкоторой степени, стѣснялся своимъ саномъ (и даже костюмомъ), а тутъ это выразилось уже крайне рѣзко. Для приданія интереса чтеніямъ, для привлеченія студентовъ, вообще неохотно посѣщавшихъ (и посѣщающихъ) лекціи священника, онъ устраивалъ изъ нихъ какія-то глумленія.

Вотъ образчикъ: читая напр. о сотвореніи міра (въ то время кромѣ собственно богословія, по программѣ, полагалась и священная исторія), онъ, по обыкновенію, ни на кого не смотря, говорилъ своимъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Во второй день Господь Богъ, какъ повѣствуютъ, сотворилъ твердь или видимое небо; но, какъ извѣстно въ настоящее время, никакой тверди не существуетъ! Слѣдовательно, чтоже сотворилъ Господь Богъ въ этотъ день? Ничего! Или: говоря о маградѣ въ будущей жизни—вѣчномъ созерцаніи Божества, лекторъ прибавлялъ:

— Но, позволю себѣ спросить: не надоѣсть ли это? Одно и то же скучно!

При этомъ онъ зорко слѣдилъ, чтобы кто-нибудь изъ слушателей не вздумалъ записывать его лекцій. Однажды, новичекъ студентъ, не знавшій объ этомъ запрещеніи и желая, вѣроятно, показать профессору свое усердіе, вздумалъ записывать. Лебедевъ замѣтилъ это, и его, какъ будто, передернуло; но онъ продолжалъ чтеніе. Кончилась лекція; Лебедевъ, поблагодаривши студента за вниманіе, просить у него лекцію, обѣщая исправить. Студентъ, ничего не подозревая, разумѣется съ удовольствіемъ, соглашается, довольный тѣмъ, что профессоръ обратилъ вниманіе на его рвеніе. Приходитъ Лебедевъ на слѣдующую лекцію, вновь благодарить студента за вниманіе.

— Но, прибавляетъ онъ, какъ-бы между прочимъ, въ вашу лекцію, къ сожалѣнію, вкралось семь ересей! Сколько же ихъ будетъ, когда вы также успѣшно составите весь курсъ?

Общій смѣхъ. Студетъ сконфуженъ. Желаніе записывать пропало окончательно.

Чтеніямъ соотвѣтствовали иногда и отвѣты студентовъ.

Сказаннаго, кажется, достаточно для того, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе объ университетской наукѣ описываемаго времени и ея носителяхъ.

Оставимъ же пока въ покоѣ отдѣльныя личности и поговоримъ о цѣлой корпораціи, обратимъ вниманіе на особенность ея въ то время, особенность, къ счастью, безслѣдно исчезнувшую и составлявшую позоръ и пятно ея. Я говорю о взяточничествѣ того времени. Брали безъ зазрѣнія совѣсти, брали безъ всякаго стыда съ кого только можно и сколько можно! Были, разумѣется, и личности незапятнанныя, мы ихъ, какъ пріятныя и отрадныя исключенія, и оставимъ въ покоѣ, помянувши добрымъ словомъ ихъ добрую память.

Самымъ обыкновеннымъ, зауряднымъ и, такъ сказать, безобиднымъ способомъ взяточничества было пансіонерство. Мы называемъ этотъ способъ безобиднымъ потому, что онъ примѣнялся къ людямъ со средствами, людямъ, которые, не стѣняясь, могли, бросивши тысячу, другую, сдѣлаться пансіонеромъ того или другого профессора, застраховать такимъ образомъ себя отъ необходимости учить скучныя тетрадки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть полную надежду окончить курсъ кандидатомъ. Между профессорами, имѣвшими пансіонеровъ, существовало взаимное условіе—поддерживать на экзаменѣ опекаемыхъ ими питомцевъ. Если кто изъ профессоровъ не имѣлъ пансіонеровъ,

то имѣвшіе ихъ должны были выплачивать ему извѣстную часть получаемыхъ ими доходовъ, и дѣло, такимъ образомъ, шло какъ заведенная машина: рука руку мыла и обѣ чисты были.

Нежелавшіе подвергать тебя стѣсненіямъ и непріятности жить у профессора могли получить вождельнное кандидатство единовременнымъ взносомъ, раздѣленнымъ на части, пропорціонально числу участниковъ въ процедурѣ предстоящихъ экзаменовъ и передачи этой части каждому лично, по принадлежности. Назначенную для раздѣла сумму можно было передать и прямо одному изъ профессоровъ-предпринимателей для раздачи прочимъ. Но этотъ послѣдній способъ, впрочемъ, влекъ за собой иногда нѣкоторыя неудобства, въ особенности если взносъ былъ сдѣланъ незадолго до экзамена и дѣлежъ не былъ еще произведенъ. Откупившійся студентъ являлся на экзамень, разумѣется, ничего не зная, но смѣло бралъ билетъ и начиналъ молчать въ ожиданіи помощи со стороны купленнаго профессора. Тотъ, не имѣя еще свѣдѣній о предстоящей добычѣ, и не думаетъ выводить экзаменующаго изъ затруднительнаго положенія. Профессоръ-предприниматель, получившій деньги, сидя тутъ же за экзаменаторскимъ столомъ, начинаетъ кашлять, моргать, стараясь вразумить недогадливаго товарища. Тотъ, наконецъ, замѣчаетъ сигналы, принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію, перемѣняетъ свой строгій тонъ и начинаетъ отвѣчать самъ, такъ что экзаменующему приходится только говорить „да“ или „нѣтъ“ и экзамень оканчивается благополучно.

Но, какъ сказано, далеко не во всѣхъ случаяхъ взяточничество велось такъ безобидно. Часто взятку вымогали у чловѣка ничего не имѣющаго, но, къ несчастію, принужденнаго держать экзамень у того, или другаго хищника. Беззастѣнчивость, наглость доходила до того, что брали не только деньгами, брали вещами, брали что подъ руку попало! Вотъ сцена, характеризующая это постыдное время.

Молодой чловѣкъ держитъ вступительный экзамень ¹⁾ въ университетѣ изъ латинскаго языка, у профессора Лукьяновича. Экзаменующіеся поставлены имъ въ двѣ группы: заплатившихъ, не заплатившихъ контрибуцію. Юноша, о которомъ идетъ рѣчь, какъ чловѣкъ, ничего неимѣющій, попалъ, разумѣется, во вторую группу (т.-е. не заплатившихъ). Доходитъ до него очередь; онъ отвѣчаетъ, какъ слѣдуетъ, но экзаменаторъ

¹⁾ Въ то время, кромѣ окончательныхъ экзаменовъ въ гимназіи, производились вступительные экзамены въ университетѣ.

не довольствуется этими отвѣтами, пишетъ ему неудовлетворительную отмѣтку и заявляетъ, что онъ долженъ „еще подготовиться“, т.-е. другими словами: побывать у экзаменатора на дому, подъ видомъ урока, заплатить ему и получить, такимъ образомъ, желаемую отмѣтку. Та же участь постигаетъ и другихъ юношей одной съ нимъ группы; остальные выдерживаютъ экзаменъ, несмотря на то, что отвѣчали значительно хуже. На слѣдующій день злополучный юноша отправляется къ профессору, въ надеждѣ умолить его, но напрасно. Тотъ твердитъ одно: „Вамъ надо подготовиться!“

Юноша откровенно говоритъ, что онъ и радъ бы, но у него ничего нѣтъ!

— Ну, какъ ничего нѣтъ?—заявляетъ профессоръ.—Ну, если нѣтъ денегъ, то можетъ быть есть что-нибудь изъ вещей. Можетъ, у васъ есть родительское благословеніе?—допытывается профессоръ.

Юноша заявляетъ, что родительское благословеніе у него дѣйствительно есть, но что оно имѣетъ цѣну только для него самого, такъ какъ это—маленькій деревянный образокъ. И, объяснивши это, онъ какъ-то конфузливо и нерѣшительно прибавилъ:

— Есть у меня серебряная ложка.

— Ну, что же? И то дѣло! принесите ее завтра, и мы и позаймемся!—говоритъ беззащитный профессоръ.

Черезъ два дня назначена переэкзаменовка; знанія испытуемаго оказываются удовлетворительными.

Для пополненія сказаннаго, я прибавлю, что секретари факультетовъ (профессора) брали по 2, по 3 рубля за справку въ дѣлахъ (напр. за сообщеніе отмѣтокъ, полученныхъ студентомъ на экзаменѣ).

Тѣмъ же пріемамъ слѣдовалъ помощникъ попечителя, кн. Цертелевъ, устроившій при томъ правильную систему вѣточности: каждый, являвшійся къ нему по какому-нибудь дѣлу, былъ препровождаемъ въ пріемный залъ, гдѣ и оставался одинъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; этимъ временемъ онъ долженъ былъ воспользоваться и положить на этажеркѣ, подъ находившуюся тамъ книгу, бумажку той или другой цѣнности, соотвѣтственно важности просьбы. По прошествіи этихъ нѣсколькихъ минутъ, въ залъ являлся Цертелевъ и прежде всего подходилъ къ знакомой этажеркѣ; если тамъ оказывалось должное приношеніе, онъ выслушивалъ просьбу, если же нѣтъ, то, круто повернувшись, онъ объявлялъ, что не имѣетъ времени, и уходилъ.

Что же дѣлалъ попечитель? Неукоснительно наблюдалъ за порядкомъ и чистотой! Ревностно преслѣдуя поставленную себѣ цѣль, онъ все-таки не могъ окончательно достигнуть желаемого, что сильно беспокоило и раздражало его начальническое сердце.

Такъ, напр., посѣщая фундаментальную библіотеку университета, онъ не могъ равнодушно видѣть существующаго тамъ безпорядка: маленькія книги стоятъ возлѣ большихъ, придавая цѣлому чрезвычайно непріятный видъ для глазъ его, привыкшихъ къ правильному строю.

Каждый разъ, видя этотъ безпорядокъ, онъ приказывалъ исправить его и привести библіотеку въ надлежащій видъ и распоряженіемъ этимъ ставилъ библіотекаря въ чрезвычайно затруднительное положеніе.

Однажды попечитель пригрозилъ даже присылкой роты солдатъ, съ тѣмъ, чтобы, при помощи ихъ, достичь желаемого, но, къ счастью для университета, не привелъ въ исполненіе этой угрозы.

Не мало раздраженія доставляли попечителю, время отъ времени повторявшіяся, ходатайства Совѣта университета о разрѣшеніи пріобрѣсти тѣ, или другія новыя книги для той же фундаментальной библіотеки (а выписка эта, въ то время, производилась не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя). Кромѣ боязни увеличенія безпорядка въ библіотекѣ пріобрѣтеніемъ новыхъ сочиненій, попечитель при этомъ имѣлъ въ виду и экономію казнѣ, а потому рѣдко соглашался уважить ходатайство. Желаящіе выписать ту или другую книгу должны были хлопотать объ этомъ чрезъ людей, близкихъ къ попечителю.

Однажды, на одну изъ такихъ просьбъ, попечитель, будучи въ духѣ, согласился, но все-таки сдѣлалъ упрекъ:

— Гг. профессора всегда такъ, одной книжки не выучатъ, а уже просятъ купить другую! Сколько у нихъ въ библіотекѣ книгъ, а я думаю, и половины не выучили!

Отказывая, такимъ образомъ, университету въ необходимыхъ расходахъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей (какъ, напр., онъ упорно противился постройкѣ обсерваторіи), попечитель успѣлъ скопить весьма солидную сумму, которая и хранилась въ видѣ, такъ называемыхъ, специальныхъ средствъ университета. Когда экономія эта достигла значительной цифры, попечитель, желая показать министру свое умѣнье хозяйничать, сообщилъ ему объ этомъ остаткѣ, въ надеждѣ на глубокую за это признательность. Но случай зло посмѣялся надъ экономнымъ попечителемъ: благодарности онъ не получилъ, а деньги прика-

зано было переслать въ Казанскій университетъ, просившій объ отпускѣ суммы, необходимой для постройки опять-таки злосчастной обсерваторіи, которую Харьковскій университетъ и выстроилъ, но не себѣ, а Казанскому университету.

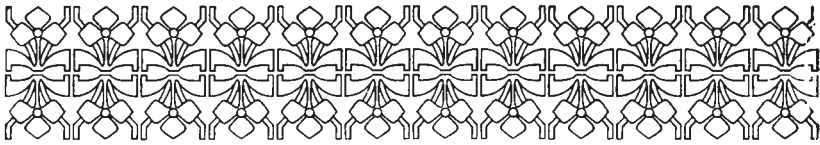
Забываясь о порядкѣ, чистотѣ и экономіи, попечитель не оставлялъ безъ вниманія, въ случаѣ надобности, и учебную часть.

Совѣтъ университета, по ходатайству физико-математическаго факультета, просилъ Кокошкина о разрѣшеніи ввести въ курсъ математики для студентовъ естественнаго разряда „Книжечскія сѣченія“.

— Только лишняя пачкотня будетъ,—заявилъ на это ходатайство попечитель;—притомъ, по-моему, это гораздо удобнѣе и приличнѣе въ ветеринарномъ заведеніи!

Сообщ. **О. Н. Леваковская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пребываніе А. В. Суворова въ м. Опошнѣ, Зеньковскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

По дорогѣ изъ Полтавы на Зеньковъ, на неровной мѣстности, перерѣзанной балками и рѣчкой Тарапунькой (Опошной), впадающей въ р. Ворсклу, расположено м. Опошня, окруженное со всѣхъ сторонъ фруктовыми садами и рощами.

Это одно изъ древнѣйшихъ поселеній не только въ уѣздѣ, но и въ краѣ, которое существовало уже въ XII вѣкѣ. По словамъ Георгія Конисскаго, въ окрестностяхъ Опошни, въ с. Рублевкѣ, былъ взятъ подъ арестъ и отправленъ въ Кіевъ армянскій еврей Мартынъ Мнихъ, который и разсѣивалъ здѣсь свои бредни подъ именемъ греческаго іеромонаха. Но насколько достовѣрны эти свѣдѣнія—судить не беремъ.

Въ половинѣ XVII вѣка Опошня числилась въ числѣ казачьихъ сотенныхъ мѣстечекъ. Въ 1668 г., въ окрестностяхъ ея черню убитъ гетманъ Бруховецкій, котораго выдалъ Дорошенко.

Въ шведскую войну, въ 1709 г., Опошня была театромъ военныхъ дѣйствій. Сюда изъ Зенькова была перенесена главная квартира Карла XII, который находился здѣсь съ 26 февраля по 2 марта. По преданію, онъ квартировалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится домъ волостного правленія. Опошня и ея окрестности была разорена и частью сожжена шведами, ушедшими отсюда въ Великія Будища, Зеньковскаго уѣзда (въ 12 вер.), которое затѣмъ постигла та же печальная участь.

Въ 1764 г. Опошня принадлежала Гадячскому полку.

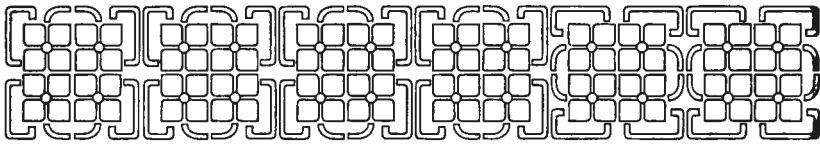
Въ іюнь 1777 г. Суворовъ, находясь съ войсками въ Крыму будучи боленъ лихорадкою, съ разрѣшенія князя Потемкина

пріѣхалъ въ Полтаву, гдѣ жила жена его съ дочерью Наталіей (род. 1 августа 1775 г.), а затѣмъ отсюда „для перемѣны воздуха“ переѣхалъ въ Опошню, Зеньковского уѣзда, гдѣ и прожилъ до самой зимы. Суворовъ выбылъ изъ Олошни въ январѣ 1778 г., когда былъ назначенъ Потемкинымъ начальникомъ войскъ въ Кубани.

Проживая въ Опошнѣ, Суворовъ квартировалъ въ домѣ протоіерея тамошней Покровской церкви Стефана Тонсаровскаго (построена въ 1748, а вмѣсто нея новая деревянная въ 1891 году), умершаго въ 1792 г. Домъ этотъ достался въ 1820 г. священнику Андрею Станиславскому, а затѣмъ уже послѣ его смерти, послѣдовавшей въ началѣ 1870 г., переходившій въ разныя руки, по ветхости былъ разобранъ, а мѣсто куплено казакомъ Даніиломъ Ивановичемъ Хоменкомъ, который болѣе 15 лѣтъ тому назадъ выстроилъ здѣсь новый домъ, существующій и понынѣ.

Проживая въ Опошнѣ, Суворовъ, во время богослуженій въ Покровской церкви, читалъ апостола и пѣлъ на клиросѣ. Эти чудачества Суворова повлекли къ крупнымъ семейнымъ непріятностямъ, едва не поведшимъ къ раздору обѣихъ супруговъ.

Сообщ. В. Е. Бучневичъ.

Дневныя записки генерала Патрика Гордона ¹⁾.

(Продолженіе).

Г Л А В А III.

1686 годъ. Отъѣздъ Гордона въ Шотландію чрезъ Ригу, Бременъ, Лондонъ. Возвращеніе обратно въ Москву. Назначеніе его чрезвычайнымъ посланникомъ Англій въ Россіи. Отказъ ему въ этомъ званіи со стороны царя.

1-го января 1686 г. я былъ крестнымъ отцомъ на крестинахъ у маіора Даніила Страсбурга и тамъ обѣдалъ. Я получилъ отвѣтъ боярина на мое письмо, а также приказаніе дьякамъ предоставить католическому священнику восемь дней срока.

4-го числа. По приказу Алексѣя Чаплина я получилъ 4 воза сѣна и затѣмъ еще 17 возовъ и три шефеля овса. Я писалъ моей супругѣ и зятю съ его слугами и просилъ, чтобы онъ ихъ наградилъ. На этой недѣлѣ я посѣтилъ многихъ бояръ, у которыхъ не былъ съ пріѣзда.

6-го числа. Обѣдалъ у подполковника Лефорта. Я не ходилъ смотрѣть торжественную процессію и священнодѣйствіе на рѣкѣ.

10-го числа. Возвратился бояринъ. Я и полковникъ Менезесъ ждали его до шести часовъ, потому что онъ пріѣзжалъ отъ двора. Поужинавъ вмѣстѣ, я поговорилъ съ нимъ о католическомъ священникѣ, и бояринъ обѣщалъ доложить все дѣло царямъ.

Я обѣдалъ съ полковникомъ фонъ-Трейденомъ.

11-го числа. Обѣдалъ у боярина. но онъ еще ничего не сказалъ рѣшительнаго о священникѣ и выразилъ, что должно имѣть терпѣніе.

¹⁾ См. „Рус. Ст.“ Мартъ 1917 г.

13-го числа. Я писалъ съ сѣвскимъ стрѣльцомъ тестю и женѣ въ Сѣвскѣ.

15-го числа. Сдѣлали опись имуществу умершаго подполковника Гильда. Я писалъ со слугою думнаго дворянина своимъ пріятелямъ въ Кіевъ и Сѣвскѣ и обѣдалъ у новаго правителя Кіева, князя Юрія Семеновича Урусова.

16-го числа. Я располагалъ говорить о дѣлахъ генералъ-лейтенанта Друммонда съ Джемсомъ Кукомъ, но не пришлось.

17-го числа. Обѣдалъ у полковника Гулица, а вечеромъ поспѣтилъ еще нѣкоторыхъ лицъ.

18-го числа. Дѣло съ Джемсомъ Кукомъ кончилось миролюбно, и я, по договору, получилъ только 400 рублей. Я настаивалъ предъ бояриномъ, чтобы меня выпустили изъ страны, и въ вслѣдствіе этого онъ приказалъ мнѣ написать о томъ просьбу.

19-го числа. Я подалъ просьбу объ увольненіи меня на нѣкоторое время изъ страны и по оной состоялось повелѣніе отпустить меня, но чтобы жена и дѣти мои оставались въ Москвѣ.

20-го числа. Я подалъ просьбу о выдачѣ мнѣ полугодового жалованья и также прогоновъ. Приказано было изготovitъ по этому предмету выписку.

21-го числа. Обѣдалъ у Виніуса, а вечеромъ былъ на брачномъ пиршествѣ у полковника фонъ-деръ-Вейде.

23-го числа. Оставшееся послѣ подполковника Гильда имущество было оцѣнено и частью продано.

25-го числа. Я обѣдалъ у Вульфа и былъ у Лефорта на крестинахъ ребенка, получившаго имя Даніила. Я пытался помиритъ полковниковъ фонъ-Менгдена и Ронаэра, но тщетно. Я получилъ приказаніе принять мое годовое жалованье и оставить мою жену въ Кіевѣ.

26-го числа. Удостоился быть у Ихъ Величествъ, при цѣлованіи рукъ. Младшій царь, Петръ Алексѣевичъ, поднесъ мнѣ самъ чарку водки и приказалъ скорѣе возвратиться.

27-го числа. Я былъ допущенъ къ цѣлованію руки царевны Софіи, которая тоже очень настаивала, чтобы я скорѣе пріѣхалъ обратно и привезъ съ собою одного изъ моихъ сыновей.

28-го числа. Поѣхалъ въ Черную Грязь и простился съ бояриномъ, который меня просилъ скорѣе возвратиться, чтобы не подвергнуть его тюремному заключенію, такъ какъ онъ поручился за мое возвращеніе; при этомъ онъ просилъ меня писать ему съ каждою почтою. Послѣ этого я простился съ генералъ-лейтенантомъ Трауернихтомъ, полковникомъ Шелемъ и другими лицами.

29-го числа. Писаль по почтѣ, въ конвертѣ г. Вульфа, ген.-лейтен. Друммонду и господину Меверелю и сообщилъ имъ, что получилъ разрѣшеніе выѣхать изъ страны и на слѣдующій день покидаю Москву. Ген.-лейт. Друммонду я писалъ еще о состоявшемся съ г. Кукомъ соглашеніи и о томъ, что послѣдній, не получивъ въ Москвѣ никакихъ векселей, выплатилъ Вульфу деньги, съ тѣмъ, чтобы онъ выслалъ или перевелъ ихъ изъ Архангельска; онъ надѣялся заработать на этомъ десять процентовъ. Послѣ я обѣдалъ съ Боетенантомъ и другими лицами и простился въ городѣ съ государственнымъ секретаремъ и г. Винюсомъ, который, по приказанію перваго государственнаго министра иностранныхъ дѣлъ Ихъ Величествъ, далъ мнѣ словесное порученіе. Наконецъ въ слободѣ я распростился съ голландскимъ резидентомъ и со своими искренними друзьями.

4-го февраля. Въ Новгородѣ я отказался допустить таможенныхъ къ осмотру моихъ вещей; чиновники никакъ не соглашались не осматривать меня, потому что имѣли повелѣніе осматривать лицъ всякаго состоянія. Я объяснилъ, что это приказаніе должно понимать такъ, что оно касается купцовъ и другихъ лицъ, но не военнотружущихъ, особенно въ такомъ званіи, какъ я, и приводилъ тому различныя примѣры. Они же ссылались на приказаніе, за нѣсколько дней только-что полученное, я же указывалъ на распоряженіе правителя, который однако не пожелалъ вмѣшиваться въ это дѣло, но выдалъ мнѣ разрѣшеніе ѣхать далѣе, что отъ него зависѣло. Онъ оказался очень любезнымъ и ласковымъ при моемъ посѣщеніи его, поздно вечеромъ.

5-го числа февраля. Я снова послалъ къ правителю за полученіемъ приказанія.

Онъ сказалъ, какъ и ранѣе, что, по его мнѣнію, я могу ѣхать далѣе; онъ вполне справилъ меня въ путь и обѣщалъ мнѣ дать, по моему желанію, двухъ стрѣльцовъ для сопровожденія. Между тѣмъ я узналъ, что начальникъ таможи собралъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ съ тѣмъ, чтобы меня не выпускать изъ моего помѣщенія или же чтобы задержать на пути. Поэтому я послалъ еще разъ къ правителю узнать отъ него рѣшительно, дѣлается ли вышесказанное по его приказанію и будетъ ли онъ содѣйствовать подобнымъ насиліямъ. Правитель завѣрялъ, что онъ этого дѣлать не будетъ, но также не станетъ вмѣшиваться въ дѣла таможеннаго смотрителя, потому что послѣдній получаетъ свои инструкціи прямо, непосредственно изъ Москвы, а мнѣ предоставляется дѣлать, что признаю себѣ за лучшее. Послѣ обѣда

я приказалъ своимъ людямъ изготовиться, рѣшившись, несмотря на противодѣйствіе, проложить себѣ дорогу силою чрезъ городъ.

Смотритель таможни, узнавъ объ этомъ, пришелъ ко мнѣ и требовалъ, чтобы я, не допуская до осмотра моихъ вещей, разрѣшилъ, по крайней мѣрѣ, ихъ опечатать и сложить въ церковь или другое надежное помѣщеніе, до полученія дальнѣйшихъ приказаній изъ Москвы. Сперва я на это готовъ былъ согласиться, чтобы не быть задержаннымъ въ пути. Но, видя, что правитель теперь болѣе меня поддерживаетъ, и не усматривая основанія къ тому, чтобы онъ перемѣнилъ свое ко мнѣ расположеніе, я рѣшился отказать въ осмотрѣ моихъ вещей и послалъ вмѣстѣ съ тѣмъ собственноручную записку къ правителю, въ которой приносилъ жалобу на таможеннаго смотрителя и его помощниковъ. Я писалъ, что они меня оскорбили, поставивъ стражу у моихъ вещей и задержавъ меня самого, причинили мнѣ большой вредъ и убытки; я просилъ его все это записать и сообщить въ Москву. Все это было принято правителемъ. Я поѣхалъ далѣе и, безъ затрудненія мяновавъ городъ и проѣхавъ мость черезъ р. Волховъ, продолжалъ безпрепятственно мой путь. Лошади достаточно утомились, и я, въ двадцати пяти верстахъ отъ города, остановился въ деревнѣ ихъ кормить, а затѣмъ уже ночью, проѣхавъ еще 25 верстъ, прибылъ въ деревню Мшагу. Я уплатилъ въ Новгородѣ прогонные за десять лошадей всего 25 алтынъ, а здѣсь за то же число одинъ рубль 5 алтынъ и 2 деньги.

Изъ Новгорода я писалъ г. Виніусу, полковнику Менезесу и моей женѣ.

6-го числа. За три часа до разсвѣта, я выѣхалъ и уже въ полный день прибылъ въ Солоницу, проѣхавъ 15 верстъ, гдѣ узналъ отъ дворянина, пріѣхавшаго въ четвертомъ часу ночи, что таможенный смотритель, съ главнѣйшими чинами своими, послѣ бурныхъ споровъ съ правителемъ, получалъ отъ него повелѣніе ѣхать съ писцомъ и многими стрѣльцами въ погоню за мною, осмотрѣть мои вещи на мѣстѣ и если въ числѣ ихъ окажутся купеческіе товары, немедленно ихъ отобрать. Въ случаѣ же моего на это несогласія задержать меня лично и со всѣми вещами привезти обратно въ городъ или по крайней мѣрѣ меня задержать въ томъ мѣстѣ, гдѣ меня настигнуть. Услыхавъ все это и располагая хорошими лошадьми, я обѣщаль розчикамъ дать щедро на водку, если они повезутъ меня быстро, и направился на Опочку, куда прибылъ, проѣхавъ 35 верстъ. Въ Опочкѣ я отдохнулъ всего полчаса, покормилъ лошадей и, сдѣлавъ

40 верстѣ, прїѣхаль въ Загорье около трехъ часовъ ночи. Здѣсь я смѣнилъ лошадей, заплативъ за каждую по пяти копѣекъ, и до разсвѣта прибылъ въ г. Псковъ, проѣхавъ 35 верстѣ.

7-го числа я отправился къ правителю, князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому. Онъ меня принялъ очень ласково, приказалъ тотъ же часъ снарядить меня въ путь и просилъ меня, когда все будетъ готово къ моему отъѣзду, зайти къ нему проститься съ нимъ. Я нанялъ шесть лошадей до г. Риги и заплатилъ за каждую по одному рублю, 8 алтынъ и деньгу одну.

Вечеръ я провелъ у правителя съ его друзьями и только около 10 часовъ вечера выѣхаль изъ Пскова. Я немедленно заснулъ въ повозкѣ, а возчики, которые были пьяны, проѣхавъ 20 верстѣ, остановились у какого-то дома. Проснувшись, я немедленно разбудилъ ихъ побоями и заставилъ тотъ же часъ ѣхать далѣе. За часъ до разсвѣта я прибылъ въ Печерское и около обѣда былъ уже въ Нейгаузенѣ, гдѣ лейтенантъ по имени Эрикъ Готъ былъ комендантомъ. Я заявилъ о себѣ въ замкѣ, объяснивъ мое званіе, и получилъ отъ него свидѣтельство на проѣздъ.

Покормивъ немного лошадей и отправивъ назадъ взятыхъ въ Псковъ, я миноваль различныя постоянныя дворы (корчмы); дорога около трехъ миль была холмистая. Я ночеваль въ одномъ изъ такихъ дворовъ. Селенія, очень рѣдко встрѣчаемыя, носятъ названія владѣльцевъ, которымъ они принадлежать.

9-го числа рано утромъ, съ пѣтухами, я поѣхаль далѣе, переправился чрезъ Черную рѣку и скоро остановился обѣдать, проѣхавъ 15 миль. Затѣмъ я переправился чрезъ р. Гавію (Аа) и заночеваль въ корчмѣ, среди совершенно пустой мѣстности, проѣхавъ пять миль.

10-го числа отдохнувъ часа три, добрался опять до корчмы, проѣхавъ шесть миль. Тутъ я кормилъ лошадей немного, переправился чрезъ р. Аа и обѣдалъ въ Вольмарѣ, въ гостиницѣ, проѣхавъ двѣ мили.

Ночь я провелъ въ корчмѣ, но до полуночи пустился въ дорогу и

11-го числа, миновавъ нѣсколько корчмъ, прибылъ въ Рубинъ, сдѣлавъ три мили, а къ разсвѣту добрался до Брогла, проѣхавъ одну милю. Дорога тутъ была худая, снѣгъ большею частью уже растаялъ. Проѣхавъ еще двѣ мили, я сталъ кормить лошадей. Послѣ одной мили, я въ третій разъ переправился чрезъ рѣку Аа и остановился ночевать въ корчмѣ Хилькинѣ, въ трехъ миляхъ

отъ г. Риги. Близко отъ города, въ Саранковѣ, живетъ баронъ фонъ-Менгденъ.

12-го числа я взялъ съ собою въ проводники хозяина корчмы. Онъ долженъ былъ провести насъ мѣстами, въ которыхъ еще снѣгъ не стаялъ. Мы выѣхали рано утромъ и послѣ большихъ трудностей добрались въ Ригу къ восьми часамъ. Я остановился у цырюльника по имени Гардера въ Песочной улицѣ (Sandstrasse).

Въ тотъ же вечеръ я написалъ моей женѣ, полковникамъ Менезесу и фонъ-Менгдену, г. Виніусу, Гуаскони, боярину В. В. Голицыну и послалъ письма съ аптекаремъ Христіаномъ Эйглеромъ, котораго встрѣтилъ въ Ригѣ, на обратномъ его пути въ Москву. Аптекарь посѣтилъ меня вмѣстѣ съ купцомъ Маркусомъ Люисомъ, и я вручилъ ему различные подарки моимъ знакомымъ въ Москвѣ.

13-го числа я писалъ правителю псковскому князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому и купцу Юанну Фохту, оказавшему мнѣ въ Псковѣ много услугъ. Различные друзья посѣтили меня и уговорили перебраться въ городъ; я нанялъ себѣ помѣщеніе у вдовы Беверманъ, въ улицѣ Св. Якова. Послѣ обѣда г. Рихардъ Даніель прислалъ за мною сани и просилъ совершить съ нимъ вмѣстѣ поѣздку по р. Двинѣ. Я отправился съ различными англичанами,—мужчинами и женщинами, проѣхалъ значительное разстояніе по р. Двинѣ внизъ по теченію и затѣмъ былъ приглашенъ въ домъ, находившійся въ форштадтѣ, гдѣ и пробылъ 2—3 часа.

Таможенные служители прислали справиться, не имѣю ли я при себѣ товаровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что необходимо осмотрѣть мои вещи и сундуки.

14-го числа обѣдалъ у Даніеля и былъ хорошо угощенъ.

15-го числа обѣдалъ у госпожи Фразеръ, а вечеромъ былъ у г. Ватсона.

16-го числа, нанялъ фурмана (извозчика) до г. Мемеля, съ телѣгою, въ двѣ лошади, за десять спеціезъ-талеровъ.

17-го числа писалъ г. Боетенанту и сообщилъ ему, что такъ какъ въ его сундукѣ имѣлась опись вещамъ, въ немъ находящимся, то онъ долженъ былъ уплатить за нихъ пошлины $2\frac{1}{2}$ процентовъ со стоимости указанныхъ вещей; другіе же два чемодана, принадлежащіе г. Гартману и ванъ Совме, были взяты въ таможду, гдѣ и будутъ находиться, пока не будетъ произведена спеціальная опись вещамъ, въ нихъ находящимся. При этомъ чемоданы вскроютъ, вещи осмотрятъ, опишутъ и оцѣнятъ; всего этого съ вещами г. Боетенанта не дѣлали. Я заплатилъ за свои

вещи пошлины 13¹/₄ талеровъ, за ѣду—поль-талера и за пищу моихъ слугъ—десять штюберовъ.

Послѣ обѣда я выѣхалъ изъ Риги, при чемъ Даніель и Фразеръ проводили меня по ту сторону р. Двины. Я заночевалъ въ корчмѣ Шруденъ, въ трехъ миляхъ отъ Риги, и заплатилъ поль-талера и двѣушкамъ далъ 4 полтаракса.

18-го числа я прибылъ въ г. Митаву, въ трехъ миляхъ отъ г. Риги, резиденцію герцога Курляндскаго. Тутъ имѣется замокъ, укрѣпленный землянымъ валомъ, а также горнверкомъ, сооруженнымъ со стороны рѣки. Городокъ съ валомъ очень милъ. Я писалъ г. патеру Маковіусу, въ письмѣ на имя патера Штурма, заплатилъ за обѣдъ 32 пфенига или полтараксъ. Я переправился чрезъ три рѣчки и остановился ночевать въ Дуплинсъ-Кругѣ, проѣхавъ три мили. Я уплатилъ 3 пфен. за пиво и 4 пф. за сѣно, которое взято съ собою.

19-го числа я переправился чрезъ небольшую рѣчку и прибылъ къ церкви Св. Анны, а затѣмъ, проѣхавъ три мили, обѣдалъ въ Блиденгъ-Кругѣ и уплатилъ за пиво 8 пфен. Отѣхавъ еще три мили, заночевалъ въ Фронсбергъ-Кругѣ, гдѣ заплатилъ за все 9 пенсовъ.

20-го числа. Я перебрался черезъ р. Виндаву и остановился обѣдать, проѣхавъ четыре мили. Тутъ находился каменный домъ, принадлежащій герцогу Курляндскому, окруженный съ четырехъ сторонъ каменною стѣною. Я заплатилъ за пиво и яйца—12 пфен. Проѣхавъ двѣ мили далѣе, я остановился на ночь въ Кругѣ, гдѣ заплатилъ за пиво 7 пф. и за солому 3 пф.

21-го числа. Выпалъ сильный снѣгъ. Проѣхавъ двѣ мили, прибылъ къ дому дворянина. гдѣ купилъ небольшія сани за одинъ талеръ и заплатилъ за пиво 11 пф. Теперь поѣхали ходчѣе. У Кристбурга я переправился чрезъ маленькую рѣчку и скоро послѣ этого прибылъ къ р. Бартау, на паромѣ переправился на другой берегъ и остановился на ночь въ хорошемъ домѣ, отѣхавъ всего пять миль. Тутъ я заплатилъ за кровать и пиво всего 18 пф. и далъ служанкѣ 1 пф.

22-го числа. Я добрался до Рютцона-Круга, послѣ трехъ миль ѣзды. Снѣгъ совершенно стаялъ, и я былъ принужденъ бросить сани, потому что за нихъ мнѣ ничего не давали, по причинѣ плутовства какого-то купца, ѣхавшаго вмѣстѣ со мной изъ Риги и старавшагося, при всякомъ случаѣ, всегда сорвать съ меня что-нибудь. Здѣсь я заплатилъ за пиво и яйца 18 пф. Теперь я приблизился уже къ морскому берегу. На паромѣ я переѣхалъ рѣку Свягую Аа, и сейчасъ же остановился въ хорошемъ домѣ, въ

разстояніи съ небольшимъ двѣ мили отъ того мѣста, гдѣ обѣдалъ. Здѣсь за ужинъ пяти лицамъ и двумъ моимъ слугамъ, а также за пиво и постели было уплачено всего два флорина и горничной на чай 4 пф. Теперь мы находились на польской землѣ, въ староствѣ Полангенъ.

23 числа я пріѣхалъ въ самый Полангенъ, маленькій городокъ, населенный бѣльшею частью евреями. Таможенные пошлины взимаются здѣсь евреями, которые и вносятъ въ казну ежегодно извѣстную за нихъ сумму. Здѣсь я выдалъ себя за польскаго полковника, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ заплатить немного таможенной пошлины, именно всего около одного талера и 12 пф. двумъ сборщикамъ и еще по 12 пф. каждому изъ ихъ помощниковъ. Кромѣ того [за водку и бѣлый хлѣбъ пришлось заплатить 18 пф.

Изъ Полангена, отѣхавъ три мили, я прибылъ въ Мемель, при чемъ одну милю проѣхалъ по владѣніямъ курфюрста Бранденбургскаго. Тутъ море, особенно въ бурное время, выбрасываетъ на берега янтарь, собирать который имѣеть право на польскомъ берегу каждый изъ его мѣстныхъ жителей; на бренденбургскомъ же берегу сборъ этотъ дозволяется тѣмъ только, которые къ этому сбору приставлены. Англичане получили привилегію свободно торговать, въ теченіе 10 лѣтъ, при устьѣ рѣки Святой Аа, обѣщавъ за это устроить тутъ безопасную гавань, къ чему однако мало надежды, по той причинѣ, что предъ рѣкою, при впаденіи ея въ море, находятся большія, песчаныя отмели, да и весь берегъ песчанистъ, вездѣ открытъ и не можетъ быть очищенъ отъ песка. Въ Мемелѣ меня допрашивали, кто я такой. Я объявилъ стражѣ, что отвѣчу на этотъ вопросъ въ своей квартирѣ, и, прибывъ въ оную, вручилъ одному изъ стражниковъ запечатанное письмо на имя коменданта, подполковника Крюгера, которымъ сообщилъ ему, кто я такой и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его дозволить мнѣ оставаться неизвѣстнымъ въ городѣ. Вслѣдъ за этимъ комендантъ прислалъ мнѣ сказать, что онъ сейчасъ меня посѣтитъ. Дѣйствительно чрезъ полъ-секунды онъ пришелъ, привѣтствовалъ меня очень радушно и почтительно просилъ меня придти къ нему на слѣдующій день запросто къ его солдатскому обѣду. По уходѣ коменданта пришелъ пикинеръ отъ главнаго караула, чтобы стоять на часахъ у моихъ дверей.

24 чис. утромъ комендантъ прислалъ ко мнѣ офицера, съ приглашеніемъ къ нему на обѣдъ. Въ одиннадцать часовъ онъ прислалъ за мною экипажъ, вмѣстѣ съ капитанъ-лейтенантомъ Шаппель, англичаниномъ; при этомъ было еще шесть порядочно

одѣтыхъ слугъ, около повозки, кромѣ моихъ слугъ. Комендантъ очень хорошо меня угостилъ и такимъ же порядкомъ доставилъ меня обратно домой. Я далъ сопровождавшему меня челоуѣку одинъ талеръ, кучеру—полъ-талера; стоявшихъ на караулѣ у моихъ дверей я приказалъ накормить и выдалъ имъ по полуталеру при отѣздѣ. Я уплатилъ рижскому фурману за 6 лошадей и три повозки 27 спеціаль-талеровъ, кромѣ денегъ за пиво. Я теперь нанялъ повозку въ 5 лошадей, за 10 талеровъ. Юрій Паульсонъ и аптекаръ должны были также уплатить свои доли. Имѣя только одного слугу и багажъ свой, я нанялъ двѣ верховыя лошади для себя и слуги и заплатилъ за каждую три талера и озаботился немедленно ихъ прокормленіемъ, а также доставкой третьей лошади для гонца и такимъ порядкомъ продолжалъ свой путь до Кенигсберга, потому что отъ толчковъ въ повозкѣ я былъ совсѣмъ боленъ и разбитъ. Въ Мемелѣ я заплатилъ за ѣду, вино и пищу солдатъ, включая и Юрія Паульсона, 12 флоринговъ,—горничной на чай 15 пф. и кромѣ того купилъ ей же янтарный крестъ и три браслета за 4¹/₂ талера.

Мемель очень укрѣпленное мѣсто, особенно замокъ, который по плану мнѣ показанному комендантомъ, долженъ быть укрѣпленъ еще сильнѣе; къ этому изготовлена уже большая часть необходимыхъ матеріаловъ. Ежемѣсячное жалованіе солдатъ составляетъ шесть флориновъ, изъ нихъ на 2 флор. имъ поставляютъ хлѣба, 2 флор. они получаютъ на руки на всякіе мелкіе расходы, пиво, съѣстные припасы и другія вещи, а два флорина удерживаютъ офицеры и снабжаютъ солдатъ башмаками, чулками, рубашками и прочими необходимыми предметами. Капитанъ получаетъ въ мѣсяцъ 32 талера, поручикъ—18 талер., а фендрихъ—12 талер.;

Прибывъ въ Данцигъ, я нанялъ 5-го марта повозку по талеру въ день и поѣхалъ на шотландскую сторону города, гдѣ былъ въ іезуитской церкви при богослуженіи. Послѣ обѣда меня посѣтилъ ректоръ іезуитской коллегіи. Я ему сообщилъ, что намѣренъ взять съ собою моего сына, узнавъ, что онъ зараженъ началами реформатскаго исповѣданія (кальвинизма); я опасался, чтобы онъ не былъ совсѣмъ совращенъ въ эту религію.

Послѣ этого я посѣтилъ также г. Брауна и Форбса и совѣщался съ докторомъ о мальчикѣ Даніилѣ (слугѣ).

6 числа я обѣдалъ съ различными моими земляками у Джемса Брауна, гдѣ былъ очень хорошо угощенъ. Я писалъ моей женѣ, моему зятю и полковнику Ливистону въ Кіевъ, боярину князю В. В. Голицыну, г. Виніусу, а также полковнику Крюгеру въ

Мемель, г. Георгу Грею въ Кенисбергъ. Первыя письма я от-правилъ въ пакетъ на имя г. Георга Фразера въ Ригу. Я нанялъ повозку (шезу) въ три лошади до Штетина за восемьдесятъ флориновъ.

7-го числа былъ у иезуитовъ при богослуженіи, на шотландской сторонѣ и простившись съ ними обѣдалъ у г. Форбса, гдѣ меня очень хорошо угостили.

8-го числа приготовлялся къ отъѣзду. Друзья мои прислали мнѣ въ изобиліи всякихъ съѣстныхъ припасовъ на дорогу. Я простился съ г. Броуномъ и Форбсомъ и размѣнялъ на дорогу сорокъ дукатовъ. Мои расходы въ Данцигѣ были слѣдующіе: за двѣ пары башмаковъ—5 флор., за шинель моему сыну—9 тал. 2 грош. 14 пф.; за наемную повозку—4 тал.; за ѣду и пиво—10 тал. 2 флор. 10 пф.; на чай горничной—1 тал. 1 флор. 14 пф.; на чай кучеру—2 флор.; инспектору коллегіи иезуитовъ—3 тал. 16 пф.; за стирку бѣлья—1 флор. 13 пф.; горничной г. Брауна—12 пф.; доктору, для моего больного слуги Даниила—одинъ талеръ; за лѣкарство—4 тал.; аптекарю—1 флор. 4 пфен.; за отправку письма по почтѣ—14 пфен.

9 марта. Мы начали день тѣмъ, что вмѣстѣ съ главою шотландцевъ, проживающихъ въ Данцигѣ, поѣхали въ Хармансъ; мои соотечественники, проживавшіе въ Данцигѣ, угощали меня въ этомъ веселомъ мѣстѣ, въ разстояніи полу-мили отъ города. Затѣмъ я прибылъ въ Загорское; въ двухъ миляхъ отъ Данцига и получилъ отъ Путски, имѣя дорожною холмы, въ правой рукѣ. Миновавъ Оливу, мы поѣхали Картезіанскій монастырь съ лѣвой стороны, заплатили за 5½ стопъ (stoupe) пива 16 съ половиною грошей, за постели—6 грошей, за водку и 3½ гроша за повозку.

10 числа. отъѣхавъ одну милю, прибыли въ г. Нейштадтъ. Это маленькій, открытый городокъ со многими церквами и священными мѣстами, а затѣмъ, черезъ двѣ мили далѣе, остановились въ кругѣ (харчевнѣ), послѣ чего, черезъ двѣ мили, прибыли въ Лауенбургъ, гдѣ имѣетъ пребываніе судъ для всей этой мѣстности. Городъ Лауенбургъ обнесенъ кирпичною стѣною, съ многими круглыми башнями и квадратными строениями; по широкой сторонѣ протекаетъ рѣка, которая могла бы быть проведена кругомъ города, но значительные холмы съ восточной стороны препятствуютъ обратить этотъ городъ въ значительную крѣпость. Въ былыя времена этотъ городъ, со всѣмъ округомъ, принадлежалъ польскому королевству, но по Оливскому договору онъ перешелъ во власть электора Бранденбургскаго.

владѣнія котораго находятся въ двухъ съ половиною миляхъ на востокъ отъ города. Мы проѣхали еще двѣ мили далѣе и остановились въ кругѣ, принадлежащимъ какому-то генералу.

11 числа. Дорога, по которой мы ѣхали весь этотъ день и вчерашній, также пролегла по песчаной мѣстности и каменистому грунту съ холмами по обѣимъ сторонамъ, покрытыми большими дубами и другими деревьями; но деревья съ лѣвой стороны дороги были лучше. Мы проѣхали два или три холма, пересѣкавшихъ намъ дорогу въ долину. Въ полдень я уплатилъ 9 грошей за три ступы пива и три гроша за свинину. Остановились въ новомъ кругѣ, принадлежавшемъ Корналль Грунку, въ 4-хъ миляхъ отъ Стольпе, гдѣ я уплатилъ за пиво, яйца и постель—22 гроша съ половиною.

12 марта съ разсвѣтомъ направились къ р. Шусса, гдѣ находится дворянская усадьба, деревня, мельница въ разстояніи одной съ половиною мили и затѣмъ обѣдали въ Стольпе, маленькомъ городкѣ, который находится въ 10 миляхъ отъ Данта и въ 24 миляхъ отъ г. Штетина. Я заплатилъ здѣсь за пиво и уху (супъ изъ рыбы) семь грошей и за рыбу—три гроша, послѣ чего двѣ мили по ровной и безплодной мѣстности до маленькаго городка Слагъ, сдѣлавъ четыре мили. Около городка протекаетъ здѣсь рѣка, называемая . . . ; тутъ много красивыхъ рощъ и лѣсовъ. Этотъ городокъ пользуется болѣе значительными привилегіями, нежели другіе города. Я уплатилъ здѣсь за помѣщеніе 2 гильдера и 6 грошей и за кушанье—3 гроша. Этотъ городокъ имѣетъ развалившуюся кирпичную стѣну и валъ; фланкирующія башни находятся также въ разрушеніи.

13 числа мы ѣхали по болѣе плодородной и болѣе населенной мѣстности, миновали различныя деревни съ церквами и послѣ двухъ миль прибыли къ маленькому городку Занову, проѣхавъ по болотистой мѣстности, а потомъ по мосту чрезъ рѣку, называемую Грабовъ. Мы тутъ узнали, что отъ сего мѣста до берега моря всего около двухъ миль разстоянія, что земля очень плодородна и что тутъ, вдоль всего берега отъ Нутска, живутъ поселяне, называемые Heekell bouges; они зажиточны и обрабатываютъ поля, ихъ окружающія; доходы же съ полей собираются офицерами электора. Это мѣсто незащищенное. Отсюда мы сперва ѣхали по холму, называемому Гольденъ-бергъ, откуда мѣли очень красивый видъ кругомъ, во всѣ стороны, а затѣмъ спустились въ равнину и скоро прибыли въ городъ Кесслинъ. Это хорошенькій городокъ, обнесенный валомъ, при чемъ съ одной его стороны протекаетъ рѣка, а по другой тянется болото

Эта мѣстность называется Cassilia. Мѣстами каменный валь города осыпался, а также и земляной, послѣдній вѣроятнѣе всего размытъ водою. Всѣ эти города, за исключеніемъ Слея, называются *ampt town* т. е., должностные города, они являются электоральными судебными городами, съ замками или точнѣе электоральными домами, въ которыхъ пребываютъ офицеры, называемые *Amptman*, имѣющіе по закону наблюденіе за городами и прилегающими къ нимъ землями, управленіе ими, а также и сборъ съ нихъ доходовъ и всякаго рода повинностей, а равно всякихъ причитающихся съ нихъ платежей, судебныхъ пошлинъ и сборовъ. Я заплатилъ тутъ за яйца, пиво и молоко, взятыя на обѣдъ, 13 грошей.

Проѣхавъ добрую милю, мы прибыли въ городъ Керлинъ, также электоральный замокъ или домъ, и переправившись чрезъ р. Персангу (при устьѣ которой находится городъ Кольбергъ), протекающую у города и замка, продолжали ѣхать двѣ мили, имѣя рѣку въ правой рукѣ, и миновали новыя деревни, находившіяся по обѣимъ сторонамъ дороги, а также многіе дворянскіе дома, весьма красиво расположенные.

Вся мѣстность была неплодородна. Мы обѣдали въ кругѣ, принадлежавшемъ ландрату Мандевиллю, это мѣсто въ трехъ миляхъ отъ Кольберга (приморскій портъ въ правой рукѣ, въ двухъ миляхъ отъ г. Трентова, главнаго мѣста всего округа, въ той же правой рукѣ). Мы уплатили тутъ 12 грошей и, проѣхавъ затѣмъ по плоской мѣстности, прибыли въ маленькій городокъ Платэ, съ двумя герцогскими дворцами, имѣя въ правой рукѣ Гриффенбергъ, а въ лѣвой Рогенвальдъ, два частныхъ владѣльческихъ городка. Платэ окруженъ старымъ, каменнымъ валомъ; тутъ же кругомъ протекаетъ рѣка и стоятъ мельницы. Прежде была также большая мельница въ деревнѣ Великій Сабовъ, лежащей въ правой рукѣ отъ города Гваркенбергъ. Мы тутъ уплатили 1 флор. 3 гроша и дали горничной на чай одинъ пенни. Здѣсь уговорился я съ моимъ фурманомъ о доставкѣ меня отъ штетинской дороги въ Берлинъ, за лишніе десять долларовъ (*dollers*).

14 марта прибылъ въ Нейгардтъ, маленькій городокъ, съ разрушеннымъ валомъ и ровомъ съ водою, а также съ замкомъ, на сѣверной сторонѣ, окруженнымъ землянымъ валомъ съ фланками и разваливающимися башнями. Затѣмъ послѣ двухъ миль прибыли въ Марсавъ, маленькій городокъ, съ разрушившимся кирпичнымъ валомъ, а мѣстами и двойнымъ землянымъ ровомъ.

онъ принадлежитъ графинѣ... Проѣхавъ затѣмъ еще двѣ мили, мы прибыли въ Старргардъ, лучший и красивѣйшій городъ Помераніи, въ разстояніи пяти миль отъ г. Штетина, семнадцати миль отъ г. Берлина и пятнадцати отъ г. Позена. Старргардъ, а также Стольпе, Шланка и Кесслинъ управляются городскимъ совѣтомъ, а не амтманомъ, какъ другіе города. Съ сѣверной стороны Старргардъ очень сильно укрѣпленъ, имѣетъ кирпичный валъ съ башнями и кромѣ того еще и земляной; рѣка Лена образуетъ тутъ какъ бы ровъ съ водою, протекая по городу, гдѣ стоятъ мельницы. По другой сторонѣ находится сухой ровъ. Эта рѣка впадаетъ въ датское море, а та въ р. Одеръ.—Уплативъ за обѣдъ и за пиво 1 флор. 2 гроша, мы поѣхали далѣе, видѣли дорогою много небольшихъ деревень, но съ церквами и ночевали въ кругѣ, при р. Штромѣ, проѣхавъ двѣ мили. Я уплатилъ здѣсь за пиво—пять штверовъ и 1 даль служанкѣ; за рыбу и молоко—пять грошей.

15 марта. Ѣхали по болотистой мѣстности къ р. Плоненакотъ гдѣ имѣются развалины двухъ фортовъ, и перебрались по мосту, здѣсь устроенному, а затѣмъ свернули вправо къ деревнѣ Рисханъ, послѣ чего пріѣхали въ маленькій городокъ Перитсъ, въ плодородной мѣстности, изобилующей разными плодами и арбузами (melon). Онъ находится въ 3-хъ миляхъ отъ Старгарда и въ двухъ миляхъ отъ маленькаго городка Бона или Баненъ. Миновавъ затѣмъ много деревень, пріѣхали въ Баненъ, имѣющій обвалившійся кирпичный валъ и слѣды двойного земляного вала, а также на западной сторонѣ—озеро и болото. Мы проѣхали далѣе добрую милю до деревни Маріенталь, гдѣ обѣдали и уплатили 8 грошей да еще за рыбу 4 гроша. Миновавъ границы Помераніи и отѣхавъ полторы мили далѣе, мы прибыли въ городъ Клейнбергъ. Въ полумилѣ отъ этого города и въ разстояніи десяти миль отъ Берлина (главнаго города Бранденбургской марки), начинается эта марка. Клейнбергъ очень красиво расположенъ и окруженъ кирпичною стѣною, обвалившеюся во многихъ мѣстахъ. Тутъ я уплатилъ за обѣдъ одинъ рейхсъ-талеръ.

16 числа мы проѣхали три мили, обѣдали у р. Одеръ въ мѣстечкѣ Кустринкенъ и я заплатилъ за рыбу и пиво—семнадцать штверовъ и еще за обѣдъ—18 штверовъ. Послѣ этого поѣхали песчаными полями и затѣмъ лѣсомъ къ большой р. штѣ, по которой поѣхали четверть мили и остановились въ Фрегенвальдѣ,—маленькомъ городкѣ, съ каменными воротами, но безъ вала. Мы остановились въ постояломъ дворѣ и уплатили за пиво, свѣчи, яйца и масло—18 штверовъ.

Фрегенвальде находятся въ шести миляхъ отъ Берлина и въ такомъ же разстояніи отъ Кюстрина.

17 числа проѣхавъ три большія мили, мы обѣдали въ Вуряшовѣ и уплатили десять штюверовъ. До Берлина оставалось три мили, и я заплатилъ за проѣздъ этихъ двухъ миль за меня и людей моихъ одинъ талеръ и 12 добрыхъ грошей, далъ горничной одинъ флоринъ, цырюльнику—два добрыхъ гроша, фурману—изъ Данцига—48 флор. и два флор. на водку и чтобы вывезти меня изъ города—два флорина.

Тутъ я встрѣтилъ гамбургскаго купца, ѣхавшаго съ Франкфуртской ярмарки, онъ убѣдилъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, обѣщая доставить меня днемъ ранѣе въ Гамбургъ, нежели возять обыкновенные возчики и дешевле. Я согласился и насъ, такимъ образомъ, поѣхало теперь семь человекъ, купецъ имѣлъ съ собою двухъ людей. Я выѣхалъ изъ Берлина въ той же шезѣ, въ которой пріѣхалъ изъ Данцига, но проѣхавъ немного, пересѣлъ за городомъ въ большую открытую повозку, которая была не совсѣмъ удобна.

18 числа проѣхали черезъ р. Шпрэ, по мосту, который имѣлся, и затѣмъ, отѣхавъ одну милю далѣе, отдыхали въ кругѣ два часа и уплатили за всѣхъ насъ десять добрыхъ грошей.

19 числа—отѣхавъ три мили, направились на Линумъ, близъ котораго шведы въ 16... году проиграли сраженіе съ бранденбургцами при Гакланбургѣ, а затѣмъ прибыли къ маленькому городку Фербелину, гдѣ въ сраженіи былъ взятъ въ плѣнъ Толь. Тутъ мы переѣхали по мосту и послѣ большого переѣзда прибыли въ Рутценъ,—деревню, принадлежащую дворянину, гдѣ отдыхали и обѣдали въ деревнѣ, въ разстояніи одной мили отъ Фербелина. Здѣсь мы добыли свѣжихъ лошадей, заплативъ за нихъ восемь талеровъ. Кромѣ того мы уплатили тутъ за обѣдъ девять добрыхъ грошей и затѣмъ пустились далѣе. Съ небольшого холма мы могли видѣть около 36 церквей. Затѣмъ ѣхали деревню Вильдборгъ, на небольшомъ ручьѣ, которая была укрѣплена, а затѣмъ чрезъ Каузеръ,—также деревня съ фортомъ, но безъ болверка. Тутъ я заплатилъ три добрыхъ гроша за двѣ мили, до другого мѣстечка, расположеннаго на острову со старымъ кирпичнымъ валомъ, называемаго Киретцъ, гдѣ уплатилъ за пиво, масло и хлѣбъ шесть добрыхъ грошей и, взявъ свѣжихъ лошадей, проѣхали еще три мили и переправились чрезъ рѣку Минъ, которая является границею владѣній электора Бранденбургскаго. Полъ. мили далѣе обѣдали въ деревнѣ, называе-

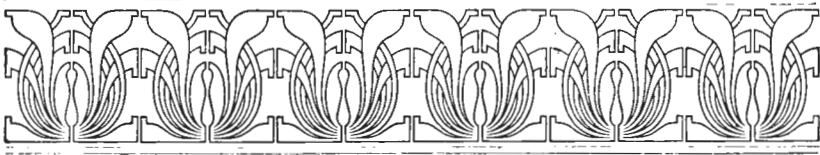
мой Керлинъ и уплатили, 14 грошей. Оставивъ въ лѣвой рукѣ Лентсъ, мы перебрались чрезъ р. Эльбу по мосту и прибыли къ дому дворянина и къ деревнѣ, называемой Бингъ, на р. Эльбѣ, а затѣмъ въ с. Трипке. Здѣсь уплатили за пиво, хлѣбъ и прислугу 13 грошей. Трипке—деревня въ трехъ миляхъ, гдѣ мы взяли свѣжихъ лошадей и прѣехали въ Нейгаузъ на р. Эльбѣ, деревню въ 2-хъ миляхъ, гдѣ, взявъ снова свѣжихъ лошадей, проѣхали, въ ночное время, черезъ маленькій городъ Витцбургъ—гдѣ имѣется укрѣпленіе, принадлежащее герцогу Саксенъ-Лауенбургскому въ 2-хъ миляхъ. Затѣмъ при дневномъ уже свѣтѣ добрался въ Лауенбургъ, проѣхавъ одну милю. Онъ принадлежитъ саксонскому семейству, которое имѣетъ тутъ свой дворецъ. Затѣмъ одну милю далѣе мы смѣнили лошадей въ деревнѣ, проѣхали еще три мили до маленькаго города Баредорфа, принадлежавшаго ранѣе городамъ Гамбургу и Любеку, но теперь герцогъ Люнебургскій силою занялъ это мѣсто и въ немъ живетъ. Я остановился здѣсь на полчаса, пока справилъ свой переходъ и скоро затѣмъ 20 числа прибылъ въ Гамбургъ (2 мили). Во время этого переѣзда я видѣлъ много пріятныхъ домовъ и садовъ, принадлежащихъ городу Гамбургу, а также небольшой фортъ, гдѣ была кровавая стычка между подданными герцога Люнебургскаго и обывателями Гамбурга. Этотъ городъ очень пріятно и красиво расположенъ на рѣкѣ Эльбѣ и чрезвычайно удобенъ для торговли; это какъ бы настоящій центръ сѣверной части Европы, желающей имѣть хорошихъ сосѣдей и всякаго рода удобства.

22 марта. Въ этотъ день мужчина и женщина, граждане города, были ведены изъ тюрьмы къ дому, гдѣ совершено было убійство, и тутъ передъ домомъ каменными щипцами рвали у нихъ мясо съ рукъ и ногъ, а потомъ повели на мѣсто казни за городъ; тамъ они были колесованы. Въ этотъ вечеръ меня великолѣпно угостилъ г. Натаніэль Кембриджъ, англійскій резидентъ и главный торговецъ англійской компаніи.

23 числа. Нанявъ кучера по талеру въ день, я поѣхалъ въ Альтону, а оттуда къ рѣкѣ Сейдъ, гдѣ отправился на англійскій корабль, который былъ зафрахтованъ въ Лондонъ. Я далъ за доставку меня на бортъ корабля—марку и матросамъ на водку поль талера. Получилъ письмо отъ моего зятя изъ Кіева и отъ г. Виніуса изъ Москвы отъ 9 февраля.

Сообщилъ П. М. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Излеръ и „Минеральныя Воды“ въ 1849-мъ году.

Въ 1849-мъ году, во время холеры, свирѣпствовавшей въ Петербургѣ, среди понятной паники въ населеніи, Иванъ Ивановичъ Излеръ—содержатель сада „Минеральныя Воды“, или по-просту „Минерашекъ“¹⁾, бодро продолжая угощать публику увеселеніями, однажды устроилъ концертъ, [весь сборъ съ котораго пожертвовалъ въ пользу пострадавшихъ отъ ужаснаго бѣдствія.

О поступкѣ Излера было доложено Николаю I-му. Императоръ неожиданно явился въ „Минерашки“ на обычный концертъ и, [вызвавъ Излера, сказалъ ему:—„Спасибо тебѣ, {Излеръ, за доброе дѣло. Я пріѣхалъ лично поблагодарить тебя“.—Прослушавъ нѣсколько нумеровъ, Николай I уѣхалъ.

Излеръ, не знавшій, чѣмъ выразить свое удовольствіе, рѣшилъ угостить всю публику шампанскимъ. Появились лакеи съ бокалами на подносахъ.

Знаменитый цыганъ Илья Соколовъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, пропѣлъ тогда слѣдующіе куплеты, посвященные Излеру:

„Хвала тебѣ, нашъ Излеръ благородный,
„Несчастливыхъ другъ и страждущихъ людей,
„Ты не умрешь и въ памяти народной
„Ты будешь жить на славу нашихъ дней.

* * *

---

¹⁾ Тамъ, гдѣ теперь „Аркадія“.

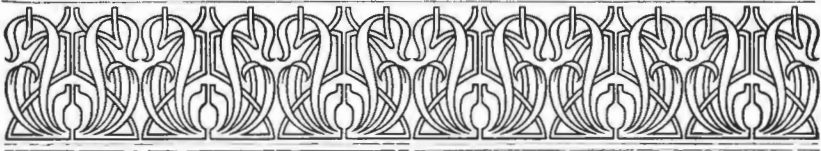
98 Излерь и „Минеральныя Воды“ въ 1849 году.

„Въ тѣ дни, когда мы въ страхѣ трепетали
„И грозный бичъ тревожилъ всѣ умы.
„Въ твоихъ садахъ мы весело гуляли..
„Ты помнишь ли? Но не забудемъ мы!

Петербургское общество охотно посѣщало „Минерашки“, кушало вафли, приготовляемыя какою-то голландкою Гебгардтъ, и увлекалось цыганами. Представители „золотой“ молодежи вступали даже въ бракъ съ очаровательными цыганками.

Сообщилъ **В. А. Бернацкій.**

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско - нѣмецкой войны ¹⁾).

13 октября. Извѣстія болѣе утѣшительныя: въ Трансильваніи румынскимъ войскамъ удалось остановить натискъ превосходныхъ силъ противника, и въ Добруджѣ натискъ противника нѣсколько ослабѣлъ.

Французы у Вердена прорвали фронтъ германцевъ на 7 километровъ по фронту и на 3 километра въ глубину и взяли 3.500 плѣнныхъ а также знаменитый фортъ Дуомонъ. Англичане также продвинулись впередъ и укрѣпились.

Гаагскій корреспондентъ стокгольмской газеты „Sven. Dag.“ рассказываетъ объ инцидентѣ, на-дняхъ разыгравшемся съ первенцемъ императора Вильгельма въ окрестностяхъ потсдамскаго дворца. Послѣ объѣзда восточнаго фронта, гдѣ престолонаслѣдникъ посѣтилъ: Либаву, Митаву, Вильну и Ковель, германскій кронпринцъ, прежде, чѣмъ возвратиться въ свою штаб-квартиру на западномъ фронтѣ—въ Метцъ, для свиданія съ супругой, остановился на нѣсколько дней въ Потсдамѣ. Здѣсь престолонаслѣдникъ съ кронпринцессой Цессиліей совершалъ по утрамъ утреннія прогулки на автомобиль, заѣжая то въ ту, то въ другую усадьбу побесѣдовать съ поселянами. Въ одну изъ такихъ побѣздокъ автомобиль кронпринца и его супруги остановился у усадьбы нѣкоей Ульманъ. Не успѣлъ кронпринцъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1917 г.

соскочить съ подножки автомобиля и открыть дверцу, чтобы помочь своей супругѣ сойти на землю, какъ на порогъ усадьбы выскочила немолодая простоволосая женщина (какъ оказалось, вдова усадьбовладѣльца Ульмана, съ двумя сыновьями въ эту войну убитого подъ Верденомъ) и съ крикомъ:

— Вонъ, вонъ, Верденскій убійца!..

упала на землю и въ припадкѣ, съ пѣною у рта, стала кататься у ногъ ошеломленныхъ высокихъ гостей. Престола-наслѣдникъ не зналъ, что предпринять, съ кронпринцессой сдѣлалось дурно. Въ это время на крыльцо выскочили двѣ молодыя женщины—невѣстки старухи Ульманъ—и втащили обезумѣвшую свекровь въ домъ. Кое-какъ успокоивъ супругу, кронпринцъ усѣлся въ автомобиль и умчался въ Потсдамы. Въ тотъ же день военная цензура особымъ распоряженіемъ въ редакціи берлинскихъ газетъ воспретила оглашеніе этого инцидента. Однако, о случаѣ съ кронпринцемъ узнали корреспонденты иностранныхъ газетъ, и въ одномъ изъ гаагскихъ изданій вскорѣ была напечатана спеціальная телеграмма изъ Берлина, съ изложеніемъ происшествія ¹⁾.

Принцъ Генрихъ прусскій назначенъ главнокомандующимъ германскимъ флотомъ, и кайзеръ торжественно заявилъ, что пострадавшія суда въ битвѣ у Скагерака исправлены, и погибшія замѣнены новыми, и что германскій флотъ опять готовъ напасть на англійскій.

Германскій офицеръ, потопившій „Лузитанію“ лейтенантъ, командиръ Максъ Валентинеръ, сынъ высшаго духовнаго лица въ Зонденбургѣ. Когда „Лузитанія попала“ въ районъ его обстрѣла, то онъ выпустилъ мину и хотя убѣдился, что она попала въ цѣль и пароходъ получилъ смертельное поврежденіе, онъ все-таки выпустилъ вторую мину для того, чтобы ускорить гибель судна. За одно изъ самыхъ страшныхъ убійствъ въ исторіи цивилизованнаго міра кайзеръ наградилъ Валентинера желѣзнымъ крестомъ.

---

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ № 15854—1916 г.

На юго-западномъ фронтѣ:

За послѣднее время были неоднократные случаи, что нѣмцы оставляли электрическіе фонари, которые при употребленіи оказывались маленькими адскими машинами и взрывались съ сильнымъ разрушительнымъ дѣйствіемъ.

Г. Ренниковъ ¹⁾ приводитъ рядъ интересныхъ разсказовъ, во время своего небольшого путешествія по Бѣлому морю и его берегамъ.

У Чесской губы, существуетъ село Пеша. Оно отрѣзано отъ міра лѣтомъ и можетъ сообщаться съ губерніей только зимою. Здѣсь давно женщины достигли того, о чемъ мечтаетъ у насъ г-жа Шабанова. Ходятъ онѣ въ мужскомъ костюмѣ, стригутъ волосы, ведутъ самостоятельно безъ мужчинъ свое хозяйство, а если почувствуютъ къ кому-нибудь нѣжное чувство, то идутъ навстрѣчу этому чувству безъ всякихъ формальностей, пока не надоѣстъ. Дѣти здѣсь у той и у другой стороны—общія, при чемъ дѣлятся этими дѣтьми полюбовно, безъ консисторіи и окружнаго суда.

А европейская культура тутъ прививается, понятно, трудно. Взять хотя бы свиней, которыхъ на рѣкѣ Мезени пробовалъ развести одинъ изъ лѣсничихъ. Привезъ этихъ свиней лѣсничій въ село Койнасъ въ мѣшкѣ и случайно не досмотрѣлъ: свиньи разбѣжались. Въ Койнасѣ поднялась паника. Не издавшіе никогда свиней, койнасцы сначала попрятались по избамъ, а потомъ отправили къ лѣсничему депутацію: пусть, молъ, сдѣлаетъ клѣтку и запретъ своимъ зѣбрей, иначе придется стрѣлять въ нихъ. Съ трудомъ лѣсничему удалось убѣдить койнасцевъ, что свиньи полезныя домашнія животныя, что такія культурныя европейскія страны, какъ, напримѣръ, Германія, почти цѣликомъ выросли на свиньяхъ, и что въ послѣднее время не столько собака, сколько свинья стала истиннымъ другомъ человѣка.

Интересный случай, какого не встрѣчалъ никогда въ жизни, пришлось наблюдать здѣсь въ кандалакской церкви. Отслуживъ молебенъ, епископъ Наеванаилъ вступилъ съ крестьянами въ бесѣду относительно ихъ

¹⁾ „Нов. Вр.“ 13 окт. 1916 г.

нуждѣ и наболѣвшихъ вопросовъ. И вотъ крестьяне начинаютъ жаловаться на своего священника о. Павла, который случайно въ эти дни былъ въ отъѣздѣ.

— Ужъ уговорите его, ваше преосвященство! Такъ нельзя. Это не годится.

— Что такое, о чемъ вы?

— Да все объ о. Павлѣ, ваше преосвященство. Не беретъ денегъ съ насъ о. Павлець ни копѣйки. Развѣ это порядокъ?

— Вѣрно, вѣрно,—раздается хоромъ.—Что же за порядокъ: батюшка, а денегъ не принимаетъ!

— Мы его уже просили, ваше преосвященство. Пусть назначить, сколько за что. Или смотря по бѣдности, съ каждаго сколько каждый можетъ. Ничего слушать не хочетъ. Видимъ мы, какъ ему трудно-то съ семьей. И живетъ тѣсно и бѣдно. А хоть бы что! Самъ рыбки наловить— и питается.

— Ну, вы бы ему добровольными приношеніями помогали,—совѣтуетъ преосвященный.—Кто рыбы, кто хлѣба.

— Не беретъ, ваше преосвященство! Заставить его нужно. Святой очень онъ у насъ!

Наанаилъ задумывается. Такой рѣдкій казусъ не легко рѣшить въ епархіальной практикѣ.

— Не могу ничего сдѣлать, дѣти мои,—говоритъ наконецъ преосвященный.—Если не хочеть брать, то это его воля, заставлять не могу. А вы ему домъ постройте, помогайте трудомъ, облегчите жизнь. И ведите себя такъ, чтобы радовать его своимъ поведеніемъ, что и будетъ вознаграженіемъ.

— Ужъ мы стараемся, ваше преосвященство!

— Мы его уважаемъ и любимъ, можно сказать, очень!

14 октября. Румыны въ Трансильваніи стали устойчивѣй, а въ Добруджѣ наши и румыны отходятъ къ сѣверу отъ линій Гирсово—Кастапъ Кіюй.

Борющійся противъ державъ согласія германскій волкъ, хотя давно уже прекратилъ попытки къ большимъ наступленіямъ, тѣмъ не менѣе постоянно старается производить впечатлѣніе готовности къ наступательнымъ операціямъ. Съ этой цѣлью на всѣхъ фронтахъ въ угрожаемыхъ участкахъ сосредоточиваются соотвѣтственно крупныя силы. Наибольшей плотности расположеніе непріятеля достигаетъ на французскомъ фронтѣ. Тамъ, на протяженіи 600 верстъ, собрано приблизительно 125 дивизій.

Слѣдующій по плотности фронтъ—это нашъ. Здѣсь одна германская дивизія приходится на 10 верстъ, и всего, слѣдовательно, на протяженіи 1.300 верстъ сосредоточено около 130 дивизій. На итальянскомъ фронтѣ 30 дивизій приходится на 450 верстъ, или одна дивизія на 15 верстъ. Далѣе, въ Трансильваніи и на македоно-албанскомъ фронтахъ 16—18 дивизій занимаютъ протяженіе въ 550—600 верстъ, что составляетъ въ среднемъ одну дивизію на 35 верстъ.

Исходя изъ приведенныхъ данныхъ, можно считать, что на европейскихъ фронтахъ и на Балканахъ противникъ имѣеть всего около 340—345 дивизій. Изъ нихъ 230 германскихъ, 85 австро-венгерскихъ, 19—20 болгарскихъ и отъ 5 до 6 турецкихъ. Такъ какъ дивизія состоитъ въ среднемъ изъ 15.000 человекъ, то въ общемъ у германцевъ имѣется здѣсь около пяти милліоновъ бойцовъ. Въ этомъ числѣ нужно считать кавалерію и артиллерію.

Изъ приведеннаго числа дивизій около 10—15 дивизій находятся во внутреннемъ резервѣ. Затѣмъ въ Азіатской Турціи, въ предѣлахъ Босфора, Дарданеллъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ оперируетъ около 45 дивизій. Такимъ образомъ, общую численность непріятельскихъ войскъ можно считать приблизительно въ шесть милліоновъ.

Войска эти распределены слѣдующимъ образомъ: на французскомъ фронтѣ около 1.800.000, на русскомъ—2.000.000, на итальянскомъ—450.000, въ Трансильваніи—250.000, въ Добруджѣ—150.000, на македоно-албанскомъ фронтѣ 250.000 и, наконецъ, внутреннихъ резервовъ около 150—200.000.

Г. Лагофеть въ „Развѣдчикъ“¹⁾ приводитъ такія картинки съ фронта:

Въ одномъ изъ блиндажей, изъ котораго только-что выбили германцевъ, собирается значительное число стрѣлковъ, толпящихся около входа и входящихъ внутрь помѣщенія. Характерный запахъ спирта разносится по воздуху. Вся эта группа тотчасъ же привлекаетъ къ себѣ вниманіе командира роты, уже находящагося далеко впереди.

— Подпрапорщикъ, узнайте, что тамъ такое, и гоните этихъ ротозѣевъ сюда,—кричитъ онъ пожилому фельдфебелю, который уже и самъ, замѣтивъ что-то неладное, бѣжитъ къ блиндажу.

¹⁾ „Развѣдчикъ“ № 1352—1916 г.

Черезъ нѣкоторое время изъ блиндажа слышится сердитый голосъ подпрапорщика, и оттуда къ ротному командиру подбѣгаетъ посланный съ докладомъ.

— Рому бочку нашли и всякихъ иныхъ напитковъ... Простятъ разрѣшить по стаканчику выпить... съ устатку... подпрапорщикъ спрашиваютъ, какъ прикажете.

Поручикъ, разомъ уяснивъ себѣ mogućia бытъ послѣдствія, отрывисто, но вполне твердо отдаетъ приказаніе:

— Бочку разбить и все на землю вылить, бутылки же перебить... и поджечь все сейчасъ же.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ блиндажа поднимается свѣтлый дымокъ, а стрѣлки съ видомъ разочарованія бѣгутъ къ своей ротѣ, подгоняемые крѣпкимъ словомъ подпрапорщика.

— Это уже не первая находка,—разсказываетъ ротный командиръ.—Теперь у нѣмцевъ и австрійцевъ повидимому ввели правило при отходѣ и оставленіи окоповъ обязательно оставлять въ нихъ большіе запасы спиртныхъ напитковъ; очевидно, они рассчитываютъ, что атакующіе, найдя ромъ и вино, сейчасъ же начнутъ его пить и, напившись, сдѣлаются совершенно негодными къ бою, вслѣдствіе чего ихъ и легко будетъ выбить изъ занятыхъ ими окоповъ или же еще легче уйти отъ преслѣдованія.

Почти во всѣхъ непріятельскихъ окопахъ приходится находить и уничтожать массу вина!

Испуганныя выстрѣлами, всѣ птицы по-одиночкѣ летятъ назадъ, и лишь собравшись въ огромныя стаи, по направленію боя летятъ воронье, оглашая поля своимъ зловѣщимъ крикомъ.

— У, погань, кровь чуютъ,—сердито бросаетъ пожилой вахмистръ, видя, какъ почти изъ подъ ногъ лошадей поднимается воронья стая.

— И какъ только они узнаютъ, гдѣ бой идетъ, прямо какъ будто и они приказъ читаютъ. Въ обыкновенное время ихъ нигдѣ не видать, а чуть начнется наступленіе, сейчасъ же ихъ цѣлыя тучи появляются не иначе, какъ другъ другу вѣсть даютъ...

Грабежи мародеровъ тыла достигли крайнихъ предѣловъ дальше которыхъ идти нельзя. Конечно, самый большой вопросъ для каждаго изъ насъ это вопросъ о хлѣбѣ насущномъ и въ какомъ же онъ положеніи находится?

До войны Россія кормила хлѣбомъ всю Европу при ежегодномъ вывозѣ хлѣба болѣе миллиарда пудовъ. Съ начала войны вывозъ хлѣба прекратился, запасы его остались внутри страны, и затѣмъ произошло ужасающее для Россіи явленіе: хлѣба якобы стало мало, хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ, и его стали продавать испеченымъ ужасающаго качества. Для того чтобы получить этотъ жалкій хлѣбъ, даже въ столицѣ Имперіи, въ Петроградѣ теперь, передъ булочными стоятъ длинные хвосты обывателей. Въ августѣ въ Москвѣ мало было чернаго хлѣба. Невольно возникаетъ вопросъ, гдѣ скрыты миллиарды пудовъ хлѣба? На хлѣбныя зерна установили недавно твердыя цѣны, по которымъ его мало продаютъ. Для муки твердыхъ цѣнъ нѣтъ. Какъ ни распинаются отдѣльные лица улучшить невозможное положеніе, изъ этого пока еще ничего не выходитъ.

Свѣдущіе люди говорятъ, что нынѣшній урожай, лучше прошлаго года, что хлѣбные запасы хранятся въ амбарахъ господъ мукомоловъ, хлѣботорговцевъ и биржевиковъ, т. е. въ ихъ хлѣбныхъ амбарахъ запасы зерна исчисляются въ миллиардъ пудовъ. Мукомолы покупаютъ мѣшокъ за 10 и 11 рублей, продаютъ его за цѣны 25, 27, 30 и 35 рублей. Они скупили хлѣбъ по дешевымъ цѣнамъ и держатъ его въ своихъ пакостныхъ рукахъ, что же надо дѣлать съ этими позорными людьми, имя коимъ мукомолы, хлѣботорговцы и биржевики. Съ нихъ надо начать прекращеніе вакханаліи мародерства тыла. Ихъ запасы надлежитъ реквизировать, необходимо отказаться отъ денежныхъ штрафовъ.

Надо судить ихъ военнымъ судомъ — тюрьма, арестантскія роты и висѣлица должны быть карами этихъ позорныхъ людей.

Нельзя медлить въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ обезпеченіе населенія продовольственными и другими запасами.

Трудно представить болѣе дикое явленіе: урожай, слава Богу, лучше прошлаго года. Запасовъ зерна миллиардъ пудовъ. Хлѣбъ отвратительнаго качества и его обывателю можно купить, простоявъ 4 часа въ длинномъ хвостѣ.

Пишутъ, министерство земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ оспариваютъ другъ у друга верховодительство по продовольственному дѣлу.

Полный позоръ для правительства: вмѣсто объединенія кабинета министры дѣйствуютъ враждебно другъ противъ друга и противъ Россіи.

Министръ путей сообщенія вѣщаетъ, что у него много вагоновъ стоятъ пустыми. Изъ одной губерніи въ другую не пропускаютъ припасовъ. Только министерство народнаго довѣрія можетъ спасти Россію отъ продовольственнаго краха.

15—18 октября. Приходится слышать мнѣніе, что видную роль въ устройствѣ довольствія страны надо возложить на частныя банки, т. е. на тѣ учрежденія, которыя въ дѣлѣ продовольствія имперіи внесли такую разруху.

Германскія подводныя лодки блокируютъ побережье Норвегіи и топятъ норвежскіе пароходы.

Собираются думскіе депутаты, происходятъ засѣданія бюро прогрессивнаго блока. Обсуждался продовольственный вопросъ. Заключение по этому вопросу предложено внести въ бюджетную комиссію Государственной Думы. Составленіе заключенія предложено выработать П. Н. Милюкову и В. В. Шульгину.

Во французскомъ лагерѣ при Майи устроень для нашихъ войскъ православный храмъ. Зданіе для православной церкви построено въ видѣ полевого барака, изящно отдѣланнаго, съ водруженными надъ нимъ православнаго образца крестами. Въ моментъ прибытія русскихъ войскъ стѣны зданія расписывались въ русскомъ стилѣ. Отдѣлку церкви закончили французскіе художники, пользуясь указаніями прибывшихъ съ войсками православныхъ русскихъ священниковъ. Французскими же художниками былъ прекрасно написанъ православный иконостасъ.

Богослуженія въ этомъ храмѣ стали совершаться неопустительно въ праздничные и воскресные дни, и въ будни—сообразно обстоятельствамъ или требованіямъ церковнаго устава.

Православный храмъ въ военномъ лагерѣ сталъ предметомъ глубокаго и трогательнаго вниманія со стороны всѣхъ, кто посѣщаль лагерь. Первымъ почетнымъ гостемъ храма былъ генераль Гуро, герой, котораго боготворить вся Франція. Въ составъ войскъ, находящихся подъ его командой, вошли и русскія войска.

Генераль Гуро извѣстенъ во всей Франціи какъ человѣкъ искренно и глубоко вѣрующій. При посѣщеніи лагеря русскихъ

войскъ онъ выразилъ желаніе непремѣнно быть въ русской церкви.

Православные военные священники отдали должное имени героя и его душевному настроенію.

Въ епитрахили съ крестомъ въ рукахъ, священникъ привѣтствовалъ Гуро слѣдующими словами:

„Ваше превосходительство. Русскія войска, только-что представлявшіяся вамъ, знаютъ о вашей доблести и чисто христіанскомъ мужествѣ въ борьбѣ со злымъ и хитрымъ врагомъ вѣры Христовой. Въ нашемъ лицѣ они молятъ Господа Бога о ниспосланіи вамъ благодатной помощи въ предстоящихъ вамъ боевыхъ трудахъ и какъ военачальнику и какъ одному изъ лучшихъ солдатъ славной французской арміи. Да благословитъ васъ Богъ“.

При послѣднихъ словахъ священникъ осянилъ генерала Гуро крестомъ, а генералъ подошелъ къ священнику и благоговѣнно приложился къ кресту. Затѣмъ онъ, въ свою очередь, отвѣтилъ кратко, но опредѣленно и съ выраженіемъ глубокой убѣжденности сказалъ, что „войска, воодушевленные вѣрой въ Бога, непремѣнно достигнутъ побѣды“.

Въ сопровожденіи священниковъ Гуро осмотрѣлъ весь храмъ, весьма внимательно отнесся къ объясненіямъ объ устройствѣ храма и съ большимъ интересомъ разсматривалъ образа Иверской иконы Божіей Матери, архистратига Михаила, Александра Невскаго и выслушалъ краткую исторію образовъ и отношенія къ нимъ православнаго вѣрующаго міра.

Поблагодаривъ духовенство, Гуро отбылъ изъ церкви для дальнѣйшаго осмотра лагеря. Это было 2 мая.

13 мая лагерь посѣтилъ президентъ Французской республики Пуанкарэ и также счелъ своимъ долгомъ быть въ русской церкви.

Какъ и генерала Гуро, президента священникъ привѣтствовалъ рѣчью и осянилъ крестомъ.

Пуанкарэ благодарилъ за привѣтъ и сказалъ, что всюду, гдѣ бы ни были русскія войска, Франція позаботится о томъ, чтобы дать имъ возможность молиться по ихъ культу.

Послѣ этого президенту республики былъ показанъ храмъ и даны объясненія относительно его устройства.

Въ Кіевѣ арестованы, по распоряженію военныхъ властей, сахарозаводчики И. Б. Бабушкинъ и Ю. Гепнеръ.

Арестъ былъ произведенъ въ ночь на 13-е октября, по предписанію высшихъ военныхъ властей, распорядившихся произвести у И. Б. Бабушкина и Ю. Г. Гепнера обыскъ и, независимо отъ результатовъ его, подвергнуть обоимъ сахарозаводчиковъ аресту.

Въ производствѣ обысковъ и арестовъ принимали участіе чины полиціи.

Одновременно съ Ю. Г. Гепнеромъ арестованъ и его братъ, завѣдывающій его сахарной конторой, П. Г. Гепнеръ.

Арестованные И. Б. Бабушкинъ, Ю. Г. Гепнеръ и П. Г. Гепнеръ ночью же подъ усиленнымъ конвоемъ были переведены въ Лукьяновскую тюрьму.

Аресты Бабушкина и Гепнера произвели ошеломляющее впечатлѣніе на кievскихъ сахарозаводчиковъ и вызвали въ городѣ сенсацію ¹⁾.

19—20 октября. Въ иностранныхъ газетахъ сообщаютъ довольно опредѣленно, что Гинденбургъ, передъ принятіемъ главнаго командованія, поставилъ кайзеру непремѣнное условіе—полную самостоятельность дѣйствій, и Вильгельмъ на это согласился.

Въ Харьковѣ на многолюдномъ совѣщаніи по вопросу о хлѣбной повинности, какъ передаетъ „Южный Край“, уполномоченный министерства земледѣлія по хлѣбнымъ заготовкамъ заявилъ, что въ то время, какъ наши русскіе города въ Харьковской губерніи—этой житницѣ Россіи, не могутъ получить ни куля хлѣба, въ Финляндію хлѣбъ вывозится въ громадномъ количествѣ и безирепятственно. Финляндскій сенатъ даетъ колоссальные наряды на вагоны, и всѣ мукомолы и спекулянты грузятъ муку для Финляндіи съ необычайной готовностью и успешностью. Что это значитъ?

Г. еньчковскій ²⁾ передаетъ, какъ трогательно заботливо относятся въ бою наши старые солдаты къ молодымъ:

— Только это я раздумываю, какъ слѣва, въ сосѣдней ротѣ, „ура“ грянуло, добрались, значитъ. Мои повскакали и

¹⁾ „Рус. Ст.“ № 239—1916 г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 20 окт. 1916 г.

впередъ, а этотъ желторотый, что есть духу впереди всѣхъ. Свищу, кричу, не тутъ-то было, удержишь ихъ саврасыхъ!

— „Онъ“—то оглядѣлъ, да на насъ тоже въ атаку. Вижу, дѣло не плохо, а съ умомъ его нужно дѣлать,—обойтить съ лѣваго флангу, гдѣ уже въ окопы наши ворвались, и дѣлу конецъ. Мой-то такъ и сдѣлалъ, лѣвѣе забираютъ, только малецъ въ сторонѣ остался и претъ впередъ.

— Ложись, бѣглымъ огнемъ ихъ окаянныхъ!—кричу. Прилегли и стали стрѣлять, малецъ тоже стрѣляетъ. „Они“ повернули и назадъ въ окопы, мы за ними. Малецъ же опять впередъ удираетъ, назадъ не обернется. Увидаль его этотъ самый нѣмчура, и къ нему. Смотри, смотри,—кричу,—стрѣляй.

— Ничего не выходитъ; бѣгутъ другъ на друга и, того гляди, штыками столкнутся. Побѣгъ его выручатъ, да пуля проклятая въ ногу попала, замѣшкался. Вижу, они совѣмъ рядомъ а мой штыкомъ промахнулся, другъ другомъ скачутъ.

— Ковыляю, а все бѣгу на выручку. Вижу, нѣмецъ изловчился, и моего баць въ бокъ штыкомъ. Тотъ кубаремъ далеко отлетѣлъ и поднимается, а нѣмчура къ нему.

— Что ты нехристь, ты окаянный, не вишь: дите передъ тобою!—ору что есть мочи и наперерѣзь къ нему.

— Нѣмчура ужъ штыкъ занесъ, чтобы мальчика приколоть, да тутъ я самъ подоспѣлъ и его въ брюхо важно прикололъ. Свалился и встать не можетъ. Огдышался я, ногу перевязалъ, мальцу бокъ посмотрѣлъ, рана малая, больше ушибъ его нѣмецъ. А нѣмчура лежитъ и охаетъ, кровь изъ брюха брызжетъ. Даль онъ мнѣ свою перевязку и по-евону просить помочь.

— Что-жъ думаю, тоже Божья душа, грѣхъ обидѣтъ и не помирать же ему изъ-за такой малости. Перевязалъ его, пойдемъ, говорю. Не можетъ; самъ сѣсть не умѣетъ. Ну, подняли и понесли. Винтовку его ему въ руку сунулъ, и кулакомъ пригрозилъ, чтобъ не потерялъ.

— Такъ четыре версты несли, разъ тридцать отдыхали.

— А наши ихія позиціи все-таки забрали, баютъ, что нѣмцы какъ овцы удираютъ!

— Ахъ, малецъ, малецъ, попуталъ ты меня, не въ жисть бы въ сей разъ меня не ранило.

Противно слушать извѣстія, что компанія державъ согласія улучшила свои отношенія къ рабу кайзера и его сестры—Константину Греческому. Какъ дважды два четыре видно, что толку

изъ этого улучшенія не будетъ никакого. Передаютъ, что на первомъ планѣ поддерживаются династическіе интересы.

По распоряженію военныхъ властей, въ ночь на 17-е октября арестованъ прибывшій въ Петроградъ директоръ кievскаго отдѣленія Русскаго для внѣшней торговли банка директоръ-распорядитель Александровскаго и Корюковскаго товариществъ сахарныхъ заводовъ, директоръ Кіевскаго страхового общества „Саламандра“ и директоръ ряда другихъ крупныхъ предприятий А. Ю. Добрый ¹⁾.

Недавно Жоффри приказомъ по арміи рекомендовалъ книгу капитана Андре Лафарга „Ученіе объ атакѣ“. Въ этой книгѣ авторъ придаетъ громадное значеніе равенію солдатъ во время атакъ. Самые трусливые, если имъ внушалось, что они должны идти въ ровной линіи съ остальными товарищами, оказывались храбрецами. Для атакующихъ массъ самымъ бодрительнымъ окликомъ было: „Равняйтесь“. Опытъ послѣднихъ мѣсяцевъ, примененный во второй французской арміи, показалъ, что этотъ методъ приноситъ великолѣпные результаты. Солдаты идутъ въ атаку, какъ на парадѣ, и быстро выполняютъ данное имъ заданіе.

Секретъ этотъ уже давно разгаданъ нашимъ Драгомировымъ въ его поученіяхъ „равненіе по переднимъ“.

Разсказываютъ, что въ большихъ и малыхъ аптекарскихъ магазинахъ снова появились свѣжаго розлива карлсбадскія воды, одно время исчезнувшія съ рынка, маріенбадскія редуціонныя пилюли Шиндлеръ-Барная продаютъ у насъ теперь даже по обыкновенной цѣнѣ, регулинъ, валидолъ, бониваль и прочіе продукты знаменитой фирмы Бауера можно найти во множествѣ петроградскихъ аптекарскихъ складовъ. Все это находитъ сбытъ и какой! Берутъ съ бою, только дайте!

21—23 октября. Желая отвлечь наше вниманіе отъ поддержки Румыніи, германцы въ нѣкоторыхъ частяхъ галиційскаго фронта ведутъ отчаянныя атаки на наши передовые окопы, поддерживая атаку ураганнымъ огнемъ артиллеріи.

Дипломатія согласія все улучшаетъ свое положеніе къ королю Константину, а король Константинъ, разумѣется, остается

¹⁾ „Рус. Сл.“ 1916 г. № 240.

отчаяннымъ нѣмцелюбомъ. Политика идетъ однимъ путемъ, а жизнь другимъ, сегодня извѣстія изъ Аѳинъ сообщаютъ: въ виду новыхъ манифестацій противъ союзниковъ въ Аѳинахъ, адмиралъ Фурне высадилъ французскихъ моряковъ, которые и заняли городской театръ.

Священникъ Александръ Агешикъ ¹⁾ описываетъ трогательныя сцены на перевязочномъ пунктѣ. Раненыхъ быстро общими силами сортируютъ. Среди лежащихъ на телѣгахъ есть уже умершіе по пути—ихъ относятъ за палатку, покрывая сверху ихъ окровавленными шинелями, есть настолько тяжелые, что не подають никакихъ признаковъ жизни—такихъ стараются въ первую голову взять на перевязку. Тяжелыхъ раненыхъ—въ животъ, грудь и голову съ раздробленіемъ костей относятъ на носилкахъ въ одну палатку, легкихъ направляютъ или несутъ въ другую, а тѣхъ, кто можетъ самостоятельно двигаться, располагаютъ на разостланной соломѣ подъ деревьями, такъ какъ въ палаткахъ не хватаетъ мѣста для всѣхъ. А раненые все прибываютъ. Молчатъ, стиснувъ зубы отъ нестерпимой боли, но когда приходится поднимать страдальцевъ съ телѣгъ, класть на носилки, нести въ палатки, и ихъ нечеловѣческое терпѣніе истощается. Кричатъ, молятъ.

— Осторожнѣй, потише, ради Бога, братцы, полегче, ой, не выдержу! Докторъ, скорѣе отрѣжьте ногу или что сдѣлайте, не могу терпѣть.

— Полно, братъ, чего раскись, рана пустячная, черезъ мѣсяцъ хоть танцевать иди, — ободряетъ, какъ можетъ, фельдшеръ растянувшася во всю длину телѣги молодца-развѣдчика съ двумя георгіевскими крестами на богатырской груди.

— Ой, яки тамъ танцы; у мене живеть пробитый и кишки лѣзутъ; батюшка, попросите, чтобы скорѣе перевязали, а то не выдержу.

Раненыхъ въ животъ мучить страшная жажда, они просятъ, молятъ глотокъ воды и непременно холодной. Мало не дать воды, надо объяснить, что этотъ глотокъ воды можетъ поубить его.

— Хоть одну каплю, батюшка, горло давить, не выдержу.

Вытираешь ротъ мокрымъ полотенцемъ, смачиваешь языкъ нѣсколькими каплями церковнаго вина, и сколько благодарности въ этихъ лихорадочно блестящихъ глазахъ!

---

¹⁾ „Н. В.“ 1916 г. № 45912.

Вотъ гдѣ видны ужасы войны, не тамъ на боевой линіи, гдѣ черезъ упавшихъ однихъ бѣгутъ другіе бодрые и сильные, гдѣ надъ стонами первыхъ берутъ [верхъ побѣдныя клики вторыхъ, а здѣсь, на этой Голгоѣ русскаго народа. Здѣсь можно увидѣть много поваго и важнаго въ великой душѣ русскаго человѣка и прежде всего его необычайное, святое терпѣніе. Вотъ бравый развѣдчикъ съ зеленой каймой на залитой кровью гимнастеркѣ. Черезъ сбившуюся повязку изъ широкой раны на животѣ видно что-то красное—сальникъ, а онъ, герой, рассказываетъ мнѣ о своихъ подвигахъ, за которые получилъ два Георгія, проситъ послѣ смерти его отослать ихъ въ родное село Смоленской губ., „на память родителямъ и всему селу“, проситъ передать имъ низкій поклонъ и поставить свѣчку „за мою душу“.

Типичный малороссъ-полтавецъ съ пробитой грудью, съ трудомъ дыша, проситъ „дать сновідъ“ и прерывающимся голосомъ рассказываетъ о своей семьѣ. Жена и 5 человѣкъ дѣтей. Живутъ въ чужой хатѣ. Передъ войной купилъ „плацъ“, еще остался долженъ за него сто рублей, хотѣлъ построить свою хату:

— Напишите, батюшка, что я раненъ, но не тяжело, а тамъ, Богъ дастъ, вернусь, хоть калѣкой какъ-нибудь справлюсь—и долгъ выплачу и хату „збудную“.

Нервы не выдерживаютъ, хочется закрыть лицо руками и рыдать. Но надо быть спокойнымъ.

— Батюшка, скажите—я скоро умру?

— Да что ты голубчикъ, у тебя переломъ ноги. Если даже придется отнять, то и то еще не послѣднее дѣло. Теперь прекрасно пристраиваютъ и бесплатно искусственные ноги—будешь ходить.

— Ну, какая бы нога ни была, все не то, что своя родимая.

— Батюшка—нельзя ли, чтобы скорѣй на перевязку... Пить, пить... Подняться мнѣ нужно!

Скоро становлюсь знакомымъ со всей палатой. Подходы къ живой душѣ открыты, раненые немного успокоились—можно приступить и къ исполненію чисто пастырскаго долга.

— Братцы, вы тяжело ранены, помолимся съ вами, призовемъ Господа, чтобы Онъ далъ вамъ силу перенести ваши тяжкія страданія. Желающіе могутъ поисповѣдываться и причаститься. Кто хочетъ принять Святыя Тайны во исцѣленіе души и тѣла?

— Я, батюшка, я хочу, меня причастите,—слышится со всѣхъ сторонъ. Просятъ почти всѣ страдальцы, ждуть, ищутъ помощи свыше.

Въ углу палатки лежитъ рослый, крѣпкій татаринъ-кавалеристъ, съ типичнымъ скуластымъ лицомъ и узкими глазами. У бѣдняги прострѣлена грудь, очевидно, задѣты легкія—съ трудомъ дышать.

— Батюшка, ты и меня причасти, пожалоста не откажи, Богу за тебя молиться буду.

— Но ты вѣдь, голубчикъ, татаринъ, тебя нельзя причастить.

— Я хочу быть христіанинъ, только пожалоста не откажи.

— Послѣ, послѣ поговорю съ тобой.

Закинувъ за голову руки лежитъ, стиснувъ зубы, молодой развѣдчикъ. На лицѣ не только страданіе, но и какое-то злостное отчаяніе. Раненъ въ животъ—ненадежный, но на вопросъ мой, обращенный ко всѣмъ, молчить.

— Тебѣ бы, голубчикъ, тоже нужно причаститься—рана у тебя тяжелая, попросимъ помощи у Господа.

— Нѣтъ, не надо,—отчеканиваетъ онъ,—спасибо вамъ, батюшка, но не надо—мнѣ ужъ все равно, ничто мнѣ не поможетъ, чувствую, что что-то сидитъ у меня вотъ тутъ. Попрошите, чтобы скорѣй меня перевязали.

— Хорошо, попрошу, но ты не волнуйся, успокойся, прибодрись. Если будешь унывать духомъ, хуже тебѣ будетъ. Крѣпись, тогда и перевязку перенесешь легче, осколокъ извлекутъ, можетъ быть, Богъ дастъ тебѣ силу подняться. А я что могу, то радъ тебѣ сдѣлать для твоего облегченія. Какъ звать тебя, откуда ты?

Доброволецъ изъ Вятской губ. Василій Воронинъ, два брата на войнѣ, дважды былъ раненъ, на груди двѣ георгіевскія медали, дома старики родители, зажиточные люди. Изъ глазъ вдругъ брызнули спасительныя слезы, исчезло злобное выраженіе лица, оно стало доброе, наивно-довѣрчивое, какъ у ребенка, и весь онъ сталъ ласковый, мягкій, какъ воскъ.

— Батюшка, неужели я умру? Ну, все равно не даромъ: билъ я нѣмцевъ здорово, ненавижу ихъ. О, много я ихъ выбилъ, и если бы Богъ далъ подняться, я бы имъ еще показалъ себя. Неужели я умру?

— Нѣтъ, не умрешь, встанешь, въ тебѣ такъ много еще силы. Только не падай духомъ, проси помощи у Бога.

— И причащающіеся и не причащающіеся всѣ помолимся усердно Господу Богу, чтобы далъ вамъ Онъ силы Своей и облегчилъ ваши тяжкія страданія.

Палата стихаетъ. Только слышенъ шопотъ напряженной молитвы и глухіе стоны страдальца, лежащаго въ безсознательномъ состояніи съ разбитой головой.

Сколько трогательныхъ просьбъ, порученій на исповѣди, какая удивительная простота въ тотъ страшный моментъ, когда страдалецъ послѣднимъ прощальнымъ взглядомъ окидываетъ свою земную многотрудную жизнь и передъ нимъ приподнимается завѣса жизни вѣчной. Тайна ея открывается этимъ страдальцамъ въ самомъ страданіи ихъ, оттого они такъ спокойны, они уже больше живутъ тамъ, чѣмъ здѣсь, на этихъ окровавленныхъ тюфякахъ, гдѣ болитъ и стонетъ ихъ израненное тѣло. Громко, внятно повторяютъ всѣ слова молитвы передъ причастіемъ— „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“, благоговѣйно причащаются Святыхъ Тайнъ и какъ-то сразу примиряются со всѣмъ, успокаиваются.

— Покорнѣйше благодаримъ васъ, батюшка, что потрудились, много лѣтъ вамъ священствовать.

Подхожу къ Татарину, который еще настойчивѣе просить причастить и его. Оказывается, умѣетъ креститься, знаетъ „Отче нашъ“ и „Спаси, Господи“. Послѣ бесѣды крещу его скорымъ чиномъ и причащаю новопросвѣщеннаго Николая (Святыхъ Тайнъ).

Иду въ другую палатку, въ садъ, гдѣ тоже стали класть тяжело раненыхъ за неимѣніемъ мѣста въ палаткахъ. Благо что вечеръ, ясный, теплый. Среди раненыхъ много нѣмцевъ, захваченныхъ въ окопахъ при наступленіи.

А въ перевязочной палаткѣ кипитъ работа. Перевязочныхъ столовъ только пять, поэтому многихъ перевязываютъ въ сидячемъ положеніи. Тутъ же молодой хирургъ производитъ необходимыя операціи, ампутируетъ безнадежно раздробленныя конечности, извлекаетъ изъ ранъ осколки. Надъ шумящимъ спиртовымъ стерилизаторомъ бѣлая фигура сестры милосердія, двѣ другія сестры помогаютъ у операціонныхъ столовъ. Трудная работа длится долго, до утра, да и то далеко не всѣ перевязаны. Мобилизованы всѣ медицинскія силы, даже ветеринарные врачи, но перевязываютъ и оперируютъ только шесть человекъ, а подвозятъ все новыхъ и новыхъ. Бой былъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ за всю кампанію. Устали всѣ смертельно, но менѣе всего усталость видима на сестрахъ.

— Бинтъ, ваты, пинцетъ, — отрывисто бросаетъ врачъ, но сестра и безъ словъ понимаетъ, что нужно. Быстро безмолвно дѣлаютъ онѣ свое дѣло. Врачи нѣсколько разъ выходятъ изъ

перевязочной передохнуть, а эти хрупкія созданія несутъ свое многотрудное дежурство безсмѣнно, онѣ не знаютъ усталости.

Изъ оперативной выносятъ на носилкахъ Василія Воронина. Радостное, счастливое лицо. Справляюсь о его здоровьѣ, но онъ ничего не отвѣчаетъ, только безмолвно цѣлуетъ мой наперсный крестъ, руки и за что-то горячо благодарить. Оказывается, у него извлекли изъ живота совершенно цѣлую діафрагму тяжелаго снаряда, желѣзный кружокъ въ четыре съ половиной дюйма въ діаметрѣ и полдюйма толщины. Какимъ-то чудомъ этотъ кружокъ, вѣсомъ не менѣе фунта, пробилъ только кожу на животѣ и тамъ застрялъ, не повредивъ даже брюшины. Поздравляю счастливца, радостно показывающаго всѣмъ „нѣмецкій блинъ“. Его относятъ въ палатку, и онъ скоро засыпаетъ спокойнымъ сномъ.

Поданъ транспортъ. Раненыхъ отправляютъ въ дивизионный лазаретъ. Всѣ рвутся ѣхать, всѣмъ поскорѣе хочется быть подальше отъ этого мѣста страданій, до котораго то и дѣло доносятся раскаты ночной артиллерійской перестрѣлки. Но прежде чѣмъ эвакуировать раненыхъ, необходимо ихъ подкормить; многіе цѣлыя сутки не ѣли, такъ какъ въ бою не до ѣды. Здѣсь на сцену выступаетъ приданный къ дивизионному перевязочному отряду передовой питательный пунктъ Краснаго Креста. Благодарственная придача. Значеніе ихъ огромно. Изголодавшася, усталаго до смерти, потерявшаго много крови отъ раненія солдата тамъ накормятъ горячимъ супомъ, напоятъ чаемъ, подкрѣпятъ его упавшія физическія силы. На питательныхъ пунктахъ работаютъ тоже сестры „питательницы“, работаютъ тяжело, такъ какъ хочется всѣхъ накормить, кого можно.

— Сестрица, устали, много накормили?

— Охъ, устала. Сколько накормили—не знаю, у насъ счетъ идетъ по выданнымъ порціямъ. Нѣкоторыя сѣдаютъ по двѣ порціи. Порцій за сутки выдано болѣе двухъ тысячъ.

На фронтѣ къ сожалѣнію входитъ въ моду судить и пересуживать сестеръ милосердія, критиковать ихъ и даже злословить на нихъ. Но чтобы правильно судить о сестрѣ милосердія, строгимъ судьямъ нужно наблюдать ее не тогда, когда она въ минуты досуга въ кружкахъ знакомыхъ заливается веселымъ смѣхомъ или катается верхомъ, а въ работѣ, среди страждущихъ и умирающихъ. Здѣсь сестра милосердія показываетъ себя такимъ героемъ, такой самоотверженной выносливой работницей, что предъ ней нельзя не преклониться.

Къ утру большинство тяжело рненыхъ перевязаны, многіе

переправлены въ лазареты, на перевязочномъ пунктѣ работаютъ лишь фельдшера, остальные изъ персонала тянутся къ своимъ палаткамъ, чтобъ забыться на нѣсколько часовъ тяжелымъ сномъ ¹⁾).

Французы захватили въ бою у Верлена 66 орудій, 144 пулемета и 6 тысячъ плѣнныхъ.

Разрѣшено допустить женщинъ съ образованіемъ не ниже средняго на занятіе должностей не выше VIII кл., съ правами государственной службы, въ министерствѣ путей сообщенія и въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія.

Германцы устраиваютъ своей тылъ: кладутъ съ помощью плѣнныхъ и жителей массу рельсовъ, чтобы возможно скорѣе перебросить войска съ мѣста на мѣсто.

Въ узлахъ дорогъ ставятъ резервныя группы войскъ, чтобы быстро перекатить ихъ съ одного мѣста на другое.

Пріѣхавшіе депутаты сообщаютъ ²⁾:

Астраханскій депутатъ С. И. Франгуловъ рассказываетъ о дороговизнѣ въ Астрахани:

— Уловъ рыбы небывалый, а цѣны на нее такія стоятъ, какія астраханцамъ и не снились. Сельдь копченая 60 к. штука, плетушка съ одной дюжиной тарани—5 р., тогда какъ обычная цѣна стояла 60—70 к. Къ свѣжей рыбѣ приступу нѣтъ, готовы сгноить половину, а по сходной цѣнѣ не продадутъ.

— Да какой же расчетъ гноить?—недоумѣваетъ депутатъ Хаустовъ.

— А очень простой: одну половину сгноить, а другую продасть втридорога, за отсутствіемъ продукта на рынкѣ.

— А какъ фрукты?

— Обиліе, но тоже дороговизна страшная. Вначалѣ, когда виноградъ былъ по 12—15 к. за фунтъ, нѣсколько богатыхъ торговцевъ купили весь и подняли цѣны до 60 коп.

— Въ Крыму,—сообщаетъ таврической депутатъ,—фруктами свиней кормили для того, чтобы создать искусственный недостатокъ ихъ и поднять цѣны.

---

¹⁾ „Н. В.“ 1916 г. № 14592.

²⁾ „Веч. Вр.“ 1916 г. № 1638.

Желая оправдать совершенно незаконный съ международнымъ правомъ наборъ войскъ въ Польшѣ, германскій кайзеръ обнародоваль чрезъ своего генераль-губернатора 23 сего октября слѣдующее воззваніе къ полякамъ:

„Сегодня германскимъ генераль-губернаторомъ въ Варшавѣ генераломъ фонъ-Безелеромъ объявляется населенію актъ, котормъ возвѣщается слѣдующее:

„Германскій императоръ и императоръ австрійскій и король Венгріи, основываясь на твердой увѣренности въ окончательной побѣдѣ ихъ оружія и вдохновляясь желаніемъ указать путь къ счастливой будущности польскимъ областямъ, которыя ихъ храбрыя арміи цѣною тяжелыхъ жертвъ отняли у русскаго государства, пришли къ соглашенію создать изъ этихъ областей самостоятельное государство подъ наслѣдственнымъ монархическимъ управленіемъ и съ конституціоннымъ устройствомъ.

Болѣе точное опредѣленіе границъ королевства Польскаго предполагается въ будущемъ.

Новое королевство, тѣсно прикнувъ къ обѣимъ союзнымъ державамъ, найдетъ въ этомъ тѣ гарантіи, которыя ему требуются для свободнаго развитія его силъ.

Вопросъ о потребности его въ собственной арміи будетъ рѣшенъ согласно славнымъ традиціямъ польскихъ армій прежнихъ временъ и воспоминаніямъ о храбрыхъ польскихъ соратникахъ въ настоящую войну.

Союзные монархи съ полной увѣренностью надѣются, что ихъ пожеланія о государственномъ и національномъ развитіи Польскаго королевства въ настоящее время получаютъ осуществленіе какъ съ точки зрѣнія общей политической обстановки въ Европѣ, такъ и съ точки зрѣнія благополучія и безопасности своихъ собственныхъ странъ и народовъ. Великія западныя сосѣднія державы королевства Польскаго съ радостью будутъ взирать на ростъ и процвѣтаніе на ихъ восточной границѣ свободного, благополучнаго и довольнаго своимъ національнымъ самоопредѣленіемъ государства“.

Трудно себѣ представить болѣе наглого провокаціоннаго акта миѳической свободы истерзанной германцами Польши. Ни о Галиціи, ни о Познани, ни о Силезіи ничего не сказано. Дается якобы самостоятельность Польшѣ, подъ эгидой наслѣдственнаго нѣмецкаго управленія для того, чтобы поляки начали воевать противъ Россіи. Протоколъ ст. 44, подписанный Германіей и Рос-

сией, гласить: „воспрещается принуждать населеніе занятой области къ принятію участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ собственной страны“.

Конечно, для такихъ звѣрей-сверхчеловѣковъ, какъ германцы, такое постановленіе есть только простой клочекъ бумаги.

Будемъ ждать, какъ откликнутся на нѣмецкій призывъ поляки здѣсь и тамъ.

Арестованы по распоряженію военныхъ властей на театрѣ военныхъ дѣйствій кіевскіе сахарозаводчики: Израиль Бабушкинъ, Іоель Гепнеръ и Абрамъ Добрый за противодѣйствіе снабженію арміи сахаромъ, умышенное сокращеніе выпуска сахара на внутренній рынокъ Имперіи и злонамѣренный вывозъ сахара за границу въ ущербъ снабженію таковымъ арміи и населенія.

28—29 октября. По свѣдѣніямъ изъ авторитетныхъ источниковъ, наше наступленіе въ Добруджѣ успѣшно продолжается.

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ, южнѣе горы Ла-Мунтелу, происходилъ рядъ удачныхъ для насъ дѣлъ, при чемъ нами захвачены пулеметы.

Г. Петровъ въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ описываетъ ужасающія злключенія Симбирскаго, Московскаго и Самарскаго уполномоченныхъ въ покупкѣ муки въ Сызрани. Даетъ яркія картины, какъ г.г. мукомолы нагло издѣвались надъ уполномоченными, и предлагаетъ выполнить 3 условія для обузданія мародеровъ-мукомоловъ.

Первое условіе: надо оставить всякую надежду на патріотизмъ, на добрую волю, даже на простую элементарную торговую честность большинства російскихъ хлѣбниковъ и мукомоловъ. Растущая всюду нужда въ мукѣ, при изобиліи хлѣба еще старыхъ урожаевъ, есть вопросъ государственной необходимости. Поэтому какъ для военныхъ надобностей были взяты сотни заводовъ и фабрикъ для работы на оборону, такъ необходимо взять въ вѣдѣніе государства или опредѣленныхъ общественныхъ организацій всѣ російскія крупныя мельницы. Когда крестьяне будутъ знать,

---

¹⁾ „Рус. Сл.“ 27 окт. 1916.

что они, продавая свое зерно по твердымъ цѣнамъ, не растятъ безумныхъ барышей купцамъ-скупщикамъ, а отдають хлѣбъ прямо государству или населенію, то они охотнѣе повезуть хлѣбъ въ общественные склады, и тамъ сразу раскупорится одно изъ самыхъ широкихъ горлъ полученія хлѣба. Явится въ изобиліи зерно, и подешевѣетъ размоль зерна.

Второе условіе: объявить реквизицію всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ на складахъ хлѣбниковъ-мукомоловъ, гдѣ бы эти запасы ни были: на пристаняхъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ мельничныхъ амбарахъ. Для этого затребовать всѣ торговыя книги фирмъ, провѣрить по нимъ наличность и заплатить себѣ, стоимость съ надбавкою всѣхъ наложенныхъ расходовъ, плюсъ законный процентъ прибыли.

Третье и послѣднее, однако, неизбѣжное условіе, обязательное участіе прокурорской власти въ обслѣдованіи книгъ и складовъ мукомольныхъ фирмъ. Въ Нижнемъ прокурорская власть обошла склады магазиновъ, торгующихъ обувью, и въ одинъ день нашла 50 тысячъ паръ калошъ. Въ хлѣбныхъ и мукомольныхъ складахъ прокурорская власть найдетъ не 50, а если угодно, то и въ пять разъ больше хлѣба и муки. Хлѣба въ Россіи много, нужда населенія въ хлѣбѣ грозитъ стать крайнею, и хлѣбъ долженъ быть доставленъ.

Вотъ катехизисъ кайзера, его присныхъ, германскаго солдата и обывателя:

Воровство, это у нихъ—„компенсація“.

Грабежъ—„аннексія“.

Разбойный набѣгъ—„оккупация“.

Открытое похищеніе—„реквизиція“.

Разграбленіе—„контрибуція“.

Увозъ германскихъ войскъ на русскій фронтъ все расширяетъ и расширяетъ побѣды французовъ, англичанъ и итальянцевъ.

Вотъ какъ наши нѣмецкіе колонисты теперь относятся къ русскимъ ¹⁾.

Разкажу одинъ характерный случай, который произошел со мною и нѣсколькими моими товарищами въ селѣ Богдановкѣ (нѣмецкой колоніи), Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи. Мы устраивали пробный пробѣгъ автомобилей, и случай занесъ

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1916 г. № 14599.

насъ, голодныхъ и озябшихъ въ село Богдановку, въ которомъ благодушествуютъ нѣмцы. Здѣсь мы рассчитывали поѣсть и обогрѣться, но не тутъ-то было: нѣмцы передъ носомъ закрывали двери и кричали изъ окна по-нѣмецки, что у нихъ рѣшительно ничего нѣтъ, и впустить насъ къ себѣ они не могутъ; тогда одинъ изъ монахъ товарищей обратился къ одному колонисту Якову Тефсу по-нѣмецки, и вотъ произошло чудо,—двери домовъ широко распахнулись, провизіи оказалось сколько-угодно и какой-угодно и деньги за нее колонисты брать не хотѣли, объясняя, что они не желаютъ ни за какія деньги давать что-либо лицамъ, обращающимся въ ихъ селѣ къ нимъ по-русски, но для лицъ, говорящихъ по-нѣмецки, у нихъ, конечно, всегда всего найдется въ волю. Вотъ характерный примѣръ, изъ котораго можно сдѣлать удивительный выводъ: чтобы русскому въ Россіи не оставаться въ дорогѣ голоднымъ, ему необходимо свободно объясняться по-нѣмецки.

Боевыя дѣйствія 28 октября ознаменовались на барановичскомъ фронтѣ у Скрובה занятіемъ германцами на этомъ маленькомъ участкѣ нашихъ передовыхъ окоповъ. Это происходитъ на нашемъ центральномъ фронтѣ, значить, германцы отсюда увозятъ свои войска.

Къ югу отъ Дорна Ватры въ Лѣсистыхъ Карпатахъ нѣмцы захватили у насъ нѣкоторыя высоты въ Трансильваніи, къ западу отъ долины Бузео нѣмцы на 4 версты оттѣснили румынъ. У Предоля румыны атаквали германцевъ, а у Кимполунга отбили ихъ атаку.

Въ Добруджѣ русско-румынскія войска тѣснятъ нѣмцевъ и ведутъ бои за Черноводскій мостъ.

По подсчету голосовъ въ телеграммахъ 29 октября оказывается, что президентомъ Сѣверно-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ избранъ не Юзъ, а переизбранъ Вильсонъ.

Бетманъ Гольвегъ съ обычной ему наглостью вѣщаетъ съ каедрой рейхстага, что Германія совершенно невинна въ возникновеніи войны, и что несомнѣнной виновницей войны является Россія. Нѣмецкій канцлеръ нахально заявляетъ свою готовность стать во главѣ международнаго союза для предупрежденія кровавыхъ столкновеній и огражденія малыхъ народовъ отъ насилія въ будущемъ.

Эта кровавая, насильная Германія будетъ ограждать слабыхъ. Заявленіе это просто комично.

Г. Меньшиковъ въ № 14602 „Новаго Времени“ въ своей статьѣ „Драма военноплѣнныхъ“ выступилъ съ дико-нелѣпымъ предложеніемъ объ обмѣнѣ военноплѣнными съ нѣмцами, теперь же, не дожидаясь конца войны. По его мнѣнію это будетъ выгодно и для насъ и для нѣмцевъ, и вотъ по какимъ доводамъ. Можетъ быть своевременно поставить вопросъ: имѣется ли какой-либо смыслъ взаимно томить въ плѣну почти равное количество захваченныхъ рабочихъ силъ, которыя, по возвращеніи ихъ на родину, нисколько не измѣнили бы равновѣсія воюющихъ сторонъ.

Плѣнъ въ условіяхъ пынѣшней войны не можетъ не быть ужаснымъ. Но проще было бы обмѣнять военноплѣнныхъ теперь же, если простая ариѳметика доказываетъ, что по отношеніи силъ и на ходъ войны этотъ обмѣнъ никакого вліянія не окажетъ. Вотъ каковы доводы господина Меньшикова.

Петроградскому обывателю приходилось не разъ на страницахъ своихъ замѣтокъ заявлять, что обмѣнъ инвалидами съ нѣмцами, за исключеніемъ принципа гуманности, есть вовлеченіе Россіи въ невыгодную для нея сдѣлку. Нѣмцы мѣняють инвалидовъ почти негодныхъ ни для какой дѣятельности и почти обрѣченныхъ на смерть. Ни къ какому полезному дѣлу мы ихъ пристроить не можемъ, они расточаютъ у насъ только скорбь и уныніе, при чемъ къ каждой партіи инвалидовъ нѣмцы всегда ухитряются пристроить своихъ шпионовъ.

Намъ нѣмцы присылають инвалидовъ дохлыхъ, изнуренныхъ, изморенныхъ голодомъ. Мы же шлемъ инвалидовъ сытыхъ, хотя и нѣсколько тоже изувѣченныхъ. Что же дѣлають нѣмцы съ возвращенными отъ насъ сытыми, не измученными голодомъ инвалидами.

Всѣ наши бѣжавшіе плѣнные единогласно показываютъ, что въ Германіи изувѣченными инвалидамъ устраиваютъ ноги, ихъ примѣняють ко всякому дѣлу, а занимавшихъ прежде мѣста инвалидовъ шлють немедленно на фронтъ.

Что же предлагастъ господинъ Меньшиковъ обмѣнять на равныхъ условіяхъ. Позвольте спросить, гдѣ же эти равныя условія обмѣна. Меньшиковъ находитъ положеніе нашихъ плѣнныхъ ужаснымъ. И дѣйствительно, наши плѣнные изморены постояннымъ голоданіемъ, непосильной работой и австро-германскими

пытками до такой степени, что четвертый изъ нихъ умираетъ и что многіе и многіе изъ нихъ несомнѣнно кандидаты на тотъ свѣтъ. Такихъ то, изможенныхъ людей будутъ слать намъ на обмѣнъ. Съ другой стороны, австро-германскіе военноплѣнные—халатнымъ попечительствомъ откормленные у насъ, какъ свинье борова, особенно германцы.

Г. Меньшиковъ предлагаетъ обмѣнъ сытыхъ и здоровыхъ на крайне истощенныхъ, изъ которыхъ многіе кандидаты на тотъ свѣтъ. Какія же это равныя условія.

Стыдитесь, г. Меньшиковъ, своему предложенію, именно въ такое время, когда у нѣмцевъ каждый человѣкъ на счету, они изнемогаютъ отъ недостатка въ людяхъ, когда нѣмцы, при всей своей ненависти къ полякамъ, возстановливаютъ Польшу, лишь только для того, чтобы произвести въ Польшѣ наборъ.

А въ это время г. Меньшиковъ предлагаетъ обмѣнять милліонъ плѣнныхъ. Нѣмцы будутъ очень признательны г. Меньшикову за этотъ милліонъ, которымъ они немедленно усилятъ свой фронтъ и еще затянутъ войну.

Слышалъ такое повѣствованіе отъ одного русскаго, обладающаго хрощимъ состояніемъ и значительными связями.

Передъ настоящей войной его сестра лѣчилась въ Киссингенѣ и находилась тамъ въ полномъ обладаніи умственныхъ и нравственныхъ силъ.

Началась война. Начались терзанія этой женщины: сказали что она русская шпионка, и заключили ее въ тюрьму. Братъ сталъ усиленно хлопотать черезъ разныя посольства о ея освобожденіи. Помогало мало, но ему присылали громадныя счета за ея довольствіе, которые онъ, надѣясь на освобожденіе, уплачивалъ аккуратно, черезъ нейтральныя посольства. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и ему черезъ нейтральное посольство сообщаютъ, что его сестра переведена въ монастырь, откуда посылались ему большіе счета за ея довольствіе, за которое производилась немедленная уплата, какъ и прежде. Усилились хлопоты по ея освобожденію, не имѣвшіе никакого успѣха. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и братъ получаетъ черезъ нейтральное посольство, что сестра переведена въ сумасшедшій домъ въ Германіи. Опять пошли большіе счета съ немедленной уплатой.

Несчастный братъ поѣхалъ въ Данію и въ приграничномъ съ Германіей городѣ сталъ усиленно хлопотать объ освобожденіи несчастной, доходя просьбами по президента Американской рес-

публики. Онъ посылалъ въ Берлинъ за больной сестеръ милосердія, но напрасно. Братъ лишился также и сна и цѣлыя ночи проводилъ въ скитаніи по городу. Онъ рѣшилъ пріобрѣсть американскій паспортъ, поѣхать выручать самому. Онъ хотѣлъ явиться въ американское консульство хлопотать, какъ американскій гражданинъ. Вдругъ, неожиданно, привезли сестру совершенно помѣшанную, которая при свиданіи не узнала брата.

Когда несчастная убѣдилась, что братъ ея не тюремщикъ и не производитель пытокъ, то она рассказала, какъ въ ея желудокъ наливали громадное количество воды и клали на постель, запрещая шевелиться. Словомъ, тюремщики-германцы производили пытки водой самыхъ варварскихъ временъ. Несчастная и теперь осталась въ прежнемъ положеніи.

Несчастный братъ закончилъ свой рассказъ слѣдующими словами:

„Я не поѣду жить въ Германію, не подамъ руки нѣмцу, не сяду за одинъ столъ съ нѣмцемъ и не пущу за порогъ своей квартиры нѣмца“.

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Г. Головинъ.

Императоръ Николай I-й по характеристикѣ современника его, эмигранта-публициста Ивана Гавриловича Головина.

Иванъ Гавриловичъ Головинъ—извѣстный эмигрантъ-публицистъ царствованія Николая I-го, много поработавшій за границей для распространенія идей свободы въ Россіи и особенно бичевавшій тяжелое царствованіе современнаго ему государя Николая I-го. Иванъ Гавриловичъ родился въ 1819 году и принадлежалъ къ старому дворянскому роду въ Россіи. Будучи въ 1843 году въ отпуску въ Парижѣ, Головинъ отпечаталъ здѣсь трудъ свой—трактатъ о политической экономіи, чѣмъ вызвалъ гнѣвъ Николая I-го. Неоднократно вызываемый въ Петербургъ письмами Дубельта и Бенкендорфа къ нашему тогда послу въ Парижѣ Киселеву, Иванъ Гавриловичъ, справедливо предвидя себѣ ссылку или тюрьму, отказывался отъ возвращенія на родину. Заочно послѣ этого осужденный въ ссылку въ Сибирь и лишенный всѣхъ правъ состоянія (все имущество Головина взято въ казну), Головинъ навсегда остался за границей, принявъ въ 1845 году англійское подданство.

Проживая за границей, Иванъ Гавриловичъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Лейпцигѣ выпустилъ на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ цѣлый рядъ трудовъ, изъ коихъ намъ извѣсны: „La Russie sous Nicolas I-er“ (1845), „Russland und Alexander II (1857), „12 лѣтъ въ Англии“ и „Бѣглець“. Всѣ эти труды попадали въ Россію запрещенными и, помимо печатныхъ, по рукамъ ходило много очерковъ Головина въ рукописяхъ, часть изъ которыхъ мы видѣли въ собраніи П. Я. Дашкова.

Свидѣтельство правдиваго, просвѣщеннаго и глубоко любящаго свою родину Ивана Гавриловича Головина имѣеть большую цѣнность, также и какъ современника Николая I-го и очевидца событій, которыя онъ переживалъ въ зрѣломъ возрастѣ и вполне сознательно.

Имѣющійся въ нашемъ собраніи подлинный автографъ отъ 1859 г., при портретѣ И. Г. Головина ¹⁾, заключаетъ въ себѣ строки, характерныя и для Головина и для его времени. „Удивительно, сколько маленькихъ тиранновъ создаетъ русскій режимъ“, пишетъ Головинъ въ этомъ автографѣ.

„Почти всѣ люди господствующаго класса—маленькіе деспоты, и я сказалъ бы, что въ Россіи либеральными и гуманными людьми являются только просвѣщенныя женщины. Пріятно имѣть возможность властвовать и отчего же не властвовать съ пріятностью? Но рабство уничтожило всякое чувство приличія и благопристойности“.

Въ этомъ обращеніи Головина все сказанное для времени Николая I-го въ большей своей части остается справедливымъ и до послѣднихъ дней стараго режима.

Для характеристики Головина необходимо также привести предисловіе къ его труду „La Russie sous Nicolas I-er“, которое одновременно объясняетъ и цѣли и побужденія публицистическихъ выступленій Ивана Гавриловича.

Б. Коллюбакинъ.

„Ома Головинъ (предокъ Ивана Гавриловича), призываемый Борисомъ Годуновымъ къ возвращенію на родину“, начинаетъ Головинъ свое предисловіе, „отвѣгилъ, что онъ вернется на родину только тогда, когда въ ней исчезнутъ слѣдующія положенія-поговорки: „все, что мое—есть царское“, „близокъ къ царю—близокъ къ смерти“ и „не бойся суда, а бойся судьи“. Прошло два вѣка, и въ несчастьяхъ Россіи не произошло много переимѣнъ. Вопреки торжественно провозглашенныхъ законовъ къ конфискаціи присоединенъ секвестръ; близость къ царю—хорошее предзнаменованіе только для его кургязановъ; преслѣдованію подвержены люди независимые и просвѣщенные, и русскій судъ есть исполнитель предначертаній свыше. Старыя пословицы

¹⁾ Въ нашемъ собраніи имѣется автографированный портретъ И. Г. Головина (Leipzig. Verl. von Hsch. Hüblner) съ русской подписью Иванъ Гавриловичъ Головинъ и брата его Федора—изъ серіи автографій Вагнера. Братъ его былъ въ чести у Николая I-го, будучи италмейстеромъ двора его. Б. К.

замѣнены новыми: До Бога высоко—до царя далеко, кто служить, тотъ жалуется (плачется), въ противовѣсъ пословицѣ, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ.

Взамѣнъ жестокостей старины явились злоупотребленія другого рода, и если бы я пожелалъ подражать злomu языку моего предка, я бы сказалъ: я вернусь, когда вся Россія будетъ повышена въ чиновниковъ 14-го класса (съ котораго чина русскій обыватель избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія), во-вторыхъ, когда нѣмцы будутъ стоять не больше русскихъ ¹⁾ и въ третьихъ, когда перо на вѣсахъ общественной жизни будетъ имѣть вѣсъ и значеніе желѣза ²⁾.

Мое счастье не можетъ быть полнымъ безъ счастья моихъ согражданъ. Не надѣясь увидѣть въ скорости осуществленіе этого положенія и при невозможности этому способствовать, живя въ Россіи, я отказываюсь отъ жизни въ ней тѣмъ съ большей легкостью, что я надѣюсь быть полезнымъ Россіи, живя за границей. Не первымъ и не послѣднимъ буду я описывать парабощеніе Россіи и не первымъ выступаю я съ протестомъ противъ притѣсненій моей родины. Я никогда не достигну энергіи русскаго поэта, сказавшаго: „Въ Россіи въ чести лишь царь, да кнутъ, и русскіе дураки кричатъ ура, тогда какъ имъ слѣдовало бороться“.

Не буду я никогда на высотѣ и этого стиха: „Я видѣлъ Россію, преклоненную у алтаря, цѣпями бряцающа, съ согбенной выей, она молилась за царя“.

Если я говорилъ дурно о Россіи, то только любя ее. Къ недостаткамъ иностранцевъ мы относимся безразлично, тогда какъ недостатки своихъ братьевъ насъ возмущаютъ, такъ какъ мы всегда строги къ тѣмъ, кого любимъ. Кромѣ того Россія для меня понятіе абстрактное; великую и прекрасную Россію я хотѣлъ бы видѣть еще болѣе возвеличенной. По отношенію же правительства я не считалъ нужнымъ быть снисходительнымъ, считая его виновнымъ въ многочисленныхъ бѣдствіяхъ, омрачающихъ Россію, а потому я считалъ бы малодушіемъ быть къ нему снисходительнымъ. Несправедливость правительства по отношенію ко мнѣ не сдѣлала меня несправедливымъ по отношенію къ нему.

¹⁾ При Николаѣ I-мъ нѣмцы пользовались предпочтеніемъ болѣе чѣмъ когда-либо. Всѣ высшіе посты, большинство чиновниковъ и офицеровъ гвардіи замѣщались нѣмцами. *Б. К.*

²⁾ Однако эти требованія русскій, любящій родину, могъ бы предъявлять и при Николаѣ II-мъ. Не даромъ, говорятъ, что идеаломъ послѣдняго былъ Николай I-ый. *Б. К.*

Наоборотъ, оно увеличило мою осмотрительность, доказывая вины всякой несправедливости. Люди власти не смѣютъ или не желаютъ возвысить голоса. Они ловятъ рыбу въ мутной водѣ и потому продолжаютъ мутить эту воду. Они-то и есть настоящіе измѣнники родинѣ и настоящіе возмутители.

Неужели человѣкъ, который имѣлъ смѣлость сдѣлаться свободнымъ, чтобы имѣть возможность разоблачить всю низость и все невѣжество правительства, заслуживаетъ только негодованіе и презрѣніе? Гласность имѣетъ ту хорошую сторону, что заблужденіе съ временемъ само собой разрушается, тогда какъ истина живетъ и приумножается. То же повторится и съ моей книгой: всякое остервенѣніе противъ меня будетъ происходить или отъ ослѣпленія или отъ злой воли, которая не считается съ намѣреніями и видитъ только эффектъ данной минуты.

Я приводилъ только такіе анекдоты, за источникъ которыхъ я ручаюсь. Достаточно, чтобы анекдотъ получилъ распространеніе въ народѣ, чтобы онъ нашелъ мѣсто и въ исторіи, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ характеризуетъ человѣка, къ которому онъ относится. О великихъ людяхъ и о хорошихъ государяхъ приводятъ такіе черты, которыя говорятъ только въ ихъ пользу; но настолько и тяжело свидѣтельствованіе о государяхъ злыхъ и неспособныхъ.

Если бы я высказалъ все то, о чемъ я долженъ былъ молчать, и если бы я огласилъ всѣ тѣ испытанія, которымъ подвергалось все то, что я долженъ былъ высказать, то не было бы никакихъ сомнѣній въ правдивости моихъ разсказовъ. Впрочемъ достаточно сказать, что я ничего не выдумалъ.

Да что стоитъ Николаю доказать, что мое сужденія о его заслугахъ лживы и что онъ вполне достоинъ царствовать надъ порученнымъ его попеченію народомъ? Пусть прикажетъ онъ исполнить это своимъ приспѣшникамъ.

Пусть онъ скажетъ Орлову, что отнынѣ онъ будетъ управлять съ кротостью, правдивостью и довѣріемъ и что онъ упраздняетъ тайную полицію!!

Пусть онъ скажетъ Блудову, что собравъ всѣ русскіе законы, онъ убѣдился въ томъ, что ихъ нужно предать огню, такъ какъ они недостойны ни вѣка, въ которомъ мы живемъ, ни Бога, ни людей, и что онъ ихъ замѣнитъ справедливыми и мудрыми законами.

Пусть онъ скажетъ Панину, что грабителямъ мѣсто въ Сибири, а не у власти.

Пусть онъ скажетъ Уварову, что ему не нужно этого шарлатанства въ цивилизаціи, и онъ требуетъ цивилизаціи небесной чистоты.

Пусть онъ скажетъ Перовскому, что имя его должно слиться съ величайшимъ актомъ нашего вѣка — освобожденіемъ крестьянъ и что, если въ скоромъ времени помѣщики не раскрѣпостятъ своихъ крестьянъ, крестьяне сами это сдѣлаютъ, такъ какъ рабовъ не можетъ и не должно быть въ христіанской странѣ.

Пусть онъ скажетъ Нессельроде, что Франція, этотъ очагъ цивилизаціи, заслуживаетъ его уваженія и не можетъ быть его врагомъ.

Пусть также скажетъ онъ, что Польша достаточно страдала и какъ Господь сорвалъ съ его глазъ завѣсу, покрывающую ихъ, и что онъ снимаетъ съ Польши цѣпи.

И сказавъ все это — пусть же онъ и исполнитъ обѣщанное.

Тогда исторія измѣнитъ свой приговоръ, она скажетъ, что онъ много погрѣшилъ, но искренно раскаялся, и поставитъ его имя на-ряду съ тѣми, кого чтятъ народы.

Неужели недостаточно того порицанія, которое возбуждаютъ всѣ его дѣйствія?

Не думаетъ ли онъ, что только заблужденіе и ложь на сторонѣ цивилизованнаго міра и что вся мудрость и благородство на его сторонѣ?

Конечно, если царствованіе абсолютныхъ монарховъ есть удовольствіе, то неизмѣримо радостнѣе даровать свободу тому народу, которымъ управляешь; но подобная высокая радость дана только душамъ чистымъ и прекраснымъ ¹⁾.

Парижъ 14 іюля 1845 года.

---

¹⁾ Таково откровеніе просвѣщеннаго русскаго человѣка сороковыхъ годовъ, и такихъ людей и такихъ откровеній было много въ Россіи въ теченіе всего XIX вѣка. Мы недостаточно только знаемъ ихъ. Иванъ Гавриловичъ Головинъ не былъ выдающимся человѣкомъ и дѣятелемъ, это былъ рядовой человѣкъ тысячи. Онъ былъ только представителемъ и явился выразителемъ общественной мысли сороковыхъ годовъ, но выдѣлвшимся тѣмъ, что сила правды, вѣриѣ, чувство правды и любви къ свободѣ у него были въ такой степени, что онъ рѣшился бросить отчій домъ, родину, жизнь почета и комфорта для свободной и честной жизни изгнанника, полной лишеній, но въ возможности громкаго осужденія въ собраніяхъ и въ печати правительства своей родины. Вотъ что выдвинуло его изъ толпы людей, равныхъ ему по обрису мыслей, но молчавшихъ и терпѣвшихъ тотъ гнетущій порядокъ, который Россія свергла только въ 1917 году. *В. Кол—нъ.*

Когда проходишь по Романовской портретной галлерей, взоръ съ удовольствіемъ останавливается на мужественныхъ и національныхъ чертахъ Петра I, недостатки котораго были недостатками его страны и его вѣка, а качества были качествами генія. Тѣ же черты пріятно видѣть въ Аннѣ I-ой, которой, во имя дяди, прощаешь пороки, которые въ сущности можно свалить на недостойнаго царедворца-курляндца Бирона. Затѣмъ съ Петромъ III всякое сходство окончательно—теряется: русскій человекъ недоумѣваетъ, откуда онъ взялся?! Черты, осанка—несомнѣнно нѣмецкія и онъ съ трудомъ выговариваетъ имя Гольштейнъ-Готторпъ.

„Нѣмецъ“ ненавистное слово для русскаго; подъ словомъ нѣмецъ—нѣмой славянинъ или человекъ слова обобщалъ всѣхъ инностранцевъ ¹⁾. Но вернемся къ Романовской галлерей. Какъ бы то ни было, но Петръ III внукъ Петра I, а русскіе безгранично обожаютъ своихъ царей, отъ внуковъ и правнуковъ. Но все-таки, съ какихъ это поръ мать передаетъ своимъ дѣтямъ имя своего отца. Отъ Петра III перейдемъ къ его женѣ Екатеринѣ II-Русскій, вспоминая, что ей онъ обязанъ присоединеніемъ Крыма и Литвы, готовъ дружески отнестись къ этой мужественной женщинѣ и ласково называетъ ее матушкой. Но при видѣ Павла I — онъ столбнѣетъ. Эти черты рѣшительно ничего не говорятъ его сердцу; эти черты не Екатерины и не Петра III, еще менѣе Романовыхъ. Извѣстно, что Петръ III былъ неспособенъ къ брачному сожителству, а потому приказаніе Сената Екатеринѣ о допущеніи Салтыкова къ царскому ложу по истинѣ жестоко, если этотъ вельможа походилъ на своего сына ²⁾. Какъ могъ Сенатъ совершить такую оплошность, дѣлая такое предложеніе женщинѣ, которая знала толкъ въ мужчинахъ? Странная игра природы! Павелъ походилъ на

---

¹⁾ Эту антипатію русскихъ съ нѣмцами раздѣляютъ и поляки, у которыхъ существуетъ пословица: „пока свѣтъ существуетъ—полякъ не будетъ братомъ нѣмца“.

²⁾ Знатокъ иконографіи русскихъ дѣятелей покойный П. Я. Дашковъ отрицалъ сходство Павла съ Салтыковымъ и считалъ Павла скорѣе сыномъ Петра III, на котораго онъ походилъ и вкусами и страстями.

Б. Колубакинъ.

финна изъ-подъ Стрѣльны: рыжіе волосы, курносый и типичное упрямство даютъ поводъ предположить что какимъ-то образомъ его подмѣнили. Сенатъ приказалъ, чтобы у Екатерины родился сынъ; а что, если родилась дочь, и эта дочь умерла?! Странѣ былъ нуженъ наслѣдникъ; честолюбивая Екатерина стремилась сохранить власть, и близость воспитательнаго дома, въ которомъ находилось много финскихъ дѣтей, — все это въ общей совокупности даетъ поводъ дѣлать предположенія, которыя могутъ быть и дѣйствительностью, а именно что дѣвочку, родившуюся мертвой, подмѣнили сыномъ какого-нибудь финна. Иначе, какъ же объяснить вздернутый и сплюснутый носъ, а рыжія волосы Павла и ненависть Екатерины къ своему сыну Павлу? Пушкинъ оригинально изображалъ національность царствующей династіи. Онъ наливалъ въ кубокъ стаканъ хорошаго краснаго вина въ честь Петра I, русское происхожденіе котораго было виѣ сомнѣнія, затѣмъ онъ наливалъ въ кубокъ стаканъ воды въ честь отца Петра III и, казалось, можно было этимъ ограничиться и опорожнить кубокъ, но, онъ вливалъ еще стаканъ воды, въ честь Екатерины II — принцессы Ангальтской. Быть можетъ можно было на этотъ разъ влить и стаканъ вина, но, боясь ошибиться, онъ смѣло вливалъ четвертый стаканъ воды въ честь Маріи Ѳеодоровны, матери Николая I; затѣмъ пятый стаканъ вливался въ честь нынѣшней императрицы Александры Ѳеодоровны. Въ концѣ концовъ получилась жидкость, столь слабо окрашенная, что раздавался дружный хохотъ, когда Пушкинъ просилъ присутствующихъ рѣшить, было ли это вино или вода.

Насколько Павелъ былъ уродливъ физически и духовно, настолько его жена, принцесса Виртембергская была красива. Отъ этого брака родился Александръ, который походилъ на мать, какъ и она красивый тѣломъ и духомъ ¹⁾. Константинъ во всемъ походилъ на отца и былъ настолько уродливъ, насколько былъ золь. Николай былъ красивъ только тѣлесно. Михаилъ былъ и не очень добръ и не очень красивъ.

Кромѣ похищенія Екатериной престола, что было преступно по словамъ самого Николая, выразившаго однажды изумленіе

¹⁾ Съ красотой духа Александра позволяя себѣ не согласиться съ И. Г. Головинымъ, ибо двоедушіе, хитрость, неискренность и коварство Александра всесвѣтно извѣстны.

почему его бабу называютъ „великой“, несмотря на ея распутство, исторія упрекаетъ Екатерину еще въ томъ, что она дала дурное воспитаніе своему сыну. Она ненавидѣла Павла, считая его недостойнымъ себя сыномъ, навязаннымъ ей, и не могла примириться съ мыслью, что онъ долженъ ей наследовать на тронѣ. Она запустила его образованіе, что вмѣстѣ съ бѣшенымъ характеромъ и привело его къ насильственной смерти.

Екатерина все свое время посвящала внуку Александру, но воспитаніе его было слишкомъ чуждо обычаямъ страны и не согласовалось съ національнымъ духомъ Россіи, и кромѣ того у него не хватило рѣшимости завершить то, что онъ считалъ справедливымъ и полезнымъ.

Слабый и добрый въ одинаковой степени, настолько честный, настолько либеральный, онъ только успѣлъ бросить въ народъ зачатки свободы, которые его преемнику было угодно заглушить.

Напуганный смутами, которыя ему оставилъ въ наследство братъ, Николай думалъ, что стоило ему только дѣлать наоборотъ того, что дѣлалъ Александръ, чтобы хорошо царствовать, а именно: преслѣдовать свободу во что бы то ни стало, быть настолько національнымъ, насколько его предшественникъ былъ иностранцемъ и наконецъ настолько православнымъ, насколько тотъ былъ католикомъ. Онъ обманулъ надежды, которыя надавалъ при своемъ вступленіи на престолъ, возвѣщая, что царствованіе его будетъ только продолженіемъ царствованія брата.

Воспитаніе Николая было столь поверхностнымъ, какъ и воспитаніе его другихъ братьевъ, которыхъ не готовили къ трону ¹⁾. За все время царствованія Александра онъ не занималъ должности выше начальника дивизіи ²⁾; на этомъ посту онъ приобрѣлъ узкій умъ и пристрастіе ко всему военному, пристрастіе, которое онъ довелъ въ послѣдствіи до смѣшного.

Онъ былъ настолько необразованъ, что слово мнѣ пишетъ безъ „ѣ“, что равносильно тому, если бы слово Nicolas писали бы по-французски безъ буквы s, а его деспотизмъ таковъ, что до

¹⁾ Великій князь Константинъ не могъ написать двухъ словъ по-русски, но зато довольно правильно писалъ по-французски. Я слышалъ, что одного московскаго студента сослали за то только, что въ его коллекціи автографовъ находился автографъ в. к. Михаила съ надписью „благожелательный Михаилъ“, при чемъ благожелательный написано съ буквою „ѣ“. Известно, что большинство русскихъ министровъ не умѣютъ грамотно писать на своемъ родномъ языкѣ и не все могутъ оправдаться тѣмъ, что владѣютъ многими иностранными языками, какъ все великіе князья. *И. Г. Головинъ.*

²⁾ Головинъ ошибается. — не выше командира бригады. *Б. Колобакинъ.*

сихъ поръ ни одинъ государственный человѣкъ не посмѣлъ ему указать на столь часто совершаемыя имъ ореографическія ошибки.

Удивительно, какъ это до сихъ поръ ни одинъ русскій писатель не догадался уничтожить эту злополучную букву, хотя бы изъ желанія угодить своему государю? Любимымъ и ежедневнымъ чтеніемъ Николая служить „Сѣверная Пчела“—ничтожнѣйшая изъ газетъ, издаваемыхъ на бѣломъ свѣтѣ. На поляхъ Его Величество изволилъ дѣлать помѣтки; на одномъ изъ листовъ, которые всѣ тщательно собраны въ Эрмитажѣ, мы читаемъ, что слова губернской судъ, уѣздный судъ нужно печатать болѣе крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ.

Линейное судно „Россія“ служить разительнымъ доказательствомъ непросвѣщеннаго деспотизма Николая. Осмотрѣвъ судно, когда оно находилось еще на верфи, Николай нашель, что ходить на немъ было тѣсно, и приказалъ увеличить проходы; мнѣніе его взяло верхъ надъ мнѣніями знатоковъ этого дѣла, и въ результатъ судно сдѣлалось однимъ изъ самыхъ плохихъ ходокъ русскаго флота и имъ почти не пользуются.

Когда у Николая является фантазія управлять судномъ, а это случается всякій разъ, когда онъ выходитъ въ море,—командиръ судна предусмотрительно становится за его спиной, дабы своими сигналами помѣшать точному исполненію приказаній Его Величества, приказаній, которыя неизбежно повели бы судно къ гибели вмѣстѣ съ его августѣйшимъ пассажиромъ. Его выстрѣлъ въ Шумль—пародія на Наполеона при Монтеро. Артиллерійскій офицеръ опредѣлилъ разстояніе до цѣли внѣ досягаемости орудія, но Николай все же приказалъ дать выстрѣлъ и снарядъ конечно не долетѣлъ.

Турецкая кампанія 1828—29 г.г. заставила замолчать лжецовъ, которые старались превозносить военные таланты Николая.

Нужно отдать ему справедливость, что со времени кампаніи 1828 года у него хватило ума отказаться отъ личнаго руководства военными операціями, ограничиваясь лишь руководствомъ маневрами.

Невозможно командовать съ бѣльшимъ изяществомъ; голосъ его покрываетъ всѣ остальные голоса и лучше командовать въ строю невозможно. Нельзя не любоваться его способностью замѣчать въ самыхъ отдаленныхъ рядахъ малѣйшую погрѣшность въ обмундированіи и снаряженіи солдата или офицера. Ни одна пуговица, ни одинъ крючекъ не ускользнетъ отъ его бдительнаго ока. Впрочемъ этотъ талантъ присущъ всей императорской фамиліи, и сколько разъ друзья родины съ невыразимой горечью думали,

что если бы эта способность была приложена къ предметамъ болѣе важнымъ и болѣе достойнымъ вниманія монарха, тогда получились бы безцѣнные для блага страны результаты.

„Берегись“, сказала однажды Николай, на маневрахъ у Шлис-сельбурга, генералу Ник. Ник. Муравьеву (по прозванію—Карскому) въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса, „берегись, я тебя разобью“. „Ваше Величество“, отвѣтилъ храбрый генералъ: „на войнѣ меня никогда не побѣждали“. На разыгравшемся маневрѣ онъ разбилъ наголову Его Величество, никогда ему этого не простившаго ¹⁾. Какъ ты находишь моихъ запасныхъ? спросилъ Николай у Муравьева. „Ваше Величество“, отвѣтилъ слишкомъ откровенный Муравьевъ, „ихъ нужно было видѣть двѣ недѣли тому назадъ, когда они пришли изъ дому, тогда это была толпа нищихъ“. Государь жестоко ему отомстилъ.

На слѣдующій день, при видѣ наступленія корпуса Муравьева, онъ замѣтилъ послѣднему: „вашъ корпусъ похожъ на толпу нищихъ“. Достойный генералъ вышелъ въ отставку, и страна вдвойнѣ страдала оттого, что въ Николаѣ не обрѣла Фридриха II (прусскаго) ²⁾.

Эти запасные, въ сущности, самая несчастная выдумка.

Всей правды не всегда рѣшишься сказать, но когда страна страдала—нужно имѣть мужество громко высказаться.

Государь сократилъ срокъ дѣйствительнаго пребыванія на службѣ солдата съ 25-ти на 22 года для армейскихъ и съ 20-ти на 15-ть для гвардейскихъ полковъ и остающееся сверхъ этихъ сроковъ время солдаты оставались на учетѣ, каждый годъ призывались принимать участіе на маневрахъ, въ случаѣ же войны призывались въ строй—въ свои части. При исполненіи этой мѣры забыли только главное, а именно ихъ содержаніе. Переставъ быть крестьянами, они перестаютъ быть и хорошими солдатами; ненужные арміи, для деревни они являются обузою и съ трудомъ находя способъ пропитанія,—сѣютъ беспорядокъ и недовольствіе среди сельскаго населенія. Помѣщики ихъ боятся, крестьяне не хотятъ ихъ знать, и такимъ образомъ правительство

¹⁾ Ник. Ник. Муравьевъ былъ уволенъ въ отставку и находился въ ней 13 лѣтъ, пока не былъ призванъ командовать войсками на Кавказѣ въ 1854 году, когда на Кавказѣ дѣла шли изъ рукъ вонъ плохо. Увольненіе Муравьева, бывшаго генералъ-адъютантомъ, въ отставку нарушило обычай или законъ, по которому генералъ-адъютанты никогда не увольнялись въ отставку.

Б. Колубакинъ.

²⁾ Фридрихъ II имѣлъ, какъ извѣстно, репутацію человека, прощавшаго и не помнящаго личныхъ обидъ.

В. К.

вмѣсто дисциплинированныхъ солдатъ создаетъ опасныхъ и умудренныхъ опытомъ пролетаріевъ ¹⁾.

Николаю обыкновенно рѣдко отказываютъ въ силѣ характера, который онъ будто бы въ высшей степени проявилъ въ день вступленія на престолъ. Но оказывается, что его только съ трудомъ уговорили показаться передъ бунтовавшими, и также известно, что передъ тѣмъ, какъ покинуть дворецъ, онъ горячо молился Богу. Чему приписать это обстоятельство, чувству набожности или страха?!. Онъ былъ достаточно скрытенъ, чтобы афишировать первое чувство и скрывать другое. На площади онъ былъ блѣденъ и дрожалъ въ то время, когда его приверженцы утверждали, что „все погибло“, тогда какъ все шло къ лучшему. Мятежники, не имѣя военнаго начальника, оставались въ бездѣйствіи цѣлый день, и рѣшимость наконецъ дѣйствовать явилась у Николая только къ вечеру. Привезли пушки, и вотъ 12 пушекъ стали противъ 300 человекъ, противъ которыхъ было выстрелено еще 13.000 вѣрныхъ войскъ. Въ мятежниковъ стрѣляли съ сотни шаговъ, затѣмъ стрѣляли въ народъ вдоль Галерной улицы и по набережнымъ. Одна женщина выглянула въ окно—снарядъ оторвалъ ей голову. „Какъ печально началось мое царствованіе!“—воскликнулъ Николай, вернувшись во дворецъ.

Баронъ Д*, бывший воспитатель Николая, спросилъ его однажды, какъ у него, котораго онъ всегда считалъ такимъ слабымъ, хватило столько рѣшимости. „Вопросъ шель о тронѣ“, отвѣчалъ Николай, а за такую ставку въ игрѣ стоило, въ самомъ дѣлѣ, выказать смѣлость. Въ порывѣ странной скромности Николай сказалъ маркизу Кюстину: „я только сдѣлалъ свое дѣло“. Въ официальной газетѣ было напечатано, что Николай, встрѣтивъ во дворцѣ роту взбунтовавшихся гренадеръ, которые не отдали ему честь, сказалъ имъ, что очевидно они заблудились и что имъ слѣдуетъ идти на Исаакіевскую площадь и присоединиться къ мятежникамъ. Царедворцы шли дальше, рассказывая, что во дворцѣ онъ приказалъ гвардейскимъ саперамъ навести на себя ружья, взять прицѣлъ, выдержалъ ихъ взоры, а затѣмъ скомандовалъ опустить ружья.

¹⁾ Эта затѣя, которую поддерживалъ Николай, цѣль конечно не достигла по причинѣ своей теоретичности. Нашлись дѣятели на высшихъ степеняхъ, которые возражали, по Николаю, какъ известно, не терпѣвъ возраженій, а главное, что близкія и окружающія лица не были способны къ возраженіямъ и такимъ, какъ Муравьевы (Николай, Михаилъ и Александръ) или кн. Васильчиковъ, было не много.

Когда бунтъ былъ окончательно подавленъ и солдатъ вели уже арестованными и связанными, великій князь Михаилъ впервые за цѣлый день попался имъ навстрѣчу и началъ поносить ихъ отборными ругательствами. Одинъ изъ солдатъ, осмѣлившійся не скинуть шапки, получилъ по лицу ударъ кулака его высочества ¹⁾. Послѣ побѣды Николай прибѣгъ къ милости. Слѣдственная коммисія присудила главныхъ заговорщиковъ къ четвертованію—царь замѣнилъ четвертованіе висѣлицей.

Висѣлица была новинкой въ Россіи и Николаю выпала честь ввести ее въ Россіи. Пришлось выписать палача изъ Швеціи, такъ какъ у насъ не нашлось такового.

Во время казни трое изъ осужденныхъ сорвались съ петли еще живыми. Николая спросили, какъ съ ними поступить? Снова повѣсить—былъ отвѣтъ Николая. Муравьевъ, котораго снова заставили подняться на висѣлицу, сказалъ по-французски: „Dans ce fichu pays on ne sait seulement pas prendre un homme“. Рылѣевъ сказалъ, что онъ, какъ бывший офицеръ, подлежалъ разстрѣлянію, а не другой какой казни. По поводу этихъ казней поэтъ написалъ безсмертное четверостишіе (французскій текстъ не даетъ возможности опредѣлить автора, да и передать въ стихахъ).

Рылѣевъ, этотъ русскій Шенье, былъ въ числѣ повѣшенныхъ. Цвѣтъ русскаго дворянства былъ безжалостно скошенъ. Чего же хотѣли заговорщики? Конституція, которую самъ Александръ жаждалъ всей душой; даруя конституцію Польшѣ, онъ выразилъ глубокое сожалѣніе, что не можетъ сдѣлать того же для своей страны ²⁾. Кто знаетъ, быть можетъ среди заговорщиковъ были люди, которые только и участвовали въ заговорѣ изъ желанія угодить своему государю?

Бывшій посолъ Марковъ находился на смертномъ одрѣ, когда его племянникъ сталъ ему рассказывать подробности мятежа и закончилъ такъ свое повѣствованіе: „однимъ словомъ, все про-

¹⁾ Другой солдатъ, очевидецъ этой сцены, рассказывая мнѣ объ этомъ на смертномъ одрѣ, выражалъ свое возмущеніе настоящаго солдата.

И. Головинъ.

²⁾ Это увлеченіе со стороны Головина. Александръ,—самъ деспотъ въ душѣ и съ улыбкой только ангела, никогда не далъ бы конституціи Россіи и эпоха его царствованія съ 1815 г. до смерти одна изъ ужаснѣйшихъ и наиболѣе реакціонныхъ въ Россіи. На почвѣ этой эпохи и возросъ Николай I-ый. Именно эта тяжкая эпоха реакціи и господства пѣмцевъ и русскихъ изувѣровъ и вызвала протестъ лучшихъ людей. *В. К.*

изошло, какъ во Франціи“.— „Ты ошибаешься, другъ мой“, отвѣтилъ Марковъ, „во Франціи сапожники захотѣли быть господами, а здѣсь—господа захотѣли быть сапожниками“. Если это былъ только упрекъ, то онъ обращается въ похвалу. Однажды Государь позвалъ къ себѣ одного изъ своихъ генераловъ, онъ былъ страшно взволнованъ. „Имѣешь ли ты представленіе объ этой брошюрѣ“, спросилъ онъ, подавая ему проектъ о конституціи, который только, что нашли въ бумагахъ Константина.

„Нѣтъ“, отвѣтилъ генераль, а вамъ, ваше величество, была ли она извѣстна?“— „Развѣ я бы такъ судилъ заговорщиковъ 14 декабря, если бы зналъ о ея существованіи“, отвѣтилъ растерянный государь. „Скажи мнѣ, кто редактировалъ проектъ?“ Генераль могъ только назвать имя переписчика—князя В... 1).

Однако участь жертвъ благороднаго заблужденія, тѣхъ, которыхъ въ Россіи иначе не называли, какъ несчастными, не была смягчена послѣ этого открытія. Только радостныя событія, происходящія въ царской семьѣ или предпріятія, которыя нуждались въ Божьей помощи, нѣсколько облегчали ихъ положеніе. Такъ, напримѣръ, въ день объявленія войны Турціи, Николай, выходя изъ Казанскаго собора, приказалъ Бенкендорфу отдать распоряженіе о томъ, чтобы сняли кандалы съ осужденныхъ за 14 декабря. Но, когда, по окончаніи срока каторги, Бенкендорфъ хотѣлъ назначить имъ для жительства лучшіе города Сибири, чтобы имѣть возможность лучше за ними слѣдить, Николай этому воспротивился: О чемъ ты думаешь, сказалъ онъ, „развѣ можно дать имъ возможность пользоваться благами жизни въ лучшихъ центрахъ края“.

Взявъ карту Сибири, Николай собственноручно отмѣтилъ для мѣста ихъ жительства самыя отдаленныя, самыя пустынные, мѣста этого печальнаго края. Вслѣдствіе этого распоряженія несчастные болѣе страдали на поселеніи, чѣмъ на каторжныхъ работахъ, которыя собственно сами по себѣ не были для нихъ тяжелыми и благодаря которыхъ они имѣли утѣшеніе жить всѣ вмѣстѣ 2).

Первый завѣдывавшій осужденными, собранными въ Нерчинскѣ, встрѣтилъ ихъ въ халатѣ и со словами: „что вы тамъ харахоритесь, съ васъ тутъ живо собьютъ спѣсь“.

1) Не князь ли Вяземскій.

2) Это было болѣе чѣмъ жестоко и совершенно незаконно, здѣсь обнаружилъ Николай чувство мстительности, недостойное монарха.

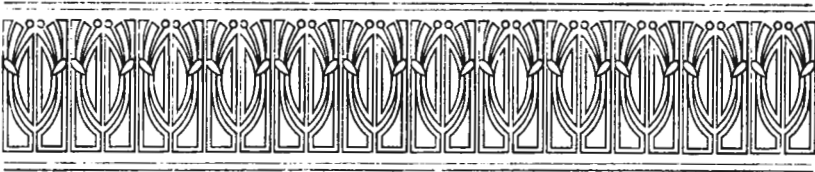
По первой жалобѣ на этого завѣдывающаго, на его грубость, Николай его прогналъ и на его мѣсто назначилъ генерала Лепарскаго добраго, просвѣщеннаго человѣка, командовавшаго раньше конно-егерскимъ имени Николая полкомъ.

Сосланные же не могли нахвалиться своимъ новымъ начальствомъ. Приведемъ еще случай въ пользу Николая. Одинъ изъ заговорщиковъ, князь Оболенскій, былъ его личнымъ врагомъ. На всѣ вопросы Николая онъ отвѣчалъ по-французски, не титулуя его, а называя; „monsieur“. Комиссія, желая угодить Николаю, приговорила его къ смертной казни. Николай вычеркнулъ его имя, сказавъ: „это низость!“ Но одинъ полковникъ Московскаго полка, у котораго по службѣ раньше были столкновения съ Николаемъ, былъ осужденъ строже другихъ и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые всего менѣе воспользовался рѣдкими и скудными милостями своего бывшаго начальника. „Что Вамъ сдѣлалъ Вашъ Государь“, спросилъ Николай у одного изъ заговорщиковъ, которому онъ дѣлалъ честь лично его допрашивать. „У насъ былъ не одинъ, а два Государя“, былъ отвѣтъ, „вашъ братъ и Аракчеевъ“, и такъ какъ онъ продолжалъ въ подобномъ тонѣ, то присутствовавшій на допросѣ Михаилъ Павловичъ не выдержалъ и вскрикнулъ: „ему нужно заткнуть глотку штыкомъ“.

„Вы только-что спрашивали“, продолжалъ обвиняемый на эту грубость великаго князя, „зачѣмъ намъ конституція, и я вамъ отвѣчу, что она нужна, чтобы было невозможно подобное обращеніе“.

Сообщ. Б. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русская политика герцога Карла Шведскаго ¹⁾.

Изъ англійскихъ архивовъ.

„Нужно быть очевидцемъ ребяческаго поведенія двора, чтобы составить себѣ представленіе о жалкихъ задачахъ, выдвигаемыхъ шведской иностранной политикой. Швеція стремительно идетъ къ своей гибели и пытается напортить тѣмъ державамъ, которыя могли бы ей еще оказать поддержку“.

Эти слова взяты изъ донесенія англійскому правительству отъ 4 декабря 1795 г. и принадлежатъ повѣренному въ дѣлахъ въ Стокгольмѣ, Шарлю Арбутноту. Молодой, дѣльный и честный дипломатъ, впервые назначенный на отвѣтственный постъ, былъ отлично освѣдомленъ во виѣшной политикѣ Швеція и ея внутреннемъ положеніи, и его депеши своему правительству очень содержательны. Въ частности же онъ сообщалъ своему правительству много важнаго, благодаря близкому знакомству съ русскими дѣлами при стокгольмскомъ дворѣ. Это было время регентства Карла, который номинально управлялъ Швеціей за несовершеннолѣтіемъ короля Густава Адольфа, фактически же всѣмъ распоряжался любимецъ герцога Рейтергольмъ. Въ концѣ регентства ясно обнаружился кризисъ иностранной политики, вызванный легкомысліемъ Рейтергольма и слабостью герцога. Въ послѣднихъ числахъ августа 1795 г. Арбутнотъ увѣдомилъ государственнаго секретаря графа Барка, что 28 августа между Англійей, Россіей и Австріей заключенъ оборонительный союзъ, направленный противъ Франціи.

¹⁾ Взято изъ книги L. Wahlström, Gustavianska Studier, Stockholm Nordstedt u. Söhner Verlag. 1914.

Въ интересахъ союзныхъ державъ было привлечь на свою сторону нейтральныя страны, въ частности Швецію и Данію. Въ задачу Арбутнота поэтому входило стремиться къ ослабленію французскаго вліянія въ Швеціи и усиленію русскаго.

Въ началѣ декабря 1795 г. вновь назначенный русскій посланникъ, баронъ Будбергъ, прибылъ въ Стокгольмъ, откуда его предшественникъ Румянцевъ уѣхалъ еще въ августѣ 1794 г. Будбергу въ виду желательности сближенія Россіи съ Англіей было предписано завязать дружескія отношенія съ Арбутнотомъ, и уже на первыхъ порахъ онъ былъ очень откровененъ съ англійскимъ дипломатомъ, и даже показывалъ ему свою корреспонденцію. Впрочемъ, общество Будберга врядъ ли было пріятно Арбутноту. Русскій посланникъ уже однажды пріѣзжалъ въ Стокгольмъ съ порученіемъ и сумѣлъ возбудить такую ненависть, что въ его теперешнемъ назначеніи, писалъ Арбутнотъ, усмотрѣли желаніе довести до бѣшенства шведское правительство. Будбергъ въ короткое время возстановилъ противъ себя и дворъ, и дипломатическіе круги.

Отношеніе къ Будбергу ярко выразилось въ презрительномъ пріемѣ, оказанномъ ему въ первомъ же официальномъ представленіи. Русскаго посланника герцогъ-регентъ встрѣтилъ съ хлыстомъ въ рукѣ. „Какъ бы предупреждая Будберга, что при малѣйшемъ знакѣ непочтительности, онъ сдѣлаетъ ему практическое внушеніе“.

Но этой довольно наивной демонстраціей шведскаго правительства только внѣшне проявилось безцеремонное отношеніе къ Россіи. На самомъ же дѣлѣ, позволяя себѣ публично оскорблять русскаго посланника, тайнѣ уступали его угрозамъ. Будбергъ самъ говоритъ Арбутноту, что ему было поручено выразить неудовольствіе русской императрицы шведской политикой, въ частности переговорами о союзѣ съ Франціей и противорѣчащей планамъ Екатерины помолвки юнаго короля Густава Адольфа съ Мекленбургской принцессой. Будбергъ показывалъ Арбутноту телеграмму русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Остермана, въ которой рѣзко выражалась гнѣвъ императрицы на Швецію— „она выставляетъ себя на великій скандалъ всей Европы, принимая отъ этихъ царсубійцъ деньги на вооруженія. Если бы не приближалось совершеннолѣтіе короля, она была бы готова пойти на открытый разрывъ съ Швеціей“.

Но вызывающее поведеніе Будберга внушило шведскому правительству такой явный страхъ передъ гнѣвомъ императрицы, что уже въ серединѣ февраля оно было серьезно озабочено, какъ

бы разстроить помолвку, переговоры о которой начались въ августѣ, а 1 ноября закончились официальнымъ объявленіемъ. И вотъ на 11 февраля было созвано совѣщаніе по этому поводу и рѣшено было, если не разстроить обрученія, то во всякомъ случаѣ отложить свадьбу. Неофициальнымъ мотивомъ послужило нежеланіе этого брака юнымъ королемъ. Герцогиня Шарлотта, супруга регента, видѣла портретъ Мекленбургской принцессы и отзывалась о ней, какъ о чрезвычайно некрасивой особѣ, похожей на „нарядившуюся горничную“. Лица же, видѣвшія принцессу, прямо говорили, что у нея былъ горбъ на спинѣ.

Насколько императрицѣ хотѣлось снова вернуть свое утраченное вліяніе въ Швецію, видно изъ того факта, что она въ февралѣ этого же года отправила генерала Будберга, кузена посланника, съ неофициальнымъ, но отвѣтственнымъ порученіемъ въ Стокгольмъ. Онъ долженъ былъ разузнать о господствовавшемъ настроеніи умовъ въ Швецію и добиться перемѣны политики въ желательномъ императрицѣ направленіи.

Арбутнотъ находить, что у генерала Будберга былъ умѣренный и сдержанный характеръ, но съ англійскимъ посланникомъ онъ былъ изумительно откровененъ, настолько, что оставлялъ его цѣлый часъ одного съ депешами къ русскому правительству. Будбергъ говорилъ Арбутноту, что Швеція слѣдовало бы довести себя до такого положенія, чтобы не возбуждать ни въ комъ никакихъ опасеній. Для этого ей слѣдовало бы уменьшить свои границы до прежнихъ размѣровъ, т.-е. Россія должна взять Финляндію, а Данія Готеборгъ, предполагая, что датчане предпочтутъ союзъ съ Россіей и Англійей въ выборѣ комбинаціи съ другими державами.

Но въ планы могущественнаго Рейтергольма, противника сближенія съ Россіей, фактически устроившаго помолвку короля съ принцессой Мекленбургской, совершенно не входило назначеніе генералу Будбергу официальной аудіенціи при дворѣ. Последнему пришлось поэтому прибѣгнуть къ услугамъ негласныхъ посредниковъ. Онъ нашелъ ихъ въ небольшомъ кругу французскихъ эмигрантовъ, жившихъ тогда въ Стокгольмѣ, какъ и при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Въ частности графиня де-С.-Пріестъ, жена бывшаго министра Людовика XVI, могла быть ему полезна, хотя она жила въ Стокгольмѣ, но получила субсидіи отъ Россіи и охотно предложила генералу свои услуги. Затѣмъ французскій артиллерійскій офицеръ, преподававшій королю военныя науки, Сюрманъ, также негласно помогалъ Будбергу, но

самымъ важнымъ его посредникомъ сдѣлался швейцарскій авантюристъ Фердинандъ Христинъ.

Сынъ банкира изъ Ивердена въ Нефшатель, агентъ Колонна, генеральнаго финансоваго контролера при Людовикѣ XVI, онъ пользовался деньгами отца, помогая Колонну въ его комбинаціяхъ. Послѣдовательно секретарь эмигрантскаго совѣта въ Кобленцѣ, агентъ французскихъ принцевъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ считывалъ на мѣсто „chargé d'affaires“ или даже посланника, по обману въ своихъ надеждахъ Колонной, ѣдетъ въ Лондонъ въ качествѣ агента французскихъ принцевъ, и, наконецъ, осенью 1795 г. попадаетъ въ Стокгольмъ по дорогѣ въ Петербургъ.

Здѣсь онъ возбудилъ всеобщее любопытство, а послѣ его хвастливыхъ увѣреній, что Людовикъ XVI посылалъ его для переговоровъ со своими братьями, самъ герцогъ Карлъ имъ заинтересовался и далъ ему аудіенцію. Авантюристъ очаровалъ своимъ разговоромъ даже умную герцогиню Шарлотту, и только юному королю онъ показался подозрительнымъ тѣмъ, что, выдавая себя за швейцарскаго маіора, носилъ на придворномъ балу старья шведскія эпoletы и шведскую шпагу. Но не всѣ были такъ проницательны, и въ салонѣ графини де-Пріестъ, центрѣ эмигрантскихъ и дипломатическихъ круговъ, Христинъ скоро сдѣлался желаннымъ гостемъ. Здѣсь же онъ познакомился съ Сюрмэнномъ и Арбутнотомъ и сблизился съ ними. Онъ надѣялся устроить выгодную женитьбу въ Петербургѣ, и желая поднять свои акціи оказываніемъ услугъ русскому правительству, онъ скоро близко познакомился съ положеніемъ русскихъ дѣлъ въ Стокгольмѣ. Генераль Будбергъ, который не пользовался репутаціей дипломата, часто прибѣгалъ къ ловкому перу Христина и поручалъ ему составлять депеши своему правительству, а швейцарецъ иногда уносилъ ихъ къ себѣ и шифровалъ.

Не добившись аудіенціи при дворѣ, генераль былъ радъ найти помощника въ лицѣ Христина, передъ которымъ всѣ двери были открыты. Когда же герцогъ при встрѣчѣ съ Христиномъ самъ заговорилъ о Россіи, швейцарецъ попросилъ у Будберга разрѣшенія „раскрыть герцогу глаза на истинные интересы Швеціи“ и предупредить его, что „недоразумѣнія между Россіей и Швеціей могутъ перейти въ войну, если Швеція не поспѣшитъ переговорами помѣшать этому“.

Будбергъ наивно выразился: „Я полагалъ, что тѣмъ охотнѣе долженъ согласиться на предложеніе въ виду его увѣренія, что

онъ заботится только о всеобщемъ благѣ, и я могу его „désavouer“, если его слова будутъ плохо приняты или не совпадутъ съ тайными намѣреніями императрицы“.

Благодаря Сюрмэну, преподавателю короля, Христинъ присутствовалъ 23 февраля при „lever“ герцога и когда герцогъ „дружести заговорилъ съ нимъ о Россіи и спросилъ, знаетъ ли онъ, что императрица вооружается, Христинъ попросилъ и получилъ аудіенцію, которая была назначена на слѣдующій же день.

Въ указанное время Христинъ засталъ герцога одного, и между ними произошла слѣдующій разговоръ.

Христинъ заявилъ, что ему извѣстна точка зрѣнія Швеціи—воевать съ Россіей, но такъ какъ теперь еще можно найти выходъ для избѣжанія войны, то онъ считаетъ своимъ долгомъ сообщить объ этомъ герцогу.

Герцогъ возразилъ, что онъ всегда поступалъ какъ „лояльный рыцарь“ и по отношенію къ императрицѣ, и если она нападетъ, то всѣ партіи въ Швеціи сплотятся вокругъ него, чтобы защищаться до послѣдней капли крови.

Послѣ довольно дерзкаго возраженія Христина, что напротивъ правительство имѣетъ массу враговъ, которые сейчасъ же воспользуются этимъ случаемъ для открытаго выступленія, а императрица, объявляя о войнѣ, разошлетъ манифестъ, который раскроетъ народу глаза на истинныхъ защитниковъ войны, она же рѣшилась на это съ болью въ сердцѣ, вынужденная невозможностью терпѣть дольше у своихъ границъ гибельную систему, которую она напрасно старалась всѣми способами разрушить. Герцогъ снизошелъ до отвѣта; онъ не сдѣлалъ ничего ни для нарушенія добрыхъ отношеній, ни для сближенія, и прибавилъ: „Я слишкомъ хорошо знаю высококомѣріе русскихъ министровъ, достаточно мнѣ будетъ сдѣлать малѣйшій шагъ, какъ мнѣ начнутъ говорить дерзости и вообразятъ, что я испугался вашихъ угрозъ“.

Христинъ увѣрялъ герцога, что императрица будетъ очень расположена вступить въ переговоры, но пусть совѣтники герцога не воображаютъ, что можно ихъ начать только съ цѣлью выиграть время. Императрица питаетъ чисто материнскую нѣжность къ королю и она не хочетъ, чтобы взрывъ ненависти между двумя народами обрушился на юнаго короля, который не повиненъ въ его возникновеніи. Она надѣется, что благодаря же-

стокой войнѣ, которая случится раньше, чѣмъ король возьметъ бразды правленія въ свои руки, можно будетъ избавить Швецію отъ политической зависимости, къ которой привела страну теперешняя система“.

Герцогъ, на котораго, повидимому, произвели сильное впечатлѣніе слова Христина, спросилъ его, какъ можно сблизиться съ императрицей, когда она навѣрно потребуетъ нарушенія помолвки короля и союза съ Франціей, а герцогъ не можетъ иначе, какъ опозоривъ себя, порвать дѣло, зашедшее такъ далеко.

На совѣтъ Христина сослаться на желаніе короля и выродить себя, герцогъ спросилъ, неужели его считаютъ человекомъ, который каждую минуту мѣняетъ мнѣніе, но Христинъ все же посовѣтовалъ согласиться на союзъ, который иначе его можетъ заставить подписать императрица на условіяхъ, которыя она ему будетъ диктовать, опираясь на свои войска.

Онъ распространялся также о русской арміи, о ея выгодномъ внѣшнемъ положеніи, между тѣмъ какъ Швеція можетъ противоставить только плохо дисциплинированную армію безъ генераловъ, негодную артиллерію, запутанные финансы, партіи, всеобщее неудовольствіе, союзъ съ народомъ безъ правительства и т. д. Въ заключеніе онъ умолялъ герцога остерегаться всего, что даетъ ему ложное представленіе объ истинномъ положеніи дѣлъ. Герцогъ спросилъ его, подъ честнымъ словомъ, говорилъ ли онъ обо всемъ этомъ съ другими. На отвѣтъ Христина, что только съ Сюрмэномъ, герцогъ взялъ его за обѣ руки и доверчивымъ тономъ спросилъ: „дѣйствительно ли вы честный человекъ, господинъ Христинъ, и могу ли я открыться вамъ“? На утвердительный отвѣтъ онъ сказалъ, что не знаетъ, желаетъ ли онъ войны, но во всякомъ случаѣ предпочитаетъ пасть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ опозорить себя.

— Укажите мнѣ выходъ, которымъ можно защитить честь, и я готовъ пойти на все, что вы мнѣ предложите.

Христинъ рекомендовалъ ему обратиться къ генералу Будбергу, какъ подходящему посреднику; но герцогъ сказалъ, что это невозможно, въ настоящее время ему приходится „щадить слишкомъ много людей“, въ Швеціи не могутъ забыть объ оскорбленіи, нанесенномъ шведскому посланнику въ Петербургѣ; пусть Христинъ спроситъ опредѣленіе русскаго генерала, чего желаетъ теперь императрица, но не проговорится, что вопросъ исходитъ отъ герцога.

Больше всего озабочиваетъ его, если императрица потребуетъ нарушенія помолвки. Затѣмъ онъ привелъ мало правдоподобную исторію, что однажды начатыя переговоры о помолвкѣ юнаго короля съ русской великой княжной разстроились изъ-за желанія императрицы, чтобы великая княгиня имѣла православную часовню и священника своей религіи, что противорѣчитъ основнымъ положеніямъ шведскаго королевства, и закончилъ, что нарушилъ бы союзъ съ Франціей, если бы нашелъ выгоду въ другой комбинаціи, и сдѣлалъ бы все зависящее, чтобы возстановить прежнія хорошія отношенія между Россіей и Швеціей.

Во время слѣдующаго разговора, 26 февраля, Христинъ, успѣвшій повидать генерала Будберга, передалъ герцогу, что императрицѣ чрезвычайно не нравится шведско-французскій союзъ, а также нарушеніе Дротнинггольмскаго трактата. Лучшее же средство прекратить всѣ недоразумѣнія — это королю и герцогу поѣхать въ Петербургъ. Герцогъ возразилъ, что это невозможно, оба не могутъ покинуть страны. Императрица же должна усмотрѣть доказательство искренняго желанія сближенія между Россіей и Швеціей въ фактъ отозванія шведскаго посланника Сталя изъ Франціи. Герцогъ обѣщалъ Христину передать обо всемъ королю, но счелъ нужнымъ предупредить его, что король не очень расположенъ къ Россіи, и думаетъ, что императрица насъ не любитъ“.

Христинъ горячо протестовалъ, эти мысли королю внушаетъ Рейтергольмъ, и просилъ дать ему аудіенцію у Рейтергольма, чтобы онъ могъ доказать ошибочность этого предубѣжденія. Герцогъ разрѣшилъ, но предупредилъ, что Рейтергольмъ можетъ „наболтать глупостей. Я поддерживаю этого человѣка, онъ мнѣ необходимъ, но вообще онъ страшно горячая голова, экзальтированно настроенный“.

На просьбу Христина объ аудіенціи Рейтергольмъ отвѣтилъ согласіемъ, но высококомѣрно прибавилъ: что его ничуть не интересуетъ узнать, что Христинъ говорилъ герцогу. Аудіенція состоялась 27 февраля, при чемъ министръ такъ сурово обошелся съ Христиномъ, обнаружилъ укоренившуюся ненависть къ Россіи въ такихъ выраженіяхъ, что генералъ Будбергъ, донося объ этомъ, не рѣшился ихъ повторить.

Въ частности Рейтергольмъ забылся до послѣднихъ предѣловъ, позволилъ себѣ личные грубые выпады противъ императрицы, увѣрялъ, что православной религіи никогда не утвердятся въ Швеціи и т. д.

Въ концѣ разговора Христинъ выразился слѣдующимъ рѣзкимъ образомъ: „Герцогъ меня хотя предупредилъ, что вы можете наболтать глупости, но я думалъ, что онѣ будутъ касаться меня. Если бѣ я только могъ себѣ представить, что Вы осмѣлитесь наговорить мнѣ нѣчто подобное про императрицу, я, разумѣется, не сталъ бы подвергаться выслушиванію этого. Я слишкомъ ясно вижу, что всякая надежда на переговоры потеряна, разъ Вы руководитель правительственнаго совѣта. Желаю Вамъ не имѣть повода раскаиваться въ эксцессахъ, которымъ Вы осмѣлились предаваться“. Уходя, Христинъ, объявилъ, что „такого скандала быть можетъ еще не было съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ короли и министры“, на что Рейтергольмъ возразилъ, „что въ прежнія времена этого нельзя было сказать“.

Послѣ этого Христинъ написалъ герцогу письмо, прося о новой аудіенціи, только, чтобы имѣть случай сказать, что „Швеція удаляется отъ честнаго и счастливаго пути“.

„Иностранецъ, не побуждаемый никакими эгоистичными цѣлями, болѣе безпристрастенъ, чѣмъ заинтересованныя лица, но навѣрно государи рѣдко встрѣчаютъ людей, которые безкорыстно захотятъ подвергнуться неприяностямъ, навлекаемымъ на нихъ непрошенными лицами“.

Христинъ подвергалъ себя большой опасности, никто не признавалъ въ немъ официального посредника, такъ что швейцарецъ даже не могъ бы требовать защиты ни у одного посланника.

Съ этой запиской въ рукѣ Христинъ самъ пошелъ къ герцогу, который принялъ его въ ночномъ халатѣ, такъ какъ онъ только-что вскочилъ съ кровати. Сперва герцогъ вспылилъ, но когда Христинъ сказалъ, что онъ будетъ хранить молчаніе о выходкѣ Рейтергольма, такъ какъ „отчетъ о ней могъ бы дать больше, чѣмъ одинъ поводъ для войны“, и повторилъ нѣкоторыя изъ выраженій Рейтергольма, то герцогъ отвѣтилъ, что онъ осуждаетъ и „désavouait“ Рейтергольма съ начала до конца. „Не думайте, что Рейтергольмъ пользуется такимъ вліяніемъ, какъ говорятъ, онъ мнѣ полезенъ и нуженъ, но онъ не руководитъ мною. Онъ можетъ имѣть свой образъ мыслей, я же думаю совершенно иначе“.

Въ частности герцогъ заявилъ, что склоненъ къ сближенію съ императрицей и не позволитъ воспрепятствовать въ этомъ Рейтергольму, который уже противъ своей воли долженъ былъ согласиться на отозваніе Стаала изъ Франціи. Съ королемъ герцогъ еще ни о чемъ не говорилъ, почему и не принялъ въ тотъ

же день генерала Будберга. Онъ рѣшилъ отсрочить совершеннолѣтіе короля на 4 мѣсяца, согласно завѣщанію покойнаго короля. Къ этому времени Густавъ Адольфъ будетъ въ состояніи самъ управлять королевствомъ, а съ герцога спадетъ большое бремя.

Во время слѣдующей аудіенціи, 2 марта, Христинъ сказалъ герцогу, что хотя онъ осыпанъ его милостями, но все-таки онъ не могъ добиться его довѣрія, что касается правды въ общественныхъ слухахъ. Въ частности генераль Будбергъ потерялъ уже 2 недѣли и не могъ добиться аудіенціи, и общество не можетъ уже вѣрить искренности сближенія съ Россіей до тѣхъ поръ, пока избѣгаютъ переговоровъ съ лицомъ, въ тысячу разъ болѣе подходящимъ для ускоренія рѣшенія. Противъ „добрыхъ намѣреній герцога“ борется Рейтергольмъ, а такъ какъ ему, Христину, неудобно спорить съ министромъ, который пользуется довѣріемъ герцога, то онъ видитъ себя вынужденнымъ отступить.

Герцогъ возразилъ, что Рейтергольмъ, у котораго „железный, неподатливый характеръ“, былъ чрезвычайно раздраженъ нарушеніемъ помолвки само по себѣ, а еще больше—возможностью обвиненія его въ страхѣ передъ Россіей, и герцогъ увѣренъ, что рѣзкость Рейтергольма была вызвана опасеніемъ, какъ бы Христинъ этого не подумалъ.

Что касается генерала Будберга, то онъ можетъ получить аудіенцію въ слѣдующее воскресенье, когда король будетъ здоровъ, и прибавилъ тихимъ голосомъ: „я хочу сближенія съ императрицей, но скажу вамъ между нами, что во всякомъ случаѣ страшно трудно выпутаться изъ тисковъ, которыми вы насъ окружили. Мы устроили бракъ, мы его разстраиваемъ, ахъ, это ужасно“.

— Да, вотъ еще новость: Суворова, послѣ того, какъ онъ осмотрѣлъ финскія крѣпости, услали въ Персію, за тысячи верстъ отъ насъ.

Затѣмъ событія показали, что герцогъ опять уступилъ Рейтергольму, генералу Будбергу отказали въ аудіенціи въ воскресенье, подъ предлогомъ, что королю это неудобно, и Христинъ уже начиналъ безпокоиться за свое участіе въ этихъ переговорахъ, такъ какъ герцогъ явно его „désavouait“. Онъ могъ только завѣрить честнымъ словомъ Будберга, что все, что онъ ему передавалъ, была правда.

Еще одну услугу оказалъ Христинъ генералу; онъ просилъ Сюрмэна позондировать короля на урокѣ. Сюрмэнъ разсказалъ своему ученику о разговорахъ Христина съ герцогомъ и Рейтер-

гольмомъ. Король просилъ Сюрмэна передать Христину благодарность, Рейтергольма же порицалъ, объ императрицѣ онъ отзывался съ уваженіемъ, но ничего не сказалъ насчетъ укрѣпленія добрыхъ отношеній съ Россіей. Тогда Сюрмэнъ написалъ записку, изложивъ выгоды отъ союза съ Россіей, король прочелъ ее, но не осмѣлился сохранить ее, иначе онъ будетъ вынужденъ показать ее герцогу, и тогда Сюрмэнъ будетъ погибшимъ человекомъ.

Христину удалось также вывѣдать черезъ друга короля о его намѣреніяхъ насчетъ женитьбы. Король не хотѣлъ жениться на Мекленбургской принцессѣ и откровенно сказалъ объ этомъ герцогу, но официально не рѣшился высказаться изъ чувства ложнаго стыда. Онъ ничего не имѣетъ противъ брака съ великой княжной, но Рейтергольмъ все еще льститъ себя надеждой женить его на Мекленбургской принцессѣ. Это была уже послѣдняя услуга Христина Будбергу. Видя, что отношеніе герцога къ нему измѣнилось, онъ началъ давать отбой и подѣлился планами съ Арбутнотомъ. Англійскій посланникъ намекнулъ, что довѣріе къ Арбутноту разсматривается, какъ услуга Англій, и уговаривалъ Христина сообщать ему обо всѣхъ переговорахъ за счетъ Россіи. Христинъ согласился только при условіи, если Арбутнотъ рекомендуетъ его англійскому посланнику въ Петербургъ—Уинворту—куда Христинъ теперь ѣдетъ, и общается, что Воронцовъ, русскій посланникъ въ Лондонѣ, ничего объ этомъ не будетъ знать.

Христинъ уѣхалъ 25-го марта, послѣ того, какъ онъ 20-го получилъ приказаніе шведскаго правительства покинуть страну. Конечно, Рейтергольмъ догадался, что за кулисами что-то происходитъ, и сразу положилъ конецъ откровеннымъ разговорамъ герцога съ Христиномъ. Герцогъ даже не осмѣлился дать прощальной аудіенціи Христину. Положеніе было такое, что генералъ Будбергъ просилъ обо всемъ сообщать ему только черезъ Арбутнота, такъ какъ не хотѣлъ, чтобы его сношенія съ Христиномъ стали извѣстны. Фактически же онъ желалъ скорѣйшаго отъѣзда Христина изъ Швеціи, ибо публика уже узнала о выступленіи герцога и Рейтергольма. О Христинѣ въ шведской исторіи больше ничего не было слышно, но думаютъ, что онъ остался въ Россіи и пользовался тамъ покровительствомъ старой княгини Варвары Туркестановой.

Естественно, что шведское правительство старалось свести на нуль переговоры герцога съ Христиномъ, упорно отрицало, что герцогъ даже одну минуту слушалъ его. Но французскій послан-

никъ въ Стокгольмѣ Le Nos рассказывалъ со словъ государственнаго канцлера Спарре, что герцогъ нѣсколько дней былъ исполненъ рѣшимости исполнить требованія императрицы; но въ конечномъ счетѣ вліяніе любимца Рейтергольма оказалось сильнѣе.

Въ виду этихъ обстоятельствъ генераль Будбергъ увидѣлъ безнадежность попытокъ сближенія со шведскимъ правительствомъ. Не одинъ шведъ не осмѣливался приблизиться къ его дому, а иностранные дипломаты, за исключеніемъ Арбутнота, входили къ нему „съ дрожью“ и очень рѣдко.

Самъ генераль рѣшилъ не появляться при дворѣ, даже если его пригласятъ, и когда оффиціальнй пріемъ былъ ему, наконецъ, назначенъ, приблизительно 15 марта, онъ сказался больнымъ. Офицеръ, который явился къ нему 4 апрѣля съ приглашеніемъ отъ герцога, не былъ принятъ.

Теперь въ планы Будберга входило побудить императрицу серьезно угрожать войной и выставить предлогомъ выходку Рейтергольма. Но Арбутнотъ, который лично старался о сохраненіи мира между Швеціей и Россіей, находилъ печальнымъ, „чтобы равновѣсію Сѣвера могла угрожать необъяснимая глупость и наглость одного лица“, и онъ 7 апрѣля имѣлъ разговоръ съ государственнымъ канцлеромъ Спарре и предупредилъ его, что уже союзъ съ Франціей поставилъ Швецію въ опасное положеніе, которое выходка Рейтергольма еще усилила, и онъ, бывая часто въ обществѣ обоихъ Будберговъ, знаетъ, что Екатерина въ высшей степени раздражена, и „Финляндія, однажды завоеванная, уже не будетъ возвращена“.

Въ случаѣ возникновенія войны, симпатіи Англіи не будутъ на сторонѣ Швеціи, и даже если бы это случилось, Англія не въ состояніи была бы помочь ей. Если Рейтергольмъ дѣйствительно любить свою страну, онъ долженъ ее покинуть, и промедленіе въ данномъ случаѣ можетъ оказаться гибельнымъ. Спарре заявилъ, что не подозрѣвалъ, что опасность такъ велика, и призналъ, что Рейтергольмъ, котораго онъ очень уважаетъ, долженъ покинуть страну.

Будбергъ очень благодарилъ Арбутнота, когда тотъ передалъ ему о разговорѣ, и англійскій дипломатъ, по его словамъ, поступилъ такъ, зная, что въ глубинѣ души императрица не желаетъ войны съ Швеціей. Арбутнотъ очень старался получить согласіе своего правительства на посредничество, и скоро оно его увѣдомило, чтобы онъ никоимъ образомъ на далъ повода къ недоразумѣнію, будто существуетъ натянутость въ отношеніяхъ Англіи и Россіи. Ему же писали изъ Англіи, что шведское пра-

вительство старается создать тренія между обѣими державами, намекая, что отношенія между Швеціей и Англійей могли бы быть дружественнѣе, чѣмъ въ такое время, когда „Швеція требуетъ субсидіи отъ враговъ Англійи и старается натравливать Турцію на Россію и Австрію“.

Арбутноть, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, продолжалъ дѣло посредничества. Черезъ него шведское правительство освѣдомлялось о желаніяхъ Будберга, и послѣдній отвѣтилъ, что не имѣетъ разрѣшенія начать переговоры, пока Рейтергольмъ останется въ странѣ, и совѣтовалъ отправить письмо императрицѣ. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Будберга съ довѣреннымъ герцога, барономъ Гамильтономъ, генераль потребовалъ прекращенія всякихъ сношеній съ Франціей и оффиціального объявленія о разстройствѣ помолвки. Гамильтонъ отвѣтилъ, что его правительство, въ доказательство искренности своихъ намѣреній, рѣшило прекратить всякія вооруженія и желало бы знать, какого рода аудіенцію генераль желаетъ получить, но Будбергъ сухо отвѣтилъ, что неумно прекращать вооруженіе и излишне теперь принимать его, когда онъ больше всего желаетъ быть отозваннымъ назадъ, что дѣйствительно и случилось.

По отъѣздѣ генерала Будберга переговоры продолжались между посланникомъ Будбергомъ и довѣренными лицами герцога, много стараній прилагала также графиня де Ст.-Приестъ, но въ концѣ концовъ шведскому посланнику въ Петербургѣ Штедингу удалось лестью подѣйствовать на Рейтергольма и склонить его къ уступчивости, въ результатѣ чего герцогъ и король написали слѣдующее частное письмо императрицѣ. Вотъ текстъ письма герцога.

Стокгольмъ, 16 апрѣля 1796 г.

„Въ настоящее время, когда, повидимому, дружеское объясненіе еще можетъ загладить печальныя послѣдствія недоразумѣній, которыя слишкомъ долго длились между обоими дворами, я считаю счастьемъ, что могу безъ обиняковъ раскрыть мое сердце по этому поводу передъ вашимъ императорскимъ величествомъ, убѣжденный, что вы не ошибетесь какъ относительно побужденія, которое двигало мною, когда я предпочелъ этотъ путь всякому другому, и не сомнѣваетесь въ чувствѣ глубокаго уваженія, которое я всегда питалъ къ вашей высокой особѣ.

Узы крови и родства, въ связи съ согласіемъ, которое еще держится между двумя націями, должны, какъ мнѣ кажется, помочь отбросить обоюдную мысль о всякихъ вражескихъ планахъ. Между тѣмъ настоящее положеніе быть можетъ давно

привело бы къ нарушенію мира, отъ чего выиграли бы только тайные враги обоихъ государствъ. Я тѣмъ болѣе убѣжденъ въ этомъ въ настоящую минуту, что имѣлъ случай видѣть ихъ тайныя козни, клонившіяся къ возбужденію недовѣрія между нами и незамѣтному подрыву довѣрія, которое лежало въ основѣ нашей дружбы. Таково, Мадамъ, мое мнѣніе о настоящемъ положеніи.

Меня очень угнетаетъ, что я раньше не нарушилъ молчанія. Въ случаѣ—въ чемъ я не сомнѣваюсь, ваше императорское величество одушевлены одинаковымъ желаніемъ согласія и мира, я нахожу, что съ обѣихъ сторонъ ничего другого не надо, какъ только „забыть прошлое“, и не входя въ дальнѣйшее представленіе по этому поводу, съ позволенія вашего императорскаго величества, съ сегодняшняго дня мы будемъ разсматривать насъ какъ двухъ добрыхъ друзей и родственниковъ, которые послѣ довольно продолжительной разлуки неожиданно находятъ другъ друга.

Я ожидаю только, Мадамъ, вашего отвѣта на мое предложеніе, чтобы затѣмъ я могъ съ радостью возобновить мои старыя отношенія съ вашимъ императорскимъ величествомъ, и я ничего не упушу, чтобы показать вамъ искренность моихъ намѣреній въ этомъ отношеніи.

Согласіе, которое еще держится между двумя государствами и которое поддерживается вашимъ императорскимъ величествомъ можетъ быстро, если вы это пожелаете, открыть путь къ болѣе тѣснымъ отношеніямъ, которымъ не помѣшаетъ соглашеніе, заключенное Швеціей въ силу необходимости или временныхъ обстоятельствъ; это значитъ, что теперешнее довѣріе Швеціи къ Франціи ограничилось бы тѣмъ, что необходимо для сохраненія нейтралитета или мира“.

Что императрицу не очень обрадовало это письмо, явствуетъ изъ холоднаго тона ея отвѣтнаго письма герцогу и королю.

Русскому министру Маркову поручено было объяснить шведскому посланнику Штедингу, что императрица желаетъ публичнаго признанія помолвки короля съ Мекленбургской принцессой недѣйствительной, а затѣмъ скорую помолвку съ ея внучкой, при чемъ Марковъ подчеркнулъ, что „медлительность противна природѣ императрицы“. Она и слышать не хочетъ разговора о соглашеніи, которое не покоится на прочномъ основаніи „семейнаго союза“, и дьявольскія козни, которыя втихомолку куютъ противъ насъ, наполняютъ ея сердце тысячью подозрѣній“.

Въ дальнѣйшемъ императрица не возбуждала больше вопроса о бракѣ и удовольствовалась приглашеніемъ герцога и короля

лѣтомъ въ Петербургъ, каковое посѣщеніе должно было закончить вопросъ объ отношеніяхъ государствъ. И герцогъ въ новомъ письмѣ увѣрялъ императрицу, что помолвка съ Мекленбургской принцессой окончательно разстроится, когда король достигнетъ совершеннолѣтія.

Будбергу же въ Стокгольмѣ сказали, что объявленіе о разстройствѣ помолвки откладывается только изъ опасенія передъ гнѣвомъ французскаго правительства. Генерала Будберга, который въ началѣ мая уѣхалъ домой, скоро отправили обратно въ Стокгольмъ, но на этотъ разъ въ качествѣ посланника. Чтобы умиротворить Россію, отстранили отъ дѣлъ Спарре въ началѣ іюня, подъ предлогомъ, чтобы онъ не „болталъ глупостей“ на министерскомъ совѣщаніи. Но Арбутнотъ передаетъ, что Спарре сказалъ французскому повѣренному въ дѣлахъ, что если только Франція согласится дать Швеціи опредѣленную сумму, то она будетъ въ состояніи выйти изъ опаснаго положенія.

Рейтергольмъ хотя заступился за Спарре, говоря, развѣ такъ важно, если „старикъ болталъ“, но это не помогло. онъ начиналъ уже беспокоиться за свою судьбу. Въ письмѣ къ другу короля, Флемингу, который могъ быть ему полезенъ, когда король вступитъ на престолъ, онъ пишетъ въ концѣ мая.

„Но устнымъ донесеніямъ курьеровъ, а по собственнымъ депешамъ, кажется, что наша ссора не будетъ стоять крови. Но что старуха не понимаетъ дружбы иначе, какъ въ формѣ брака, это совершенно ясно. Но время и обстоятельства сдѣлають ее хладнокровнѣе и терпѣливѣе, если стремленіе видѣть свою внучку счастливой приводитъ ее къ подозрительности и сварливости въ первую минуту, то, по моему мнѣнію, надо снисходительно отнестись къ ней въ виду ея старости и страстнаго желанія этого почетнаго союза“.

Даже Штедингъ находилъ, что императрица проявляетъ большой личный интересъ къ предстоящему шведскому визиту въ Петербургъ. Онъ пишетъ Рейтергольму, своему другу:

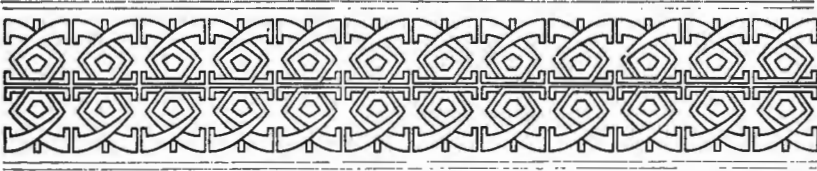
„Какъ видишь, во всемъ этомъ проглядываетъ женщина, и не въ малой долѣ тщеславіе. Вѣрно то, что императрица, хотя уже такая старая, не безъ основанія разсчитываетъ понравиться своимъ личнымъ обаяніемъ, и я не знаю никого, кто умѣлъ бы, какъ она, создавать радость и заставить себя полюбить, если ей этого дѣйствительно хочется“.

27 іюня генераль Будбергъ вернулся обратно въ Стокгольмъ, но отнесся очень сдержанно къ Арбутноту, и тотъ уже ничего не узнавалъ отъ генерала, происходить ли что-нибудь между

Швеціей и Россіей и желаетъ ли шведское правительство, чтобы русское положило конецъ недоразумѣніямъ между Англійей и Швеціей. Уже изъ другого источника онъ узналъ, что шведское правительство желаетъ установленія границы у Финляндіи, сохраненія въ силѣ Дротингольмскаго договора и уплаты субсидіи за это время, далѣе, чтобы императрица использовала Англію и Испанію для защиты шведской торговли отъ Франціи, и, наконецъ, что русское правительство заговорить о бракѣ не раньше, чѣмъ самъ король это сдѣлаетъ. Генераль разсердился и сказалъ, что императрица имѣетъ больше права ставить условія. Уже опять переговоры могли быть прерваны, но Штедингъ все уладить, и 2 августа Арбутнотъ донесъ англійскому правительству, что поѣздка въ Петербургъ рѣшена, и императрица согласна принять всѣ условія Швеціи.

Извѣстно, чѣмъ кончилась эта поѣздка. Арбутнотъ же чувствовалъ давно, что Рейтергольмъ интригуетъ противъ него, стараясь возбудить подозрѣніе русскаго правительства, что онъ старается создавать недоразумѣнія между Англійей и Россіей, и обвинилъ его въ грубыхъ и неприличныхъ выраженіяхъ объ императрицѣ. Разумѣется, Арбутнотъ зналъ, что эта выдумка не можетъ имѣть никакого успѣха у Будберговъ, но онъ чувствовалъ себя обиженнымъ и просилъ отозвать его изъ Стокгольма. „Я предпочелъ пахать землю въ Англии, чѣмъ оставаться въ странѣ съ правительствомъ, которое обращается съ иностранными дипломатами, какъ съ тайными агентами непризнанныхъ правительствъ“. Онъ покинулъ Швецію 27 января 1797 года.

Л. Гаусманъ.

Воспоминанія И. В. Е. отъ дѣтства до смерти.
(1841 — 1869 г.).

Правдивый и искренній разсказъ о жизни человѣка отъ его дѣтства до возмужалаго возраста представляетъ обыкновенно много поучительнаго и интереснаго. Такимъ разсказомъ являются „Воспоминанія“ бывшаго въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія и преждевременно скончавшагося преподавателя-инспектора Пинской, а затѣмъ Бѣлостокской гимназій И. В. Е.

Съ возрастомъ въ индивидуумѣ смѣняются, незамѣтно для него самого, его интересы, стремленія, возрѣнія. Дитя интересуется не тѣмъ, что интересуется юношу или возмужалаго человѣка, и наоборотъ. Такую смѣну читатель замѣчаетъ и въ „Воспоминаніяхъ“.

Описывая свою личную жизнь, авторъ не вольно изображаетъ и ту среду, то общество, въ которомъ ему приходилось жить и дѣйствовать.

Такимъ образомъ „Воспоминанія“ представляютъ для читателя интересъ психологическій, педагогическій и бытовой.

Издатель.

---

1. Дѣтство и ученіе въ Рѣчицкомъ приходскомъ училищѣ.

28 мая 1841 года я родился и 28 мая я окончилъ гимназію; 3 іюня меня крестили и 3 іюня я окончилъ университетъ, какое стеченіе обстоятельствъ. Въ одинъ день я явился на свѣтъ и явился членомъ общества, т. е. сдѣлался гражданиномъ его; тоже: въ одинъ день я сдѣлался причастнымъ святынѣ истины и святынѣ познанія и усовершенствованія.

Жизнь свою я началъ тѣлесными страданіями, которыя заставили сомнѣваться въ возможности моего существованія, но докторъ, принявшій участіе въ моемъ мученіи, уничтожилъ сомнѣніе родныхъ, предсказывая мнѣ быть его послѣдователемъ въ общественной дѣятельности, но предсказанія его не сбылись. Я принялъ другой путь, идя по которому, я долженъ стремиться къ осуществленію своего назначенія, какъ человѣка и какъ члена общества, среди котораго мнѣ пришлось жить.

Я былъ дитя — и жилъ какъ дитя. Я не понималъ жизни и не понималъ своего значенія въ мірѣ. Я помню то блаженное время, когда постоянная беззаботная улыбка довольства сіяла на моемъ лицѣ, и только иногда смѣнялась слезою, вызванною невозможностью удовлетворить моему капризу. Но явленіе слезы у ребенка однозначно съ явленіемъ росы передъ восходомъ солнца, столь быстро исчезающей дѣйствіемъ первыхъ лучей дневного свѣтила. Когда мнѣ было три года, я былъ взятъ бабушкой въ деревню. Здѣсь жизнь моя казалась мнѣ тогда раемъ. Нѣжная привязанность старушки заставляла ее удовлетворять моимъ дѣтскимъ прихотямъ. Я помню два случая, въ которыхъ проявилась моя дѣтская гордость и вмѣстѣ съ тѣмъ бессознательное выраженіе чувства моего личнаго достоинства. Однажды мнѣ велѣли поздороваться способомъ, свойственнымъ ребенку (поцѣловать руку), съ одной женщиной. Бросивъ на нее испытующій взглядъ и замѣтивъ ея грубую наружность и простоту костюма, я, вмѣсто исполненія приказанія, сказалъ ей дерзость, соответствующую моему возрасту и понятію. Этотъ мой поступокъ не понравился какъ повелителямъ, такъ и ожидавшей отъ меня исполненія приказанія, и я былъ наказанъ лишеніемъ удовольствія быть въ ихъ обществѣ, что мнѣ сильно было по душѣ, ибо этого я желалъ бы получить вмѣсто награды. Другой же случай былъ

слѣдующій. На шестомъ году я былъ отданъ для обученія одной дамѣ или двѣицѣ (этого не помню). Наружныя качества ея еще и теперь не изгладились у меня изъ памяти. Она была высокаго роста, стройная, красивая лицомъ и довольно молода. Она принялась меня учить азбукѣ. Первые уроки были очень удачны, и своими успѣхами я приводилъ въ восторгъ свою наставницу. Ежедневныя похвалы сыпались на мою голову, и ежедневно я получалъ отъ бабушки подарки за свои успѣхи. Но этому положенію суждено было существовать не долго. Однажды, сидя за азбукой, я сильно задумался. Мысленно я перенесся въ прошедшее, передо мной, какъ сновидѣніе, явились съ своими увлекательными для младенца видами дни моей безграничной и ничѣмъ не прерываемой рѣзвости, столь ощутительной и картинной въ ребяческомъ возрастѣ. Разгорѣвшееся дѣтское воображеніе сдѣлало мой слухъ нечувствительнымъ къ словамъ моего ментора. Она приказывала и заставляла, а я безмолвствовалъ; я весь былъ, казалось, далеко отъ того мѣста, гдѣ передо мной лежала отвратительная для меня въ эту минуту азбука, и гдѣ такъ безплодно исчезали въ воздухъ слова моей наставницы, терявшей уже хладнокровіе и терпѣніе. Я радъ бы былъ, если бы открылся случай ускользнуть изъ этой обители премудрости, которая была для меня душна и невыносима. Случая ожидать долго мнѣ не пришлось: менторъ мой, раздосадованный моимъ невниманіемъ, нарушивъ приличіе, ударилъ меня по рукѣ. Этого было достаточно, чтобы вызвать бурныя слезы обиды, которыя провели меня до самыхъ дверей безпрепятственно.

Возвратившись домой, я не замедлилъ разсказать все случившееся бабушкѣ и представить оное въ сколь возможно большихъ размѣрахъ. Одной слезы, явившейся на моемъ лицѣ, достаточно было, чтобы произвести на старушку сильное вліяніе и заставить ее избавить меня отъ начатыхъ мною занятій и доставить мнѣ возможность наслаждаться прежнею жизнью и по-прежнему пѣть и веселиться, подобно птичкѣ, выпущенной случайно изъ клѣтки на волю. Съ этой минуты со мной снова сроднилось спокойствіе и прежнее ученіе—мученіе, вмѣстѣ съ приобретенными познаніями, почерпнутыми изъ области знанія моей учительницы, исчезло. Итакъ, первая попытка неудачна, и щель науки не привита.

Все окружавшее меня представлялось для меня совершенствомъ. Я наслаждался всѣмъ, что только болѣе или менѣе могло доставить мнѣ удовольствіе. Внимательный взоръ старушки предугадывалъ всѣ мои желанія. Но это положеніе моей жизни

не долго продолжалось. Насталъ урочный день, въ который мнѣ объявили о моемъ выѣздѣ въ г. Р. Это извѣстіе поразило меня сильнѣе молніи, и слезы градомъ полились изъ глазъ. Мнѣ казалось прежде, что никакая сила не въ состояніи разлучить меня съ тѣмъ мѣстомъ, къ которому я привязался всею душою, и вдругъ я долженъ былъ повиноваться одному слову и безпрекословно садиться на повозку, которая стремилась умчаться меня далеко отъ оставляемаго мѣста и разлучить меня съ нимъ навсегда. Когда лошади, повинувшись голосу извозчика, тронулись съ мѣста, я бросилъ печальный взоръ назадъ и, находясь подъ гнетомъ тяжелаго настроенія и тоски, уснулъ.

Меня привезли въ Р., въ домъ родителей. Я не узналъ мать и отца и былъ дикъ и угрюмъ, но потомъ немного освоился съ своимъ положеніемъ. Ласки матери успѣли вызвать привязанность къ ней, и по истеченіи нѣкотораго времени, я успѣлъ сблизиться съ братомъ и сестрою, и ихъ присутствіе возвратило мнѣ прежнюю веселость и покой. Я даже хладнокровно и съ улыбкой дѣтской прощался съ бабушкой, и выѣздъ ея былъ для меня неощутителенъ.

Дома мало-по-малу начали меня осваивать съ необходимостью возобновить ученіе, и лестныя фразы вызвали во мнѣ энергичное стремленіе къ ученію. Меня опредѣлили въ приходское училище, въ первый классъ. Ревностное занятіе съ самаго начала подавало большую надежду. По просьбѣ родителей, учитель обращалъ на меня особенное вниманіе. Но энергія моя скоро угасла.

Во мнѣ появилась лѣность, побуждавшая часто обманывать самого учителя, который, не замѣтя во мнѣ странной перемѣны, всегда довѣрялъ моимъ дѣтскимъ увѣреніямъ. Но время открыло глаза моему педагогу. Онъ началъ слѣдить за моими поступками и успѣлъ отгадать во мнѣ проявленіе худого начала. Съ этого времени отношенія его ко мнѣ перемѣнились, онъ сталъ обходиться со мною самымъ жестокомъ образомъ, въ надеждѣ силою своей власти и своими жестокими приѣмами искоренить развивавшуюся во мнѣ лѣность и побудить меня къ ревностнымъ трудамъ. Но все было напрасно. Я нѣсколько успѣвалъ, благодаря способностямъ, но не трудамъ. Внимательный педагогъ, замѣтивъ во мнѣ большія способности, требовалъ отъ меня много, а въ результѣ выходило всегда мало. Все это было причиною того, что я пробылъ въ первомъ классѣ три года, въ продолженіе которыхъ я едва успѣлъ достигнуть возможности перейти во второй классъ. Тогда мнѣ было всего девять лѣтъ.

Во второмъ классѣ я совершенно перемѣнился. Успѣхами своими я превзошелъ всѣхъ, кто хотѣлъ только соперничать со мной. Многое я выигрывалъ здѣсь памятью. Я помню, что часто только слушая то, что училъ мой старшій братъ, я всегда безъ затрудненія могъ отвѣчать учителю заданное. Или: мнѣ стоило только со вниманіемъ выслушать разсказъ учителя, чтобы все имъ сказанное усвоить памятью. Во мнѣ возродилось самолюбіе. Я радовался своему перевѣсу надъ другими товарищами по классу и всегда старался поддержать оный, что мнѣ всегда и удавалось безъ труда.

Въ классѣ, подвергаясь строгости учителя, мы вели себя чинно и всегда притворялись кроткими овечками, но, выйдя за ограду заведенія, мы не пропускали случая, открывающаго намъ возможность сдѣлать какую-либо продѣлку. Какъ извѣстно, въ приходское училище поступаютъ дѣти разныхъ сословій; насъ дворянъ было только пятеро. Мы образовали отдѣльный кружокъ, не проникаемый для прочихъ, и дружно отстаивали всякую свою шалость, которая всегда дѣлалась сообща. Этотъ нашъ союзъ и эта общность дѣйствій до такой степени были прочны и всегда соблюдаемы, что учитель, уличивъ въ винѣ одного, никогда не ошибался, наказывая насъ всѣхъ. Онъ зналъ хорошо, что преступленіе, въ которомъ замѣшанъ одинъ изъ насъ, относилось и ко всѣмъ. Мы имѣли особенное удовольствіе раздражать евреевъ, почему при всякомъ удобномъ случаѣ старались ихъ оскорблять. Самымъ удобнымъ случаемъ было собраніе ихъ въ синагогѣ, куда мы не замедляли посылать имъ свои привѣты бросаніемъ камней въ окна, стекла которыхъ нерѣдко попадали на головы присутствующихъ. Смятеніе ихъ и шумъ, производимые нашимъ поступкомъ, приводили всегда въ восторгъ насъ, часто принужденныхъ искать спасенія отъ преслѣдованія разъяренной толпы въ мѣстахъ самыхъ неудобныхъ для существованія. Находясь часто въ подобныхъ обстоятельствахъ, мы развили въ себѣ способность скоро бѣгать. Это было причиною увѣренности, что всякое преслѣдованіе насъ со стороны евреевъ будетъ тщетно. Постоянныя жалобы евреевъ успѣли даже надѣсть учителю, такъ что онъ рѣдко когда слушалъ со вниманіемъ жалобные разсказы ихъ о послѣдствіяхъ нашихъ похожденій, а слѣдовательно и рѣдко когда взыскивалъ.

Ледъ зимою, вода лѣтомъ составляли главный предметъ нашихъ невинныхъ развлеченій. Весной и осенью мы по большей части проводили свободное время въ лѣсахъ, на лугахъ и на поляхъ, гдѣ иногда страдали чужіе гуси, лишаясь части перьевъ

изъ своихъ крыльевъ (тогда писали гусиными перьями). При этомъ намъ казалось, что приносимъ существенную пользу хозяину, лишая гусей возможности улетать вмѣстѣ съ дикими, существованіе которыхъ и пути, ими предпринимаемые, были намъ извѣстны изъ различныхъ разсказовъ.

Наступилъ выпускной публичный экзаменъ, на которомъ присутствовали всѣ знатнѣйшіе члены города. Видъ собравшейся публики произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Отвѣчая на предлагаемые мнѣ вопросы, я какъ-то невольно прослезился, чѣмъ нехотя обратилъ на себя вниманіе публики. Я былъ награжденъ похвальнымъ листомъ и отъ радости не зналъ, гдѣ его сохранить, опасаясь, чтобы кто-либо его отъ меня не отнялъ. Находясь въ такомъ положеніи, я спряталъ его такъ, что послѣ и самъ не могъ найти, и онъ исчезъ, оставивъ по себѣ только воспоминаніе. Итакъ, я окончилъ приходское училище; что со мною будетъ далѣе, это не возмущало моего спокойствія. Однажды во время отсутствія отца, который былъ въ это время въ постоянныхъ разъѣздахъ, мать начала упрекать насъ въ нашей праздности. Это мнѣ сильно не понравилось, и я, не долго думая, отправился въ присутственныя мѣста просить о принятіи меня на службу. Когда я подошелъ къ дому, гдѣ находилась канцелярія стряпчего, панической страхъ и нерѣшимость овладѣли мною. Я стоялъ долго передъ неприступнымъ хранилищемъ правосудія, и дѣтскія грезы все сильнѣе и сильнѣе тяготили мою голову. Передо мной явились, съ одной стороны, слова матери, которыя побуждали стремиться къ занятію, съ другой стороны—картина затворничества, которую я долженъ былъ испытать, сидя за столомъ въ канцелярії почти по цѣлымъ днямъ. Эти два положенія находились въ равновѣсіи и ни одно изъ нихъ не могло безъ побудительной причины восторжествовать. Мнѣ бы, можетъ быть, пришлось пробыть въ такомъ положеніи довольно долго, если бы вышедшій въ это время письмоводитель не вывелъ изъ него. Когда онъ сравнялся со мной и по знакомству одарилъ меня нѣсколькими словами, довольно лестными, я, наконецъ, осмѣлился изложить ему причину моего прихода. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ, и когда я окончилъ, онъ повелъ меня въ канцелярію и далъ мнѣ нѣсколько бумагъ для переписки. Это сначала меня сильно обрадовало, но, просидѣвъ цѣлый день въ канцелярії, я уже началъ отыскивать причину, которая дала бы мнѣ возможность не явиться на слѣдующій день. Пріѣздъ отца далъ мнѣ возможность остаться одинъ день безъ занятій, не предполагая, впрочемъ, что этотъ

случай совершенно меня избавить отъ канцелярской работы. Отецъ, узнавъ о моемъ походе, сильно разсмѣялся и позволилъ мнѣ отдыхать все каникулярное время, послѣ котораго рѣшился отдать насъ, для пріобрѣтенія познаній въ языкахъ, гувернеру, занимавшемуся въ то время въ Р. обученіемъ дѣтей и приготовленіемъ ихъ въ гимназію. Каникулы прошли, и мы дѣйствительно были отданы для обученія этому гувернеру. У него мы пробыли полгода и новаго ничего не вынесли изъ его заведенія. Между тѣмъ, время приближалось къ выѣзду въ г. М. Я весь былъ преисполненъ мыслью о дворянскомъ училищѣ, куда предполагали насъ помѣстить; ученическій костюмъ представлялся въ моихъ глазахъ въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ. Я часто задумывался надъ своимъ будущимъ положеніемъ, и во время этихъ грезъ я представлялъ себя въ кругу учениковъ, принадлежать къ обществу которыхъ мнѣ казалось совершенствомъ, то представлялъ себя перенесеннымъ изъ М. въ г. Р. и гордо взирающимъ на прежнихъ своихъ товарищей, при чемъ улыбка самодовольства всегда осѣняла мое лицо; болѣе же всего меня очаровывала картина явленія моего въ ученическомъ костюмѣ передъ лицомъ одной дѣвушки, которая была въ то время однихъ со мною лѣтъ, и къ которой я безсознательно привязался еще во время нашего общаго пребыванія въ заведеніи вышеупомянутаго гувернера.

Отъѣздъ въ Мозырь.

День нашего отъѣзда въ М. наступилъ, наконецъ. Я помню, съ какимъ нежеланіемъ отецъ собирался въ путь. Ему никакъ не хотѣлось разстаться съ мѣстомъ, гдѣ онъ родился и прожилъ почти никуда не выѣзжая все прошедшее время, но мать настаивала. Приготовленіе къ выѣзду казалось намъ чрезвычайно долгимъ и скучнымъ. Прощанія и посѣщенія всѣхъ знакомыхъ были для насъ очень непріятны, потому что имъ мы приписывали причину нашего замедленія къ выѣзду, къ которому мы такъ жадно стремились. Наконецъ наступила минута безмолвной тишины. Лица всѣхъ были печальны и сумрачны, что насъ не мало удивило, потому намъ казалось, что всѣ должны быть столь же веселы при мысли объ отъѣздѣ, какъ и мы. Началась молитва и прощаніе, сопряженное, какъ всегда водится, со слезами. Всѣ эти пріемы казались для меня странными, а представившаяся въ первый разъ совершавшаяся тогда церемонія была непонятна.

Лошади, измученныя долгимъ ожиданіемъ пассажировъ и находясь подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ мороза, начали рыть снѣгъ копытами и своимъ фырканьемъ желали выразить свое неудовольствіе. Для насъ были приготовлены всѣ удобства къ дорогѣ. Нанятый тарантасъ былъ обширенъ и хорошо сдѣланъ. Всѣ ѣхавшіе вмѣстились въ немъ, кромѣ отца и меня: мы расположились вдвоемъ на маленькихъ саняхъ, въ которыя была впряжена наша лошадь. Мы выѣхали, но едва успѣли проѣхать нѣсколько верстъ, какъ послышался изъ тарантаса голосъ: „Собаченку забыли“. Этими словами выражалось желаніе ихъ, чтобы мы съ отцомъ вернулись за нею назадъ. Это мнѣ крайне не понравилось, и я принужденъ былъ употребить уловку, которая могла бы удержать насъ отъ возвращенія.

Я сказалъ отцу, что видѣлъ своимъ глазами, какъ собака побѣжала впередъ. Это мнѣ помогло, и, мнѣ повѣривъ, поѣхали дальше, въ полной надеждѣ, что собачка бѣжитъ впереди, но ея, къ несчастію, не было, за что, конечно, я получилъ выговоръ, который снесъ прехладнокровно, потому что сознавалъ свою вину. Я не знаю, или это отъ радости, что мы ѣдемъ въ М., или отъ плотной одежды, въ которую я былъ облеченъ, но я не чувствовалъ холода, хотя былъ довольно сильный морозъ. На дорогѣ съ нами случилось приключеніе. Проѣзжая черезъ болото, лошади, погоняемыя сильно кучеромъ, вдругъ провалились. Вотъ и остановка, думалъ я, ропща въ то же время и на лошадей и на кучера. Прошло довольно долгое время, пока ихъ вытащили и отправились дальше. Когда мы подѣзжали къ городу и увидѣли церкви и каменные дома, у меня сильно забилось сердце. Я видѣлъ скорое достиженіе своей долго ожидаемой цѣли. Находясь подъ вліяніемъ восторга и волненія, я погрузился въ размышленія и началъ строить новые планы своихъ дѣйствій; во мнѣ нечаянно возродились новыя желанія и новыя намѣренія.

Переѣхавъ рѣку благополучно, мы очутились, наконецъ, въ городѣ. Погода была самая несносная. Снѣгъ вмѣстѣ съ дождемъ и сильнымъ завываньемъ вѣтра встрѣтили насъ. Это обстоятельство лишило меня возможности осматривать городъ и его строенія, которыя послѣ Р-хъ избушекъ казались мнѣ великолѣпными. Мы заѣхали къ одному знакомому Б., на дворѣ котораго я узналъ свои вещи, отправленные еще до нашего отъѣзда. Этотъ Б. содержалъ учениковъ, съ которыми хозяинъ дома не замедлил познакомить меня. При первомъ знакомствѣ нѣсколько мальчиковъ моихъ лѣтъ окружили меня и начали забрасывать своими вопросами и различными разсказами объ ихъ учениче-

ской жизни, что меня болѣе всего интересовало. Одинъ изъ нихъ, который сидѣлъ въ углу и держалъ таблицу, обрадованный возможностью хоть на нѣкоторое время избавиться отъ наскучившей ему таблицы, съ особеннымъ стараніемъ принималъ участіе въ нашихъ разговорахъ, посматривая по временамъ на высокаго, стройнаго мужчину, который былъ гувернеромъ этой квартиры и подъ руководствомъ котораго мнѣ пришлось быть. Время летѣло незамѣтно. Новые люди, новыя картины жизни поглотили все мое вниманіе. Съ одной стороны предстоящее мнѣ положеніе ученика дворянскаго училища представлялось мнѣ въ самыхъ блестящихъ краскахъ, а съ другой стороны учебныя занятія, именно, постоянное заучиванье задаваемого, отвлекали меня отъ новизны положенія. Взяться за ученье и повторить пройденное было для меня не очень пріятно.

Намъ пришлось почевать въ домѣ, комнаты котораго, вѣроятно, не были отапливаемы въ теченіе цѣлой зимы. Онѣ были холодны и сыры. Протопивши нѣсколько разъ, мы, не предусматривъ послѣдствій этого обстоятельства, расположились отдыхать. На другой день утромъ мы были ни живы, ни мертвы. Угаръ охватилъ насъ сильнѣйшимъ образомъ, и мы подъ его дѣйствіемъ пробыли цѣлыя сутки. На слѣдующій день квартира была нанята, и мы сейчасъ же перебрались въ нее. Она состояла изъ пяти обширныхъ комнатъ, и одна изъ нихъ досталась мнѣ и старшему брату. Все это какъ-то поднимало меня въ моихъ глазахъ. Быть обитателемъ отдѣльной комнаты, имѣть въ виду скорое поступленіе въ дворянское училище и облачиться въ форменный сюртукъ, все это меня, какъ мальчика, приводило въ восторгъ.

Родители, желая, чтобы мы поступили во второй классъ, для поступленія въ который мы не вполне были приготовлены, отдали насъ для обученія гувернеру Б., который занимался съ нами нѣсколько мѣсяцевъ, до вакаціи, въ теченіе которой мы окончательно подготовились подъ руководствомъ А. Б., ученика седьмого класса Минской гимназіи.

III. Въ Мозырскомъ дворянскомъ училищѣ. Отъѣздъ въ Слуцкъ.

Прошли каникулы, и мы, т.-е. я и старшій братъ, были призваны на испытаніе. Оно прошло довольно удачно, и мы очутились во второмъ классѣ. Все окружавшее насъ казалось

какимъ-то страннымъ, и долго намъ пришлось привыкать къ новому образу жизни и дѣятельности. Свыкнувшись со всѣмъ, мы пошли по слѣдамъ своихъ товарищей въ успѣхахъ и шалостяхъ.

Ученіе во второмъ классѣ шло успѣшно, только одна географія мнѣ какъ-то не давалась. Не знаю, или учитель былъ предубѣжденъ противъ меня, или я не могъ удовлетворить его желанію моими знаніями, довольно того, что этотъ предметъ воспрепятствовалъ мнѣ получить награду при переходѣ въ третій классъ.

Не то ужъ было въ третьемъ классѣ. Своими успѣхами я превзошелъ многихъ и успѣлъ обратить на себя вниманіе учителей. Однажды учитель математики, обращаясь къ цѣлому классу, сказалъ, что изъ всѣхъ учениковъ одинъ только И. Е. идетъ ровно и безукоризненно занимается. Учитель русскаго языка тоже поставилъ меня въ число первыхъ своихъ учениковъ. Его примѣру послѣдовали и прочіе. Результатомъ всего этого было то, что я получилъ въ награду книгу, которая у насъ считалась первою наградою. Съ этого времени начинается цвѣтущее состояніе моихъ учебныхъ занятій, несмотря на лихорадку, которая мучила меня въ теченіе почти цѣлаго года. Въ награду за наши успѣхи, родители позволили намъ сѣздить въ Р. къ знакомымъ и роднымъ. Нельзя представить себѣ, какою радостью мы были преисполнены при наступленіи дня нашего выѣзда. Къ тому же открылся удобный случай: одинъ изъ нашихъ дальнихъ родственниковъ посылалъ лошадей въ Р. за своими дѣтьми и изъявилъ свою готовность свезти насъ на этихъ лошадяхъ, что было и сдѣлано. Дорогой я далъ волю своей юношеской фантазіи. Я мечталъ о пріемѣ и встрѣчѣ знакомыхъ и родныхъ.

Во мнѣ величаво отзывалось самолюбивое сознаніе своего достоинства, а книжка въ золотомъ переплетѣ придавала ему еще большую силу. Я представлялъ себѣ въ роскошныхъ краскахъ встрѣчу съ бывшими товарищами по училищу, и осанка моя принимала въ ту минуту важную позу. Мы пріѣхали. Но мечты и въ десятой долѣ не осуществились. Все какъ-то было по-прежнему. Насъ встрѣтили, какъ-будто жильцовъ этого города. Да впрочемъ мнѣ не было возможности наслаждаться пріятными впечатлѣніями города. Я былъ боленъ и изнемогалъ подъ гнетомъ лихорадки, которая начала дѣйствовать мучительнѣе прежняго. Правда, гдѣ я ни показывался въ домъ, вездѣ былъ забрасываемъ похвалами и удивленіемъ о моемъ умственномъ развитіи, что возродило во мнѣ особенное стремленіе къ важничанью. Однажды къ Я. Н., у котораго я проживалъ, пришелъ К. Д.,

нашъ родственникъ, и за наше сухое привѣтствіе, состоящее въ неловкомъ поклонѣ, онъ не лестно о насъ отозвался. Это вооружило насъ противъ него, и мы постановили у него не быть, что, конечно, и исполнили, несмотря на угрозы Я. Н., который хотѣлъ заставить насъ отправиться къ нему. И только передъ выѣздомъ, напуганные до-нельзя Я. Н., мы рѣшились сдѣлать ему визитъ и вмѣстѣ попрощаться; при томъ же условились, если только К. Д. будетъ насъ упрекать, и по родственному праву, котораго мы впрочемъ не признавали, будетъ обходиться съ нами невѣжливо, сейчасъ же распрощаться и уходить; но, впрочемъ, онъ какъ бы предугадалъ наше постановленіе, и мы были имъ приняты довольно радушно и гостепріимно. Прощавшись по заведенному обычаю съ родными и знакомыми, мы оставили Р., тѣмъ болѣе, что каникулы уже подходили къ концу, и намъ предстояло новое занятіе въ старшемъ классѣ. Дорога была довольно весела. Погода намъ благопріятствовала. Только однажды, заночевавъ въ лѣсу, мы были сильно напуганы волками, которые избрали мѣсто притона около насъ и заплѣли по-своему. Это конечно заставило насъ отказаться отъ удовольствія провести ночь подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу, и мы должны были ретироваться назадъ въ оставленную нами деревню, гдѣ и провели ночь подъ вліяніемъ несносныхъ насѣкомыхъ.

Мы пріѣхали въ М., немного опоздавъ къ учебнымъ занятіямъ, за что получили маленькій выговоръ. Но впечатлѣніе, произведенное имъ, исчезло при видѣ бабушки, которая гостила у насъ и къ которой мы были сильно привязаны. Мнѣ притомъ объявили, что М. Р. хотѣла пригласить меня заниматься съ ея дѣтьми, но по причинѣ моего отсутствія пригласила другого. Это немного меня опечалило, но я все-таки не терялъ надежды на подобное занятіе, тѣмъ болѣе, что мысль распорядиться своими деньгами поглотила мое вниманіе. Вотъ гдѣ зародышъ стремленія жить собственными трудами, такъ сильно проявившагося при этомъ случаѣ, и такъ сильно сопутствовавшаго мнѣ въ дальнѣйшей жизни.

Въ четвертомъ классѣ я созналъ потребность науки и серьезно принялся за нее, и это мое стремленіе увѣнчалось успѣхомъ. Я былъ первымъ ученикомъ, и послѣ экзамена, окончившагося самымъ удачнымъ образомъ, я получилъ первую награду. Всѣ знающіе меня, въ томъ числѣ учителя и ученики, считали меня самымъ способнымъ ученикомъ. Отъ моихъ успѣховъ родители были въ восторгѣ. Мать и бабушка называли меня „философомъ“, придавая этому слову свойственное ему

значеніе. Я не принадлежалъ къ числу шалуновъ и свободное время проводилъ въ кругу дѣвиць одного со мною возраста, въ чемъ находилъ единственное удовольствіе. Нѣсколько дѣвиць мнѣ сразу понравилось, и я былъ въ сильномъ затрудненіи, которой дать предпочтеніе. Слѣдствіемъ чего было то, что переносилъ свою расположенность отъ одной къ другой и у каждой изъ находилъ особенную внимательность и громкій отголосокъ. Конечно, сознаніе своего достоинства во мнѣ было сильно развито, и я не иначе становился поклонникомъ той или другой дѣвицы, какъ убѣдившись въ ея взаимномъ сочувствіи. При чемъ романтическія сцены съ каждой изъ нихъ продолжались не долго. Я любилъ разнообразіе, и стояло только явиться новой, могущей расположить къ себѣ, чтобы, оставивъ прежнюю, устремить на нее все свое вниманіе. Во время каникулъ, при переходѣ изъ четвертаго въ пятый классъ, я былъ снова приглашенъ М. Р. заниматься съ ея дѣтьми. Нельзя вообразить мою радость, мой восторгъ, которыми я былъ преисполненъ, получивъ это предложеніе. Я перебрался въ домъ Р. и началъ заниматься со всѣмъ усердіемъ, но, къ несчастію, дѣти были избалованы, и мнѣ трудно было съ ними возиться, тѣмъ болѣе, что я самъ былъ еще очень молодъ. Мнѣ едва окончилось тогда четырнадцать лѣтъ, и столько же было старшему ученику. При ихъ худыхъ наклонностяхъ трудно было удержать ихъ въ послушаніи и заставить учиться. Пробывъ вакацію, я оставилъ этотъ домъ. По рекомендаціи учителя П. я былъ приглашенъ аптекаремъ Я. заниматься съ его племянникомъ. Это для меня было удобнѣе, ибо всѣ мои занятія ограничивались только приготовленіемъ его къ урокамъ. Занятія моя были успѣшны. Ученикъ получилъ переводъ, и я получилъ благодарность. Результатъ моихъ классныхъ занятій былъ не менѣе предыдущаго успѣшенъ. Я окончилъ пятый классъ съ первою наградой и тѣмъ окончилъ дворянское училище. Отецъ и мать не были приготовлены къ тому, чтобы меня встрѣтить съ аттестатомъ въ рукахъ, и это явленіе ихъ сильно поразило. Я же со своей стороны началъ мечтать о гимназіи. Въ теченіе этого года дѣятельность сердца сосредоточена была на дочери одного учителя Е. П., и мечта о ней унесена была со мной и въ гимназію. Интересно было наше съ ней прощаніе. Сообразныя нашимъ понятіямъ нѣжныя слова сыпались съ одной и съ другой стороны. Минута разлуки прошла въ воспоминаніяхъ, которыя были для насъ не безынтересны.

Въ концѣ іюля я съ матерью отправился въ Р., чтобы оттуда отправиться въ одну изъ гимназій. Въ теченіе цѣлой вакаціи всѣ домашніе размышляли постоянно, въ какую именно гимназію меня отослать. Но, несмотря на долгія размышленія, они ничего положительнаго не сдѣлали и поручили все случаю. Приѣхавъ въ Р., мы заѣхали къ Я. Н., пріемъ котораго, угрюмый и недружелюбный, мнѣ сильно не понравился. При первой встрѣчѣ, онъ съ досадою спросилъ: „Чего вы приѣхали? Какъ будто нельзя было изъ М. его отвезти въ какую-либо гимназію?“ Онъ вѣроятно думалъ, что я приѣхалъ требовать отъ него помощи, и успокоился только тогда, когда узналъ, что я снабженъ всѣмъ необходимымъ къ выѣзду. Этотъ его пріемъ, эти его отзѣвы возбуждали во мнѣ чувство обиды, и я постановилъ никогда не прибѣгать къ его помощи, хоть бы и въ самыя критическія минуты. Не такой пріемъ былъ сдѣланъ намъ въ домѣ Л. С. Онъ радъ былъ видѣть своего племянника, стремящагося къ развитію и образованію. Онъ принялъ живое участіе въ моемъ отъѣздѣ въ гимназію. По его старанію, я былъ приглашенъ Р. П. ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ С—ую гимназію. Онъ радъ бы былъ пособить мнѣ въ случаѣ необходимости, но его стѣсненные обстоятельства ему препятствовали. Но для меня, начинающаго понимать жизнь и людей, этого достаточно было, чтобы оцѣнить его добрую душу. Передъ выѣздомъ въ гимназію, меня пригласили въ деревню, гдѣ я пробылъ цѣлую недѣлю, находясь постоянно подъ вліяніемъ нетерпѣливаго ожиданія скорѣйшаго выѣзда. Наконецъ и онъ наступилъ. Намъ пришлось ѣхать черезъ Р., въ которую мы прибыли ночью, и остановились у З. Мнѣ не хотѣлось ночевать въ незнакомомъ домѣ, имѣя родственниковъ въ этомъ городѣ, но долженъ былъ повиноваться П., тѣмъ болѣе, что мы намѣрены были передъ восходомъ солнца оставить г. Р. Я не предугадалъ мысли и намѣренія моего спутника и положился на его слова. Но онъ затѣивалъ совершенно другое. Онъ не думалъ о выѣздѣ, и въ головѣ его мелькали мысли о предстоящихъ именинахъ дочери хозяйки дома, въ которомъ мы остановились. На другой день послѣ нашего пріѣзда въ Р. и началъ настаивать къ скорѣйшему выѣзду, между тѣмъ со стороны моего товарища не было никакого желанія. Чтобы заставить меня остаться по его желанію, онъ подговорилъ кучера меня обмануть тѣмъ, что будто бы лошадь сильно заболѣла и выѣздъ невозможенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая, чтобы горожане знали о нашемъ пребываніи въ городѣ, принудилъ меня хитростью не показываться къ роднымъ, что было поводомъ совершившейся странной исторіи.

Того же дня вечеромъ мы по необходимости вышли на рынокъ, а оттуда зашли къ доктору Э., сынъ котораго былъ нашимъ товарищемъ. Въ это же время пришелъ туда Я. Н. Здѣсь-то самымъ явнымъ образомъ выказался его дерзкій нравъ и суровый характеръ. Онъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы оскорбить меня самымъ жестокимъ образомъ. Его стремленіе не оставило меня даже и въ домѣ Л. С., куда я прибылъ послѣ описаннаго случая. Здѣсь-то онъ заставилъ меня горько заплакать и со слезами оставить сей домъ. Первое нападеніе съ его стороны выходило изъ предположенія, будто бы я прокутилъ деньги, взятыя мною изъ дому для прожитія въ г. С. Онъ былъ увѣренъ въ моей бережливости и предусмотрительности, и я не знаю, что было причиною подобнаго предположенія, вслѣдствіе котораго онъ такъ жестоко унижилъ меня въ глазахъ посторонняго лица, а потомъ и въ домѣ родственниковъ. Изъ этого предположенія онъ вывелъ заключеніе, что я не достигну предпринимаемой цѣли, что всѣ издержки, представившіяся его фантазіи и выведенныя изъ сферы несущественной, потерянны. Впрочемъ, чего онъ въ это время не создалъ въ своемъ воображеніи, и все это свалилось на меня, пятнадцатилѣтняго юношу. Наконецъ-то я оставилъ г. Р., и оставляя его, я сильно обрадовался, что избавляюсь отъ невыносимаго ига, которое я влачилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, находясь подъ гнетомъ несправедливыхъ нападеній. Вотъ мнѣ пришлось въ первый разъ совершить одному безъ руководителя путешествіе и начать жизнь вполне отъ меня зависящую. Путешествіе наше, продолжавшееся пять дней, было преисполнено разнообразныхъ приключеній. Несмотря на то, что я ѣхалъ на лошадахъ П., мнѣ приходилось нѣсколько разъ на дорогѣ съ нимъ перессориться, послѣ чего только нѣкоторыя обстоятельства мирили насъ. Однажды мы, по причинѣ песчаной дороги, слѣзли съ повозки и пошли пѣшкомъ. Я изъ любопытства узнать, сколько верстъ мы проѣхали, отдѣлился отъ него и подошелъ къ верстовому столбу, который былъ отъ насъ на разстояніи, быть можетъ, пятидесяти сажень. Въ это время П. сѣлъ на повозку и велѣлъ погонять лошадей, которыя удалились отъ меня по крайней мѣрѣ на версту. Эта шутка меня сильно разсердила. Я не рѣшился съ досады ихъ догонять и пошелъ шагомъ. Видя это, П. велѣлъ остановить лошадей, чтобы обождать меня, и когда я приблизился, онъ полонъ радости, что заставилъ меня пройти значительное разстояніе по песчаной дорогѣ и подъ зноемъ солнечныхъ лучей, сталъ звать меня на повозку. Я, ничего не отвѣчая, отправился дальше.

Потомъ, выведенный изъ терпѣнія его словами, сказалъ, что я не намѣренъ продолжать путь съ такимъ человѣкомъ, который въ тяжеломъ положеніи другого ищетъ для себя удовольствія. Я намѣренъ былъ дойти до первой деревни пѣшкомъ и тамъ нанять себѣ лошадей. Но упрямство мое было парализовано усталостью, и я принужденъ былъ сѣсть въ повозку и такимъ образомъ отказаться отъ своихъ намѣреній.

По просьбѣ моей тетки Э. Е., мы заѣхали къ управляющему имѣніемъ П., г-ну В., гдѣ находилась моя двоюродная сестра М. Переодѣвшись на постояломъ дворѣ, мы наконецъ подѣхали подъ крыльцо незнакомаго дома и незнакомыхъ его владѣтелей. Прежде нежели мы вошли, между нами завязалась переторжка, кому первому войти и рекомендоваться. Очередь, впрочемъ, пала на меня, такъ какъ мой интересъ и заставилъ насъ заѣхать. Едва я успѣлъ отрекомендоваться, какъ ко мнѣ подвели двухъ барышенъ одинаковаго роста и довольно между собою похожихъ, только цвѣтъ волосъ различалъ ихъ. Конечно въ блондинкѣ я узналъ свою сестру. Мы тамъ пробыли недолго. Приѣмъ холодный, какъ хозяевъ, такъ и преимущественно моей сестры, заставилъ меня понуждать моего спутника къ скорѣйшему выѣзду, между тѣмъ какъ онъ намѣренъ былъ остаться; тѣмъ болѣе, что это былъ день ангела хозяйки и къ вечеру имѣли собратъ гости. Одинъ нашъ поступокъ дѣйствительно унижилъ насъ въ глазахъ хозяевъ и вызвалъ собою мнѣніе довольно для насъ не лестное. П. курилъ, и это не воспрещалось ему дома. Этимъ правомъ онъ и здѣсь воспользовался. Между прочимъ предложилъ онъ и мнѣ папиросу. Я былъ еще далекъ отъ того, чтобы курить, но взялъ папиросу въ руки, желая черезъ это показаться болѣе солиднымъ, зажегъ ее, что бы она въ рукахъ дымилась, и бросилъ ее почти цѣлую въ назначенный для этого сосудъ. Этотъ нашъ поступокъ, какъ я впоследствии узналъ, былъ предметомъ разговора и сужденій. Этотъ домъ мы оставили съ довольно неприятнымъ чувствомъ: сожалѣли, что заѣхали.

Когда мы вѣзжали въ гор. С., насъ застигъ проливной дождь, подѣ дѣйствіемъ котораго мы пробыли нѣсколько часовъ. Мы промокли съ ногъ до головы. Наконецъ мы вѣхали въ городъ и остановились у еврея Ш., содержателя постоялаго двора. Осушившись немного, мы отправились на ученическую квартиру М. П. Я, какъ ни съ кѣмъ незнакомый, усѣлся и молча слушалъ разговоры учениковъ высшихъ классовъ. Нужно замѣтить, что я былъ чрезвычайно низкаго роста, судя по которому бесѣдующіе предполагали, что я, вѣроятно, пріѣхалъ во второй или

третій классъ. Одинъ изъ нихъ спросилъ П., въ который классъ я поступаю; онъ отвѣтилъ ему, что въ шестой и буду его гувернеромъ. Этотъ отвѣтъ былъ принятъ имъ съ недоувѣрчивостію и съ улыбкою, и онъ остался при своемъ предположеніи, принимая меня за ученика низшихъ классовъ. На другой день по прїѣздѣ, я отправился, по рекомендаціи Ш., къ содержателю ученической квартиры Г., намѣреваясь у него остановиться. Онъ, желая воспользоваться моею молодостію, хотѣлъ меня надуть. Но не тутъ-то было. Я, замѣтя его стремленіе, до возможности сжалъ его требованія и ограничилъ ихъ различными условіями, и этимъ поступкомъ удивилъ его до невѣроятности. Еще мнѣ предстоялъ шагъ, по тогдашнему моему пониманію, исполинскій—явиться къ директору, о которомъ мнѣ наговорили много страшнаго, между тѣмъ онъ былъ очень хорошій человѣкъ.

IV. Въ Слуцкой гимназіи. Окончаніе гимназическаго курса. Отъѣздъ въ Кіевъ.

Со страхомъ и трепетомъ я на другой день утромъ, взявъ свой аттестатъ изъ М. дворянскаго училища, отправился къ директору. Подойдя къ дверямъ, я почувствовалъ сильное біеніе сердца и находился въ нерѣшимости: отворять ли дверь. Наконецъ, идя по требованію необходимости и желанія скорѣе сбросить съ души тяготѣвшій камень, я вошелъ. Директоръ не заставилъ себя долго ожидать. Услышавъ стукъ дверей, онъ вышелъ изъ другой комнаты, и моимъ глазамъ предсталъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста и миловидной наружности. Въ глазахъ его выражалась доброта и доброжелательство. Съ перваго раза онъ мнѣ понравился, а его пріемъ мгновенно разсѣялъ все навѣянное мнѣ различными разказами.

Я былъ зачисленъ въ число учениковъ пятаго класса и не поступилъ въ шестой потому, что много предметовъ, излагаемыхъ въ четвертомъ и пятомъ классахъ, были для меня неизвѣстны. Даже чтобы удержаться въ пятомъ классѣ, я долженъ былъ черезъ два мѣсяца приготовиться изъ цѣлаго курса латинскаго языка и ботаники, положеннаго въ четвертомъ классѣ, чего я достигъ, впрочемъ, съ большимъ успѣхомъ, и своими отвѣтами по латинскому языку привелъ въ удивленіе даже самого учителя, который не могъ допустить, чтобы я успѣлъ такъ много сдѣлать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

На квартирѣ, гдѣ я остановился, находились мои товарищи

по училищу, и мнѣ съ самаго начала было довольно весело. Не прошло и недѣли, какъ я успѣлъ уже поссориться съ гувернеромъ нашей квартиры. Я не хотѣлъ въ глазахъ его стоять наравнѣ съ учениками ему подчиненными, и онъ, замѣтя это, употреблялъ всѣ усилія, чтобы меня подчинить своей власти. Однажды онъ, приписавъ мнѣ какую-то продѣлку, сдѣланную его учениками, началъ мнѣ дѣлать различныя замѣчанія, я не смолчалъ и наговорилъ ему больше, нежели онъ ожидалъ. Это заставило его жаловаться на меня начальству. Впрочемъ все сошло на первый разъ благополучно.

Занятія мои въ гимназіи увѣнчались успѣхомъ. Замѣченный по своей способности къ математикѣ, я былъ приглашенъ въ домъ З. репетиторомъ. Съ этого времени я началъ жизнь самостоятельную и вполнѣ отъ меня зависящую. Въ обращеніи съ учениками я старался держать себя на „далекой дистанціи“ и не допускалъ къ сближенію съ ними. Я остерегался всего, что могло бы отклонить отъ того пути, по которому я слѣдовалъ, а потому я и не имѣлъ друзей. Тѣ, которые сближались со мною, находились нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ меня и подчинялись моему вліянію. Живя вдали отъ гимназіи и отъ ученическихъ квартиръ, я былъ совершенно устраненъ отъ товарищей. Однако изъ квартирующихъ въ той части города, гдѣ жилъ я, составилъ довольно дружный кружокъ, во главѣ котораго мнѣ пришлось быть.

Во время моего репетиторства я сносилъ множество непріятностей по причинѣ случайныхъ обстоятельствъ. Однако все переживалось въ моей душѣ, все уничтожалось мыслию о моей дѣятельности, о моихъ планахъ и стремленіяхъ. Другой, будучи на моемъ мѣстѣ, давно бы упалъ подъ гнетомъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя меня окружали, я же боролся съ ними, имѣя въ виду руководящую идею, ею только укрѣпился, и она возбуждала во мнѣ энергію къ предпринимаемымъ трудамъ. Не разъ горькая слеза, орошавшая опечаленную душу, уничтожалась надеждою одержать вѣнецъ побѣды надъ обстоятельствами.

Я пробылъ цѣлый годъ въ домѣ З., не выѣзжая даже на праздники. Наступилъ экзаменъ. Все пошло очень удачно, и я удостоился награды при переходѣ въ высшій классъ. Не считывая уѣзжать и на каникулы, я извѣстилъ объ этомъ родителей письмомъ, что ихъ сильно опечалило. Впрочемъ обстоятельства сложились иначе. Товарищи, ѣхавшіе въ М., уговорили меня ѣхать съ ними, при томъ обстоятельстве, заставлявшее меня остаться, открыло мнѣ возможность уѣхать. М-мъ З., въ домѣ

которой я репетировалъ, просила меня остаться и на второй годъ у нея. Слѣдовательно, я былъ обезпеченъ и могъ располагать каникулами по произволу. Конечно остаться у нея зависѣло отъ стеченія обстоятельствъ. Но во всякомъ случаѣ я былъ спокоенъ. Родители, желая, чтобы я пріѣхалъ, написали ко мнѣ письмо черезъ еврея, ѣхавшаго въ г. С., и уговорили его забрать меня, когда онъ будетъ возвращаться. Но въ это время я былъ уже въ дорогѣ. Лошади были наняты до Петрикова, откуда мы отправились водою. Мы пріѣхали въ М. въ воскресенье утромъ, и я, оставивъ судно, пошелъ домой. Передъ самымъ домомъ я встрѣтилъ Т., который объявилъ мнѣ, что меня съ нетерпѣніемъ ожидаютъ. Войдя на дворъ, я встрѣтилъ сестру. Она меня не узнала. Черезъ годъ я значительно измѣнился. Она замѣтя, мое стремленіе приблизится къ ней, убѣжала въ кладовую, куда и я отправился, гдѣ встрѣтилъ мать и одну барышню, которая при моемъ появленіи тоже убѣжала. Мать встрѣтила меня со слезами. Поздоровавшись съ нею, я отправился въ комнаты, гдѣ встрѣтилъ отца съ улыбкою довольства. Поздоровавшись со всѣми, я началъ переодѣваться, чтобы пойти въ церковь. До обѣдни я успѣлъ познакомиться съ семьей Г., которая была въ дружбѣ съ нашимъ домомъ. Вечеръ этого дня я провелъ очень весело; подобнымъ же образомъ были проведены и всѣ прочіе дни, словомъ, вся вакація.

Общество было подобрано, и всякій разъ члены его собирались у кого-нибудь. Общество кавалеровъ, державшихся дружно между собою, состояло изъ двоихъ насъ, т.-е. меня и старшаго брата, Д. Г., и еще нѣсколькихъ лицъ. Мы составили кружокъ, объединенный общими интересами и стремленіями. Однажды, чтобы доставить себѣ и обществу маленькое развлеченіе, мы затѣяли спектакль, который долженъ былъ устроиться въ нашемъ домѣ. Приготовленія къ этому спектаклю тянулись почти цѣлый мѣсяць. Пьесою избрали мы Фра-Дявола, въ которой участвовали: Д. Г. въ роли атамана; я въ роли старшаго разбойника—Родриго; братъ мой въ роли младшаго разбойника; сестра моя Н. и А. Д. въ роляхъ дѣтей. Другая игранная пьеса была „Заключенный еврей“, которую выполнилъ В. Ш.; третья состояла изъ разговора доктора и чиновника, исполненная мною и Л.; и наконецъ въ заключеніе были представлены живыя картины. Сцена была устроена довольно изрядно. Всѣ принадлежности и необходимыя вещи были взяты у содержателя театра для пріѣзжающихъ актеровъ.

Приглашенная публика состояла изъ учителей дворянскаго училища и нѣсколькихъ семействъ, находившихся въ дружбѣ съ нашимъ домомъ. День спектакля наконецъ наступилъ. Собравшаяся публика насъ немного озадачила. Мы никогда не надѣялись видѣть на своемъ спектаклѣ такъ много зрителей. Для смѣлости мы распили графинъ вишневки, которая значительно подѣйствовала на голову брата; но къ счастью его роль была совсѣмъ незначительная, а то, чего добраго, испортилъ бы все дѣло; намъ же, напротивъ, придала больше смѣлости и энергіи. Первыми лицами, которыхъ должна была увидѣть публика, были я и Д. Г. Мы стали одинъ противъ другого, чтобы съ поднятіемъ кулисы начать разговоръ. Костюмы наши были изрядные. Подъ ихъ покровомъ трудно было насъ и узнать. Я имѣлъ на себѣ красную русскую рубаху, подпоясанную широкимъ такого же цвѣта поясомъ, на которомъ висѣлъ длинный ножъ. На головѣ у меня была черкесская шапка. Къ этому всему нужно прибавить еще изрядную бороду, искусственно приготовленную. Кулиса поднялась. Глаза всѣхъ зрителей, какъ пронзительныя стрѣлы, были устремлены на насъ. Однако мы начали превосходно и своей игрой привели въ восторгъ всю публику. Словомъ, спектаклемъ всѣ остались очень довольны. Но живыя картины намъ не удалось. Въ аптекѣ дурно приготовили бенгальскій огонь. И какъ только его зажгли, вся комната наполнилась удушливымъ дымомъ, что заставило всѣхъ присутствующихъ искать спасенія, толпясь къ дверямъ. Намъ, лежавшимъ въ это время на полу, досталось больше всего, потому что пришлось уходить послѣдними. Однако этимъ не кончилось. Въ сосѣдствѣ съ нами жили Г. Къ нимъ-то и отправилась вся публика. Къ тому же явилась музыка, и начался формальный балъ. Всѣ танцовали до усталости. Здѣсь впрочемъ произошла маленькая сцена, которая доставила удовольствіе моему самолюбію. Одна дѣвица, М. К., будучи ко мнѣ равнодушна еще прежде, игрою моею сильно очаровалась, словомъ, я ей сильно понравился. Когда подошелъ къ ней Д. Г. пригласить на танцы, она отвѣтила, что кромѣ, какъ со мной, ни съ кѣмъ больше не танцуетъ и не будетъ танцовать въ теченіе вечера. Мать этого кавалера, обидѣвшаяся этимъ отвѣтомъ ея, сообщила мнѣ все сказанное, въ надеждѣ, что я за это не буду съ нею тоже танцовать, чтобы этимъ показать ей, что она не должна въ обществѣ дѣлать различія между танцующими; но я, впрочемъ, вопреки ея желанію и надеждѣ, танцовалъ съ нею почти цѣлый вечеръ. Съ этого времени мы жили какъ братъ съ

сестрою. и дружба наша была неразрывная, такъ что въ послѣдствіи времени она перешла въ высшее чувство...

Пріятно вспоминать бывшее, особенно когда оно увѣнчано пріятнымъ воспоминаніемъ. Я оставилъ М., полонъ мечтаній и чувствъ. Дорога между М. и С. не представляла ничего особеннаго, или, лучше сказать, совершенно изгладилась изъ памяти. Подъѣзжая подъ С., я встрѣтилъ учителя М., который объявилъ мнѣ, что я назначенъ гувернеромъ на его квартирѣ. Это меня не мало обрадовало, и я съ восторгомъ въѣхалъ въ городъ. Явившись къ директору, который немного попенялъ на меня за поздній пріѣздъ, я отправился къ учителю М., условился съ нимъ и сейчасъ же переѣхалъ къ нему на квартиру. Немного спустя, я посѣтилъ м-мъ З., которая съ сожалѣніемъ узнала, что я не могу быть у нея.

Несмотря на столь выгодное положеніе, я провелъ этотъ годъ самымъ мучительнымъ и несноснымъ образомъ. Вся квартира наполнена была помѣщичьими дѣтьми, донельзя избалованными. Обращеніе же учителя съ ними было очень слабое, такъ что мнѣ съ ними трудно было справиться. Въ этомъ году я ѣздилъ уже на Рождественскія каникулы въ М., и передо мною снова предстала перспектива удовольствій и развлеченій. Впечатлѣніе, произведенное моимъ печальнымъ положеніемъ въ С., исчезло, какъ грозная туча отъ сильнаго порыва вѣтра. Душа и сердце ожили снова и ожили для того, чтобы съ большею силою и энергіею переносить все то, что мнѣ предстояло. Во время этихъ праздниковъ я познакомился съ двумя дѣвицами П. Р. и А. Ш. изъ которыхъ первая произвела на меня сильное впечатлѣніе. Видя ее первый разъ въ церкви, я обратилъ на нее все свое вниманіе, но, увы, я могъ только рѣдко съ нею видѣться. На новый годъ, въ день ангела моего отца, былъ у насъ вечеръ; собраніе было большое, но, чтобы открыть танцы, не было достаточно барышенъ. Вотъ мы съ Д. Г., взявъ лошадей, отправились приглашать ихъ. Но по дорогѣ заѣхали въ трактиръ и тамъ въ честь этого дня черезъ мѣру кутнули. Слѣдствіемъ чего было то, что на дорогѣ я себѣ гдѣ-то сильно расшибъ ногу и пристрадалъ ею почти цѣлый годъ, такъ что доктора, видя невозможность излѣчить ее, запретили мнѣ участвовать въ танцахъ. Дѣйствительно, барышенъ мы собрали, но сами не могли танцовать, отказываясь болью головы. Но меня, впрочемъ, какъ хозяина, заставили по крайней мѣрѣ начать, что я исполнилъ, но кажется не совсѣмъ-то удачно.

На Крещеніе наше семейство отправилось къ Т., куда и я побрелъ; но, замѣтя, что тамъ ничего интереснаго нѣтъ и что общество состоитъ изъ лицъ пожилыхъ, я, подѣ предлогомъ боли ноги, отправился домой.

Черезъ два часа пришелъ посланецъ отъ Т., прося, чтобы я, если только могу, пришелъ къ нимъ снова, потому что у нихъ собралось молодое общество и между прочимъ П. Р., присутствіе которой только и заставило меня пойти вторично, не смотря на сильное страданіе.

Этотъ вечеръ мы провели очень весело; я забылъ даже о своей болѣзни и веселился не хуже другихъ, хотя въ послѣдствіи времени дорого мнѣ пришлось заплатить за минуту удовольствія. Больнымъ я уѣхалъ въ С. Мы оставили М., умчавъ за собою одни воспоминанія о прошедшемъ, и очарованные прелестными картинами, такъ часто представлявшимися нашимъ взорамъ. Съ самаго начала нашего пути, каждый изъ насъ казался печальнымъ, задумчивымъ и разсѣяннымъ. У всякаго на душѣ былъ камень, сложившійся впечатлѣніемъ внезапнаго измѣненія своего положенія. Въ мѣстечкѣ А. мы остановились проводить еврейскій шабашъ. Погода была пасмурная, дождливая, и ледъ былъ покрытъ водою. Въ этомъ мѣстечкѣ я имѣлъ родственника І. П., къ которому, по причинѣ болѣзни и несносной погоды, не могъ пойти. Я послалъ къ нему еврея, увѣдомить его о моемъ прїѣздѣ и изяснить ему причину, по которой я не могу видѣться съ нимъ въ его домѣ. Онъ тотчасъ прїѣхалъ на своей лошаdkѣ, и, пробывъ нѣсколько времени, уговорилъ насъ отправиться къ нему въ домъ. Я, какъ человѣкъ нездоровый, поѣхалъ съ нимъ въ экипажъ, а прочіе пришли пѣшкомъ. Мы у него провели почти всю ночь довольно весело. Отъ излишка напитковъ нѣкоторые переступили законъ приличія своими поступками, однако все какъ-то прошло незамѣтно. Передъ утромъ всѣ улеглись спать, но І. П. мнѣ не далъ покоя своими разсказами, которые продолжались до самаго дня.

На другой день мы пригласили къ себѣ І. П. и отплатили ему возможнымъ угощеніемъ. Во время нашей пирушки подѣ окошками показалась музыка, которая возвращалась съ еврейской свадьбы. Мы ее призвали, и она во всеуслышаніе грянула на своихъ пискливыхъ инструментахъ. Недоставало только ба-рышень, чтобы открыть танцевальный вечеръ.

Музыканты, обрадованные возможностью заработать противъ ожиданія, усердно работали, поражая присутствующихъ своими раздражающими душу звуками. Всѣ окошки были заняты зрите-

лями съ улицы. Вѣроятно, многимъ изъ нихъ это наше похождение показалось довольно страннымъ, но ихъ удивленіе насъ развлекало. Къ вечеру все успокоилось. Распрощавшись съ гостемъ, мы уѣхали, довольные тѣмъ что еще разъ намъ удалось повеселиться и по крайней мѣрѣ въ воображеніи припомнить былое, отголоскомъ котораго было это происшествіе. Мы пріѣхали въ С., просрочивъ довольно много времени. М., у котораго я былъ гувернеромъ, уже началъ было отчаиваться въ моемъ пріѣздѣ и наиѣрентъ былъ просить директора о назначеніи ему другого гувернера, и когда я пріѣхалъ, онъ далъ мнѣ стороною понятъ о моей неаккуратности, но я объяснилъ свое опозданіе болѣзною. Впрочемъ, эта просрочка не обошлась безъ взысканія со стороны гимназическаго начальства. Въ этомъ полугодіи замѣчательно только сближеніе мое съ Д. Г., котораго родители, поручая моему покровительству, просили по возможности помогать ему въ необходимомъ. Несмотря на мое близкое съ нимъ знакомство, я однако не могъ основательно разгадать его наклонностей, нравственныхъ правилъ, привитыхъ окружающею его средою. Я сильно ошибся въ немъ, и моя ошибка причинила мнѣ немаловажныя потери. Во время его бытности въ С., я нѣсколько разъ получалъ отъ него слезныя письма съ просьбою объ одолженіи ему денегъ, потребность которыхъ, какъ онъ выражался, поставила его въ крайне затруднительное положеніе. Я, конечно, вѣрилъ его словамъ и дѣлился послѣднимъ, совершенно не предугадывая въ немъ позорную маску. Ему нужны были деньги, чтобы имѣть возможность съ удовольствіемъ проводить время, длившееся отъ праздности.

Моя ошибка получила достойное возмездіе. Меня сбвинили въ сообщничествѣ съ нимъ въ дѣланіи долговъ и даже почли главною причиною. Впрочемъ, гдѣ человѣку за добро не платятъ зломъ. Онъ однако ознаменовалъ себя въ глазахъ родителей и гимназическаго начальства неблаговиднымъ поступкомъ, затѣявъ убѣжать, самъ не зная куда. Онъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города пойманъ. Прощеніе родителей и ихъ мольбы къ нему не повторятъ другой разъ такого предпріятія открыли мнѣ глаза.

Со времени этого событія, открывшаго мнѣ характеръ и нравленіе Д. Г. и поставившаго меня въ неловкое положеніе передъ тѣми, кто зналъ мои отношенія къ этой личности и къ его родителямъ, я началъ устраняться послѣднихъ, что имъ сильно не понравилось. Они, впрочемъ, причину моего быстрого

разрыва приписали иному обстоятельству, клонившемуся не въ мою пользу. Впрочемъ, я по принципу—не обращать вниманія на все неосновательное и ложное, не придавалъ значенія ихъ отзывамъ.

Шестой классъ я окончилъ съ успѣхомъ и на каникулы выѣхалъ въ М., обезпеченный квартирою, которую мнѣ назначили еще во время акта.

Послѣ каникулъ я возвратился въ С. и поселился на квартирѣ П., гдѣ, какъ сказано, я назначенъ былъ гувернеромъ. Прежде всего я обратилъ свое вниманіе на вѣранныхъ моему надзору учениковъ, чтобы на первыхъ же порахъ возбудить въ нихъ должное уваженіе къ моей личности. Вслѣдствіе сего, я, поступая довольно сурово съ учениками, получилъ выговоръ отъ директора—за слѣдующій поступокъ. Однажды я съ учениками отправился гулять. Въ ихъ числѣ былъ Х., который считался первымъ ученикомъ въ гимназіи и во все время своей бытности былъ безупречнымъ. Когда мы возвращались, онъ безъ вѣдома моего отсталъ отъ насъ и возвратился спустя лишь полчаса. За это самовольное ступленіе отъ порядка я его наказалъ. Онъ пожаловался своему родственнику П., а тотъ директору, который не пропустилъ сего случая и сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе. Наложеніе мною наказанія на такъ высоко поставленнаго въ глазахъ учениковъ Х. сильно на нихъ подѣйствовало, что имѣло благотворныя послѣдствія.

Послѣ этого начинается для меня періодъ жизни спокойной и пріятной. Я былъ уважаемъ какъ учениками, такъ и хозяевами квартиры, и въ то же время былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ товарищами по классу. Во время рождественскихъ праздниковъ я выѣзжалъ въ М.; морозы были довольно сильныя, а у меня тогда еще не было другой теплой одежды. Однако молодая кровь грѣла. Я не чувствовалъ дѣйствія холода, хотя пальто мое скорѣе могло служить для лѣтнихъ прохладныхъ ночей, чѣмъ для зимы. Мысль о скоромъ свиданіи съ родными и интересными для меня лицами поддерживала теплоту крови, и она успѣвала парализовать дѣйствіе морозовъ. Впрочемъ, за мое ревностное стремленіе видѣться съ родными, я получилъ выговоръ довольно серьезный отъ матери, которую я встрѣтилъ на улицѣ, и которая, побранивъ меня за мое смѣлое предпріятіе, отправила меня домой, а сама пошла за предположенными покупками. Этыхъ праздниковъ я совершенно не помню, и, можно сказать, потому, что они прошли обыкновеннымъ обыденнымъ порядкомъ, какъ и всякое другое время.

Послѣ праздниковъ въ моей душѣ сильно зашевелилась мысль о предстоящемъ окончательномъ экзаменѣ. Она меня беспокоила тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче вырабатывалось желаніе получить какое-либо преимущество, которое бы вполне соответствовало моимъ успѣхамъ въ предыдущихъ классахъ. Мнѣ казалось довольно несообразнымъ, получая во всѣхъ классахъ награды, оканчивая заведеніе, выйти изъ него съ однимъ аттестатомъ. Побуждаемый этою мыслью, я началъ заблаговременно работать. Но, чтобы сильнѣе укрѣпить въ себѣ стараніе, я рѣшился на праздники Р. Х. уѣхать въ Р., чтобы, отдохнувъ немного, взяться за дѣло съ новыми силами, новымъ усердіемъ. Я согласился съ А. Э. и Э. С. ѣхать вмѣстѣ, и мы намѣрены были отправиться на почтовыхъ сейчасъ же послѣ исповѣди и причастія. Однако вскорѣ планъ нашъ разстроился, ибо за Э. С. прислали лошадей. Такъ какъ мы согласились ѣхать вмѣстѣ, то и принуждены были ѣхать на его лошадахъ. Дорога была несносная. Разстанный снѣгъ вездѣ наполнялъ водою дороги, и намъ пришлось ѣхать очень медленно, переноси различныя испытанія. На дорогѣ у меня около праваго глаза образовался огромный вередъ, который уничтожилъ во мнѣ веселое настроеніе. Онъ повредилъ мнѣ во многомъ, ибо по пріѣздѣ въ Р. я долженъ былъ нѣсколько дней просидѣть дома. Мы пріѣхали въ Р. довольно рано, и я рѣшился заѣхать къ Я. Н. Войдя въ домъ, я никого не нашель въ немъ; несмотря на это, я велѣлъ извозчику спосить вещи. Бабушка, находившаяся въ то время во флигелѣ, замѣтя такое смѣлое распоряженіе незнакомаго лица въ чужомъ домѣ, выслала служанку узнать о причинѣ моего пріѣзда и въ то же время посоветовать мнѣ обождать до прибытія хозяина дома и не торопиться со вноскою вещей. Служанка, настроенная старухой важно вступила въ комнату, гдѣ я началъ уже распаковывать чемоданъ, и, желая казаться представительницей дома, по причинѣ отсутствія хозяевъ, начала что-то глагольствовать повышеннымъ тономъ, желая тѣмъ самымъ указать на ея теперешнее значеніе; но, видя, что я на ея привѣтственные фразы не обращаю вниманія, нѣсколько разъ посмотрѣла на меня подозрительно и съ видимымъ недоумѣніемъ отправилась восвояси, довольная неудавшимся посольствомъ. Изумленная разказами служанки, старуха рѣшилась сама изслѣдовать причину моего пріѣзда и въ то же время намекнуть мнѣ въ неумѣстномъ моемъ распоряженіи въ чужомъ домѣ. Я былъ вполне увѣренъ, что она меня не узнастъ, а потому и замаскировался. Я объявилъ себя чиновникомъ, пріѣхавшимъ изъ столицы съ важнымъ пору-

ченіємъ. Въ это время она приняла видъ весьма радушной и гостепріимной хозяйки, но все таки намекнула мнѣ, что мои смѣлыя распоряженія въ чужомъ домѣ могутъ повлечь за собою худыя послѣдствія. Не желая удерживать ее въ недоумѣніи, я рѣшился открыть себя, вслѣдъ за чѣмъ послѣдовали слезы съ ея стороны, какъ чувствительной бабушки, возрадовавшейся явленіемъ ея любимаго внука. Въ это время она смотрѣла на меня съ особеннымъ наслажденіемъ и безпрестанно благодарила Бога, позволившаго ей еще разъ видѣть своего внука. Я однако, не дождавшись Я. Н., одѣлся поприличію и отправился въ домъ Л. С. Тамъ меня тоже не узнали, не предполагая, чтобы я могъ пріѣхать на праздники В. Х. Семья Л. С. была приглашена на время праздниковъ въ деревню. Они хотѣли, чтобы и я ѣхалъ съ ними, но мнѣ однако удалось отказаться, чему я былъ очень радъ, потому что время провелъ я въ Р. довольно весело: постоянно бывалъ на вечерахъ, даваемыхъ чиновниками города. Но впрочемъ и этотъ праздникъ не обошелся безъ странныхъ приключеній. Послѣ всенощной, выйдя изъ церкви, я остановился у церковнаго крыльца, чтобы вмѣстѣ съ Я. Н., который не окончилъ еще своихъ моленій, отправиться въ его домъ. Въ это время одна дѣвица П. Л. подошла ко мнѣ, и начавъ со мною разговоръ, заставила своимъ движеніемъ оставить занятое мною мѣсто. Во время бесѣды я до такой степени увлекся разговоромъ, что не замѣтилъ, какъ очутился возлѣ ея дома, который находился отъ церкви на довольно значительномъ разстояніи. Однако, несмотря на ея просьбы, я не рѣшился зайти въ домъ, желая поспѣшить къ Я. Н. Едва я вступилъ на крыльцо его дома, какъ былъ пораженъ неестественно сердитымъ видомъ Я. Н., который, какъ замѣтно, приготовилъ мнѣ привѣтъ довольно оскорбительный. Вмѣсто привѣтствій, приличныхъ этому дню, онъ со злобою сказалъ, что хотѣлъ уже и вещи мои переслать въ домъ Л. С., гдѣ, по его мнѣнію, я долженъ былъ быть до этого времени. Это меня сильно взволновало. Я оставилъ ту комнату, въ которой онъ былъ, и ушелъ въ маленькую, чтобы тамъ наединѣ излить тоску души своей, что мнѣ пришлось такимъ образомъ встрѣтить столь долго ожидаемый праздникъ. Пробывъ, впрочемъ, у него не долго, я отправился въ домъ Л. С., гдѣ радостные и веселые пріемы членовъ оставшейся семьи развѣяли тучи, вызванныя недавно случившимся. Послѣ этого я началъ постоянно разрывать цѣпи, наложенныя на меня стремленіями Я. Н., и часто отказывался отъ собственнаго удовольствія, чтобы только дать себѣ возможность дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно.

На второй день праздника я былъ приглашенъ на вечеръ въ домъ Д. Э., гдѣ была именинница. Съ утра я затѣялъ пригото- вляться къ этому торжественному балу, на которомъ намѣрены были быть всѣ знатныя лица города. Однако мои планы раз- строились. Я. Н., или съ какою-либо тайной цѣлью, или изъ особенныхъ видовъ уговорилъ меня итти съ нимъ съ поздравле- ніями. Совѣстно было отказаться, и я рѣшился. Но что же вышло. Онъ повелъ меня по всѣмъ лачужкамъ, гдѣ я встрѣ- чался постоянно съ лицами, мнѣ не знакомыми, и гдѣ мое при- сутствіе было совершенно неумѣстно. По необходимости я прину- жденъ былъ въ нѣкоторыхъ домахъ ограничиться только ви- домъ наружности ихъ, не входя въ комнаты, что, впрочемъ, не ускользнуло отъ вниманія любопытныхъ, и они почтили меня названіемъ „гордый“ сравнительно съ Я. Н. Въ семь часовъ ве- чера я отправился въ домъ Д. Э., гдѣ уже всѣ комнаты были наполнены гостями. Открылись танцы, которые тогда служили единственнымъ развлеченіемъ молодежи. Во время этого вечера я былъ приглашенъ на другой вечеръ къ К., но, идя къ нему, я встрѣтился съ гуляющими дѣвцами, присоединился къ нимъ и, проходя съ одной улицы на другую, совершенно забылъ о моемъ намѣреніи и такимъ образомъ опоздалъ. Поздно же не хотѣлось уже итти, и я счелъ за лучшее оставить свое намѣре- ніе. Объ этомъ моемъ поступкѣ узналъ Я. Н. Вечеромъ, когда всѣ домашніе собрались, онъ началъ высказывать свое недо- вольствіе, а я, замѣтя это, рѣшился защищать самостоятельность своихъ дѣйствій, вслѣдствіе чего между нами произошла раз- молвка, окончившаяся недовольствомъ другъ другомъ. Это на- тянутое отношеніе продолжалось почти до времени моего выѣзда изъ Р. На четвертый день праздниковъ пріѣхала изъ деревни семья Л. С. и тѣмъ открыла новое поле для увеселеній. Но сколько ни веселись, все-таки наступить моментъ, который за- ставитъ человѣка отказаться отъ развлеченій и приняться за серьезное дѣло. Такимъ моментомъ для меня было время выѣзда въ гимназію. Все исчезло, какъ видѣніе, оставивъ только по себѣ пріятное воспоминаніе.

Я пріѣхалъ въ С. и началъ заниматься приготовленіемъ къ экзамену. Чѣмъ ближе было время экзамена, тѣмъ тревожнѣе было состояніе духа, блуждающаго въ непроницаемомъ туманѣ неопредѣленнаго. Различныя предположенія неудачнаго оконча- нія дѣла, случайная возможность неосуществленія предположен- ныхъ желаній возмущали душевное спокойствіе. Наконецъ на- ступило время окончательнаго испытанія. Насколько мнѣ при-

ходилося душевно содрогаться передъ началомъ каждаго экзамена, настолько послѣ окончанія душа наслаждалась спокойствіемъ и довольствомъ. Экзамены окончились для меня удачно. Едва окончилось послѣднее засѣданіе членовъ Педагогическаго Совѣта, какъ всѣ уже знали, что я и В. получили право на чинъ 14-го класса. Это наше возвышеніе не понравилось многимъ, желавшимъ стать выше насъ.

На другой день послѣ засѣданія, учитель В., призвавъ меня къ себѣ, поздравилъ съ чиномъ, доставившимъ мнѣ внутреннее удовлетвореніе.

Чтобы попрощаться приличнымъ образомъ съ учителями, мы рѣшили устроить имъ балъ. Мѣстомъ его былъ избранъ садъ П. Тутъ представилась картина, вполне достойная воспоминанія. Видъ учениковъ, окончившихъ только-что гимназію и довольныхъ тѣмъ, что имъ удалось хоть этимъ путемъ выразить свою благодарность за труды учителей, и видъ послѣднихъ, замѣчающихъ въ своихъ питомцахъ чувство искренняго уваженія къ ихъ значенію, рождали въ душѣ зрителя благотворныя мысли.

Послѣ этого вечера, оставившаго въ насъ неизгладимое впечатлѣніе, каждый изъ насъ задумалъ уѣзжать. У меня извозчикъ былъ нанятъ еще двумя днями предъ этимъ торжественнымъ днемъ. И вотъ на другой день, когда я еще спалъ и видѣлъ сладкія грезы, навѣяанныя прошедшими событіями, еврей, подѣхавшій къ моей квартирѣ, разбудилъ меня и напомнилъ, что пора выѣзда наступила. Но у меня еще не было свидѣтельства, и я, уговоривъ извозчика обождать нѣсколько часовъ, сейчасъ же отправился къ директору, который немедленно снабдилъ меня свидѣтельствомъ, ибо аттестатъ долженъ былъ быть отосланъ къ Попечителю Округа. Собравшись совершенно и попрощавшись съ кѣмъ успѣлъ, я съ грустью и сожалѣніемъ оставилъ можетъ быть навсегда г. С., бросая слезные взоры на мелькавшіе дома, около которыхъ мнѣ пришлось проѣзжать. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ прежде окончанія гимназіи, съ такимъ же сожалѣніемъ я оставлялъ ее теперь. Мнѣ бы хотѣлось остановить умчавшееся время, чтобы еще облачиться въ форму ученика и возобновить ученическую жизнь, но, увы, минувшаго возвратити нельзя, и оно осталось только неизгладимымъ въ воспоминанія. Всю дорогу я провелъ въ размышленія о прошедшемъ и мечтѣ о будущемъ, и только видъ нашего дома, къ которому я подѣхалъ, измѣнилъ мои мысли. Въ 7 часовъ утра я былъ уже дома. Всѣ домашніе встрѣтили меня

съ большою радостью, тѣмъ болѣе, что въ эту минуту я своимъ появленіемъ разсѣялъ мысль, тяготившую ихъ въ послѣднее время о моемъ намѣреніи прямо изъ С. ѣхать въ университетъ. Первые дни моего пребыванія дома пролетѣли незамѣтно въ разказахъ о различныхъ случаяхъ, встрѣчавшихся во время разлуки, но потомъ наступило время подумать о дальнѣйшемъ моемъ образованіи. Въ это время положеніе мое было затруднительное, между тѣмъ какъ оно, смѣняясь день за днемъ, все рѣзче и рѣзче напоминало о необходимости скорого выѣзда, но куда именно, этотъ вопросъ не былъ еще рѣшенъ. Кромѣ того я затруднялся въ выборѣ факультета. Въ моемъ воображеніи постоянно смѣнялись одинъ другимъ: математическій, юридическій и медицинскій факультеты, и всякій изъ нихъ казался для меня доступнымъ. Но математическій привлекалъ меня болѣе всѣхъ, однако какая-то невидимая сила, приковывая и привлекая меня ко всѣмъ сказаннымъ факультетамъ, не позволяла мнѣ принять тотъ или другой кругъ дѣятельности. Необходима была побудительная причина. Ее-то я хотѣлъ найти въ совѣтахъ отца, къ которому я и обратился съ вопросомъ, но онъ, не желая связывать моею личной воли, предоставилъ выборъ мнѣ самому.

Въ одинъ прекрасный іюльскій день, по возвращеніи брата моего М. изъ канцеляріи, мы сѣли съ нимъ около раствореннаго окошка, обращеннаго на улицу, и, разсматривая проходящихъ, разговаривали между собою о предстоящемъ времени моего выѣзда; разговоръ нашъ по причинѣ своей неопредѣленности какъ-то не клеился, и мы больше заинтересованы были открывавшеюся намъ изъ окна картиною равнины, прорѣзанной волнующеюся рѣкою, нежели своимъ разговоромъ. Вдругъ братъ мой всталъ со стула и началъ присматриваться къ какой-то незнакомой по виду личности. Чѣмъ ближе она приближалась, тѣмъ пристальнѣе онъ всматривался въ черты ея лица. Наконецъ, узнавъ въ ней бывшаго нашего товарища по училищу, онъ опрометью бросился на улицу къ нему навстрѣчу и послѣ дружественныхъ привѣтствій и разспросовъ онъ пригласилъ его къ себѣ. Но тотъ, по причинѣ спѣшнаго дѣла, отложилъ свой визитъ къ намъ до перваго удобнаго случая. На другой день онъ явился къ намъ и въ комнатѣ встрѣтилъ меня перваго. Онъ меня не узналъ, ибо я дѣйствительно со времени разлуки съ нимъ значительно перемѣнился. Послѣ нѣсколькихъ словъ нашего разговора, я узналъ, что цѣль его прибытія въ М. была та же, которая заставляла меня оставить въ скоромъ времени

этотъ городъ. Это извѣстіе не мало меня обрадовало, потому что послѣ разговора съ нимъ время и мѣсто моего отъѣзда сдѣлалось болѣе опредѣленнымъ.

Главная тема нашего разговора была — избраніе факультета. Я, не зная его намѣреній, началъ возносить математическій факультетъ и какъ-то невольно заявилъ свое намѣреніе поступать на оный, и въ ту же минуту я узналъ, что мы сошлись въ своихъ планахъ. Имѣя въ виду одинъ и тотъ же факультетъ, мы рѣшились и ѣхать вмѣстѣ въ Кіевскій университетъ, чтобы нанявъ въ Кіевѣ общую квартиру, заниматься вмѣстѣ. Время нашего выѣзда изъ М. было назначено 10-го іюля въ 10 часовъ вечера. Наконецъ наступилъ незамѣтно и день выѣзда. Всѣ наши домашніе ожидали пзвозчика до 11 часовъ, но потомъ, утомленные нетерпѣливымъ ожиданіемъ, рѣшились немного вздремнуть, только я и моя сестра Н. были болѣе терпѣливы. Совершенно приготовленный къ дорогѣ, я сидѣлъ на чемоданѣ, утопая въ мысляхъ о предстоящемъ отъѣздѣ, о времени поступленія въ университетъ, и эти мысли уносили меня въ волшебный и очаровательный міръ. Сестра моя, сидя около окна, устремила все свое вниманіе на меня, какъ бы желая своимъ испытующимъ взоромъ проникнуть въ сферу моихъ мыслей. Ея нѣжное лицо, освѣжаемое по временамъ повѣваніемъ лѣтнаго почного вѣтерка, выражало какую-то неуловимую задумчивость, и ея едва замѣтное періодическое встряхиваніе головой, казалось, выражало желаніе отбросить и разсѣять мысли, которыя наполняли въ эту минуту ея душу. Звукъ подѣхавшаго экипажа вывелъ насъ изъ этого задумчиваго положенія. Мы взглянули другъ на друга, и въ эту минуту неуловимое выраженіе тоски мгновенно отразилось на нашихъ лицахъ. Мы оставили свои мѣста и рѣшились разбудить всѣхъ спящихъ, чтобы совершить обрядъ прощанія. Въ это время ударилъ часъ ночи. Я былъ радъ, что отецъ и мать, находясь подъ влияніемъ сна, распрощались со мной безъ лишннихъ слезъ, которыхъ я всегда былъ врагомъ. Слезы всегда вызывали во мнѣ какую-то досаду, и я уѣхалъ въ этотъ разъ гораздо спокойнѣе по причинѣ ихъ отсутствія.

Нетерпѣливое наше желаніе скорѣе достигнуть мѣста, въ которое мы стремились, дѣлало нашу поѣздку и скучною и продолжительною. Къ счастью, нѣкоторыя случайныя происшествія насъ немного развлекали. На дорогѣ мы приняли еще одного пассажира—еврея, который ѣхалъ тоже въ университетъ, и онъ своими странностями насъ немного развлекалъ.

На половинѣ дороги нанятый нами извозчикъ своими продѣлками часто выводилъ насъ изъ терпѣнія, что и разряжалось бранью. Наконецъ мой спутникъ, выведенный изъ терпѣнія, обратился за содѣйствіемъ становаго пристава, который сильно напугалъ извозчика и тѣмъ заставилъ его измѣнить методъ своихъ поступковъ.

Подѣвжая къ Кіеву, я имѣлъ случай видѣть слѣды страшнаго опустошенія, произведеннаго бурей. Почти на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ дремучіе лѣса испещрялись громадою вываленныхъ разрушительною силою вѣтра деревьевъ. Находившіяся на пути направленія вѣтра деревни съ полуразвалившимися домами представляли не менѣе поразительное зрѣлище, которое увеличивалось печальнымъ выраженіемъ лицъ встрѣчавшихся крестьянъ, пострадавшихъ отъ бури. Лишившись единственнаго пріюта, они расположились цѣлымъ таборомъ на улицахъ полуразрушенной деревни. На четвертый день послѣ нашего выѣзда изъ М., въ 5 часовъ утра мы наконецъ замѣтили позлащенные главы Кіевскихъ храмовъ. Казалось, цѣль была достигнута, и мы находились въ глазахъ города, но много еще пришлось намъ проѣхать, пока мы очутились въ самомъ городѣ. Видъ города меня сильно поразилъ. Я съ восхищеніемъ бросалъ взоры на всѣ стороны и вездѣ находилъ что-либо новое для любопытнаго глаза. Но глазъ человѣческой, по своему свойству, скоро привыкаетъ къ новымъ предметамъ, и стоитъ только разъ пристально всмотрѣться въ новые предметы, чтобы потомъ смотрѣть на нихъ, какъ на вещь давно видѣнную. То же случилось и со мной; все, что прежде поражало взоръ и обращало на себя сильное вниманіе, нѣсколько спустя дѣлалось обыкновеннымъ.

V. Въ Кіевѣ. Первыя впечатлѣнія.

По пріѣздѣ въ Кіевъ, мы остановились на Хоревой улицѣ, на Подолѣ. Вѣхавъ во дворъ постоялаго дома, загромажденнаго множествомъ повозокъ, я, оставивъ своего спутника около тарантаса стеречь вещи, отправился по лѣстницѣ, ведущей на второй этажъ гостиницы, къ хозяину, чтобы занять номеръ и условиться о цѣнѣ; но каково же было мое удивленіе, когда хозяинъ, вышедшій съ видомъ самонадѣянности мнѣ навстрѣчу, указавъ мнѣ на маленькую въ одну кубическую сажень комнатку, потребовалъ отъ меня рубль серебра въ сутки. Это заставило меня не мало задуматься, тѣмъ болѣе, что нельзя было предуга-

дать, сколько сутокъ придется намъ просидѣть въ гостиницѣ до отысканія постоянной квартиры. Съ печальнымъ видомъ я возвращался къ тарантасу и придумывалъ средства выйти изъ этого невыгоднаго для меня положенія. Къ счастью моему, я встрѣтилъ около крыльца какую-то женщину. Я подошелъ къ ней началъ спрашивать о квартирѣ и между прочимъ рассказалъ ей свою встрѣчу съ хозяиномъ гостиницы, и просилъ ее указать мнѣ болѣе выгодное и для себя и для кармана кратковременное помѣщеніе. Она посоветовала мнѣ обратиться къ священницѣ Пил., которая жила недалеко отъ гостиницы, и, имѣя обширное помѣщеніе, отдавала свои комнаты въ наемъ для пріѣзжающихъ. Я не замедлялъ послѣдовать ея совѣту. Войдя въ указанный мнѣ домъ, я встрѣченъ былъ старушкою, которой по виду казалось лѣтъ пятьдесятъ. Это была хозяйка дома. Кроткое выраженіе ея лица, ласковый пріемъ обѣщали мнѣ удачный успѣхъ. Я рассказалъ ей причину своего пріѣзда въ Кіевъ и откуда я прибылъ. Это послѣднее свѣдѣніе произвело на нее пріятное впечатлѣніе, потому что она сама была родомъ изъ тѣхъ же мѣстъ. Мнѣ какъ-то не хотѣлось разочаровываться въ надеждѣ на предполагаемую удачу имѣть за удобную для насъ цѣну хорошее помѣщеніе, а потому я долго не рѣшался открыть ей причину своего визита. Но наконецъ я приступилъ къ дѣлу. Она съ готовностью предложила мнѣ довольно обширную и опрятную комнату и потребовала самую умѣренную плату. Я съ радостью принялъ ея предложеніе и сейчасъ же опрометью бросился на постоялый дворъ, что бы перевезти свои вещи. Устроившись немного въ новомъ кратковременномъ жилищѣ, я съ товарищемъ отправился узнать, гдѣ находится университетъ, и вмѣстѣ увидѣться съ знакомымъ мнѣ С., который жилъ въ университетѣ. Это было въ два часа по полудни. Жаръ былъ невыносимый, какого намъ никогда не приходилось испытывать въ мѣстахъ прежняго жительства. Преслѣдуемый сильнымъ зноемъ, котораго дѣйствіе еще сильнѣе увеличивалось отъ путешествія нашего на гору, которою сообщается Подоль съ Крещатиномъ, я едва могъ достигнуть до половны Крещатика. Почувствовавъ сильное утомленіе, я не могъ итти дальше и принужденъ былъ взять извозчика, который и привезъ насъ къ университету. Величіе зданія и красота архитектуры поразили насъ, и мы невольно простояли около часа подъ стѣнами того зданія, въ которомъ мы должны были довершить свое образованіе. Наконецъ взоръ нашъ насытился видомъ сего зданія, и мы отправились искать моего знакомаго. Но тщетны были наши поиски въ томъ

зданія, гдѣ одинъ житель не знаетъ другого; потерявъ надежду его отыскать, мы отправились на свою квартиру, чтобы утолить голодъ, который замѣтнымъ образомъ далъ себя чувствовать. Послѣ завтрака, горя нетерпѣливымъ желаніемъ скорѣе отыскать С., который бы могъ намъ немало принести пользы въ смыслѣ ознакомленія съ городомъ, я отправился снова въ университетъ. Послѣ долгихъ исканій и разспросовъ, я наконецъ напалъ нечаянно на старика-служителя при студенческой больницѣ, указавшаго мнѣ корридоръ, въ которомъ жилъ мой знакомый. Войдя въ указанный корридоръ, я увидѣлъ множество дверей, которыя меня снова озадачили. Я бросился въ первую дверь и былъ встрѣченъ молодою женщиною, которая меня отправила дальше. Отворивъ вторую дверь, я былъ встрѣченъ четырьмя старичками — служителями больницы, и тутъ-то окончился предѣлъ моего мытарства. Послѣ нѣкотораго совѣщанія одинъ изъ служителей привелъ меня къ дверямъ, отворивъ которыя, я увидѣлъ молодого человѣка въ сѣренькомъ сюртучкѣ, сидѣвшаго въ вольтеровскомъ креслѣ за книгою. Въ немъ-то я и узналъ того, котораго такъ долго искалъ. Въ мгновеніе, когда встрѣтились наши взоры, съ радостнымъ, восклицаніемъ: „ахъ!“ мы бросились другъ другу въ объятія.

Исполненный неописанной радости, что мнѣ удалось наконецъ найти знакомое лицо въ городѣ, я попросилъ его ознакомить меня на первыхъ порахъ съ болѣе интересными видами города. Онъ повелъ меня на площадь, окружающую церковь Андрея Первозваннаго и находящуюся на одномъ изъ большихъ возвышеній города. Картина, открывшаяся моему взору, была восхитительна. Передо мной открылась цѣлая Подольская часть, находящаяся въ долинѣ и омываемая Днѣпромъ. Лучи палящаго солнца, отраженные отъ разнообразно окрашенныхъ желѣзныхъ крышъ и широко разлитой рѣки, образовали чудную картину. Я долго не могъ оторвать своего взора отъ представившагося моему вниманію вида, но невыносимо-сильный зной заставилъ наконецъ почувствовать необходимость искать болѣе прохладнаго пріюта. Сойдя съ этой площади, мы разошлись восвояси, ибо мой знакомый, побуждаемый дѣлами службы, спѣшилъ домой, чтобы устроить все, составляющее предметъ его профессиональной дѣятельности, притти къ намъ на цѣлый вечеръ. Хотя я не былъ еще ознакомленъ съ мѣстностью города, однако, замѣтивъ болѣе рельефные предметы, расположенные на пути къ моей квартирѣ, я, не блуждая, возвратился домой.

На Подолѣ мой взоръ привлеченъ былъ колодцемъ, надъ которымъ устроена статуя Самсона, раздирающаго пасть льва, изъ которой вытекаетъ струя чистой кристаллоподобной воды, служащей самымъ лучшимъ средствомъ для утоленія жажды, вызванной необходимостью взбираться на горы. Около этого колодца всегда можно видѣть огромное стеченіе людей, изъ коихъ часть привлечена любопытствомъ видѣть устройство фонтана, а другая часть—необходимостью прохладиться и освѣжить свои силы. Сію послѣднюю легко отдѣлать отъ общей массы по выраженію лица, которое рельефно представляетъ досаду и нетерпѣливое желаніе скорѣе достигнуть возможности приблизиться къ колодцу и удовлетворить своей жаждѣ. Отъ стремленія каждой личности—приблизиться къ нему прежде другихъ всегда происходитъ толкотня, которая рѣдко проходитъ безъ приключеній. Заинтересовавшись однимъ изъ такихъ приключеній, я вдругъ услышалъ звукъ, который казался происходящимъ отъ одновременнаго удара по нѣсколькимъ колокольчикамъ различной величины. Этотъ звукъ повторился нѣсколько разъ и потомъ умолкъ. Желая узнать причину этого явленія, я обратился къ близъ стоявшей около меня личности съ вопросомъ по этому предмету. Онъ, осмотрѣвши меня съ головы до ногъ, съ замѣчаніемъ, что видно я новичекъ въ этомъ городѣ, объяснилъ мнѣ, что это часы въ Лаврѣ пробили двѣнадцать часовъ. Только-что успѣлъ онъ окончить свою фразу, какъ послышался выстрѣлъ изъ пушки. А это что? спросилъ я его. Это, батюшка—родимый, сигналъ, означающій, что уже двѣнадцать часовъ, и служащій средствомъ для всякаго, имѣющаго свои часы, свѣрять ихъ. Послѣ этого онъ началъ рассказывать мнѣ, кто всѣмъ этимъ занимается и кто ввелъ это въ употребленіе, но я, видя его страстишку высказывать свои знанія, оставилъ его и пошелъ восвояси, чтобы распорядиться на счетъ обѣда, потребность въ которомъ сильно отозвалась въ моемъ усталомъ организмѣ.

Въ 4 часа по полудни явился С., и мы провели время до глубокой ночи въ разсказахъ о прошедшей нашей жизни и преимущественно въ обсужденіи того предмета, который былъ причиною нашего пріѣзда въ Кіевъ. Такъ какъ было уже поздно, мы оставили его у себя ночевать.

На другой день, по просьбѣ нашей, онъ отправился въ городъ отыскивать намъ квартиру. Къ вечеру квартира была нанята, и мы на слѣдующій день, распрощавшись съ своей хозяйкой, переѣхали въ нее. Нанятая нами квартира находилась на Тарасіевской улицѣ въ домѣ полковницы Сув. Она состояла

изъ одной довольно обширной комнаты и, что важнѣе всего, она была недалеко отъ университета. Переѣхавъ на новую квартиру, мы сейчасъ же занялись мыслью о поступленіи въ университетъ. Но мысль эта, насколько радовала и интересовала насъ, настолько, вслѣдствіе неудобствъ жизни, помрачалась обстоятельствами, съ которыми трудно было на первыхъ порахъ свыкнуться.

Мы столовались въ сосѣднемъ домѣ. Скучный обѣдъ нашъ, служа намъ пищею на цѣлый день, былъ недостаточенъ для утоленія голода, и не разъ приходилось голоднымъ садиться за столъ и такимъ же вставать изъ-за него. Чтобы помочь бѣдѣ, мы рѣшились покупать на базарѣ хлѣбъ и масло, которые не разъ служили намъ десертомъ послѣ обѣда, а также ужиномъ и завтракомъ. Но масло, впрочемъ, оказалось для насъ неудобнымъ по неимѣнію сосуда, въ которомъ можно было бы его держать, а также и по неимѣнію мѣста, гдѣ бы можно было сохранить его отъ дѣйствія теплоты; по этой причинѣ оно въ скоромъ времени было замѣнено свинымъ саломъ. Случалось не разъ, несмотря на сильное желаніе ѣсть, отказываться отъ обѣда по причинѣ отвратительнаго вкуса подаваемыхъ блюдъ. Однажды я съ такимъ энтузіазмомъ отскочилъ отъ стола, что едва не разломалъ стула, на которомъ сидѣлъ. Причиною тому была жареная картофель, вкусъ которой явнымъ образомъ указывалъ намъ присутствіе въ ней свѣчнаго сала. Не менѣе этого мучили насъ отвратительныя щи, приготовленныя изъ скорлупинъ гороха, боба и фасоли, которыя напоминали намъ нѣчто въ родѣ ѣды, приготовляемой для рогатаго скота. Отказаться отъ стола было невозможно, такъ какъ мы по неопытности своей заплатили хозяйнѣ за два мѣсяца впередъ. Впрочемъ, мы за мѣсяць сорвали, а за остальные деньги должны были обѣдать у нея до конца мѣсяца.

Первою нашею заботою, обезпечивши себя столомъ и квартирою, было поступленіе въ университетъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля мы, написавъ прошенія, отправились съ ними для подачи. Прошенія были написаны на имя попечителя округа, и намъ казалось, что ему и нужно было подавать. Мы и отправились къ помощнику попечителя, потому что самого попечителя не было въ городѣ. Помощникъ попечителя, какъ это не къ нему относилось, отправилъ насъ въ канцелярію. Много труда стоило намъ, пока мы отыскали канцелярію. Такъ какъ намъ казалось, что всѣ дѣла, относящіяся къ университету, совершаются въ канцеляріи попечителя, то очень возрадовались, увидѣвъ нако-

нецъ вывѣску съ надписью „Канцелярія Попечителя“. Но и здѣсь намъ не удалось осуществить свое желаніе, ибо, пройдя всѣ комнаты этой канцеляріи и обезпокоивъ всякаго попавшагося намъ навстрѣчу, мы наконецъ узнали, что прошенія о поступленіи въ университетъ нужно подавать ректору университета. Искать квартиры ректора мы уже не были въ состояніи, будучи сильно изнурены, и мы отложили свои намѣренія до слѣдующаго дня.

На другой день, въ 10 часовъ, мы отправились къ ректору, который къ нашему утѣшенію жилъ на той же улицѣ, гдѣ была и наша квартира, и мы такимъ образомъ по крайней мѣрѣ избавились отъ невыносимыхъ отъ зноя прогулокъ по мостовымъ города К. Мы вошли въ его квартиру. Первымъ лицомъ, попавшимся намъ навстрѣчу, была его дочь, которая, какъ замѣтно было по обстановкѣ, передъ нашимъ приходомъ занималась музыкой, но, услышавъ наши шаги, встала съ занимаемаго ею прежде мѣста и приблизились къ дверямъ, чтобы насъ встрѣтить, полагая, что мы изъ числа ея знакомыхъ; но наше появленіе, какъ существъ ей совсѣмъ незнакомыхъ, заставило ее отойти на средину залы, гдѣ она, отвѣтивъ мастерски на нашъ привѣтливый поклонъ, указала намъ боковую дверь, за которою въ вольтеровскомъ креслѣ сидѣлъ передъ столомъ, забросаннымъ книгами и бумагами, ея отецъ, исполняющій должность ректора университета. Это былъ старикъ съ довольно симпатичнымъ и пріятнымъ лицомъ германскаго типа. Голова его казалась немного подавшеюся впередъ, что, конечно, произошло отъ умственного усидчиваго труда, свойственнаго лядямъ его положенія. Онъ принялъ насъ благосклонно, съ непритворною вѣжливостью и, предложивъ намъ стулья, завелъ съ нами разговоръ о нашемъ интересѣ. Пересмотрѣвъ тщательно врученные нами документы и вчитавшись въ содержаніе нашихъ аттестатовъ, въ которыхъ, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, было написано, что мы окончили гимназію съ правомъ на чинъ 14-го класса,—онъ наконецъ намъ объявилъ, что насъ будутъ экзаменовать только по русскому языку. Это извѣстіе насъ обрадовало, и въ воображеніи нашемъ снова начала проясняться надежда на поступленіе въ университетъ, уничтоженная предъ тѣмъ рассказами о несчастныхъ случаяхъ, встрѣчавшихъ поступающихъ въ университетъ во время экзамена.

VI. Студентъ Кіевскаго Университета.

Окончаніе университетскаго курса.

1-е августа 1859 года было назначено днемъ испытанія для поступленія въ университетъ. До 1-го августа оставалось нѣсколько дней, которые мы, т.-е. я и товарищъ, посвятили подготовкѣ къ экзамену и разсматриванію города, который своими привлекательными видами увлекалъ наше вниманіе на всякомъ шагу.

Величественность и изящество церквей и строеній, чудно обдѣланныя горы поглощали все наше вниманіе и приводили въ удивленіе. Наканунѣ 1-го числа, я, идя мимо университета, замѣтилъ на дверяхъ его приклеенный листъ бумаги, около котораго суетилось нѣсколько молодыхъ людей. Я подошелъ туда, и первое слово, бросившееся мнѣ въ глаза, была моя фамилія помѣщенная въ числѣ лицъ, приглашаемыхъ къ испытанію. Сильно забилось ретивое при видѣ этого листа бумаги, исписаннаго фамиліями, и дрожь пробѣжала по моему тѣлу при мысли, что въ слѣдующій день рѣшится моя участь. Сейчас же я побѣжалъ на квартиру, чтобы передать видѣнное мною моему товарищу.

Цѣлый вечеръ мы провели въ кругу своихъ товарищей, которые точно такъ же, какъ и мы, заинтересованы были слѣдующимъ днемъ, и одинъ другого старался напугать предположеніемъ случайности неудачнаго экзамена.

Со страхомъ, трепетомъ и усиленнымъ біеніемъ сердца, я, забравъ необходимыя книги и тетради, отправился на экзамень. Войдя въ университетъ, я встрѣтилъ въ корридорѣ огромное множество молодыхъ людей, разбившихся на группы, въ которыхъ была одна и та же тема разговора.

Въ 10 часовъ прибывшій въ университетъ ректоръ пригласилъ насъ въ аудиторію, куда мы бросились опрометью, чтобы занять болѣе удобныя мѣста. Такъ какъ былъ экзамень по русскому языку, по которому мнѣ только и нужно было экзаменоваться, то я, разложивши передъ собою бумагу и перья, съ волненіемъ ожидалъ прибытія экзаменатора. Но не прошло и пяти минутъ, какъ ректоръ, войдя въ занятую нами аудиторію, раздѣлилъ насъ на три группы и для каждой назначилъ отдѣльную аудиторію. Мнѣ пришлось перейти въ ту аудиторію, въ которой экзаменаторомъ назначенъ былъ профессоръ Лениченко, котораго, по строгости его испытанія, всѣ боялись. Но я,

впрочемъ, былъ спокоенъ, потому что могущая неудача испытанія меня не тревожила, во-первыхъ, потому, что я надѣялся на себя, а, во-вторыхъ, я устроилъ себѣ планъ, въ случаѣ невыдержанія, поступить въ вольнослушатели.

Экзаменаторъ не заставилъ себя долго ожидать. Общій говоръ прекратился, и водворилась тишина, прерываемая по временамъ шелестомъ бумаги, приготавливаемой для письма подъ диктовку. Продиктованное было написано, и сочиненіе на заданную тему приготовлено. Мы вышли изъ аудиторіи, волнуемые неизвѣстностью послѣдствій нашего экзамена. Это тревожное состояніе до такой степени овладѣло мною, что я на третій день рѣшился искать квартиры секретаря Совѣта, чтобы отъ него узнать о послѣдовавшемъ результатѣ. Но мнѣ не удалось отыскать его, а потому я и отложилъ свои поиски до слѣдующаго дня.

На другой день, въ 10 часовъ утра, я въ сильно взволнованномъ настроеніи отправился въ канцелярію правленія. Приблизившись къ столику, около котораго сидѣлъ секретарь, я обратился къ нему съ просьбою удовлетворить моему любопытству. Онъ спросилъ мою фамилію, и, пересмотрѣвъ экзаменаціонный листъ, отвѣтилъ на мою просьбу очень лестнымъ выраженіемъ: „Вы зачислены въ число студентовъ по причинѣ очень удовлетворительно выдержаннаго экзамена“. Это извѣстіе до такой степени меня обрадовало, что я съ четвертаго этажа, въ которомъ тогда находилась канцелярія Совѣта, опрометью сбѣжалъ на улицу и быстрыми шагами отправился на квартиру, что бы подѣлиться своею радостью съ товарищами и въ то же время передать и имъ объ удачности ихъ испытанія. На слѣдующій день послѣ испытанія мы устроили у себя пирушку въ честь новаго нашего мундира, въ который мы имѣли уже право облечься. Мы совершенно успокоились и предались разсматриванію города. Но спокойствіе мое было нарушено слѣдующимъ: черезъ недѣлю послѣ нашего испытанія, на тѣхъ же дверяхъ университета, на которыхъ я первый разъ увидѣлъ свою фамилію, я замѣтилъ ее вторично. Мнѣ предстояло новое испытаніе, вопреки увѣреніямъ ректора, который во время моей бытности у него, сказалъ, что мнѣ нужно будетъ экзаменоваться только по русскому языку, а между тѣмъ меня вызывали держать экзаменъ еще по двумъ предметамъ. Не теряя времени, я тотчасъ же отправился къ ректору. Когда я рассказалъ ему о видѣнномъ мною, онъ удивился и приписалъ это ошибкѣ. По его совѣту, я отправился къ секретарю Совѣта, чтобы узнать причину этого

вызова. Отъ него я узналъ, что въ моемъ прошеніи не помѣщенъ факультетъ, на который я желалъ поступить, а потому, чтобы дать мнѣ возможность поступить на какой угодно факультетъ и потомъ переходить съ одного на другой безпрепятственно, меня вызвали къ экзамену изъ двухъ добавочныхъ къ русскому языку предметовъ. Но такъ какъ я рѣшился уже поступить на математическій факультетъ, то и былъ избавленъ отъ лишняго труда. Вызовъ былъ уничтоженъ рукою секретаря, на прошеніи былъ означенъ факультетъ, на который я поступалъ, и я вполне успокоился. Съ неописаннымъ восторгомъ я надѣлъ студенческую форму, и въ моемъ воображеніи засіяло во всемъ блескѣ величіе моего сана. Казалось, въ эту минуту выше меня и важнѣе не было никого въ мірѣ. Итакъ я студентъ университета. Ставши студентомъ, я рѣшился отпраздновать начало новой жизни. Были приглашены товарищи, и мы кутнули порядкомъ. Разогрѣтое напитокомъ воображеніе представило намъ въ эту минуту нашу новую жизнь въ такихъ картинахъ, которыя только встрѣтить можно въ описаніи рая Магомета. Она и дѣйствительно была пріятна, и впечатлѣнія, оставленныя ею, неизгладимы изъ памяти.

Въ самомъ началѣ кругъ моихъ товарищей ограничивался нѣсколькими знакомыми по гимназій лицамъ, а также нѣсколькими изъ нашего курса, съ которыми я успѣлъ познакомиться.

Свободное занятіе, ревность къ труду, обширное поле для мысли и ума поглотили меня въ самомъ началѣ. Я чувствовалъ, что началъ умственно развиваться и идти впередъ быстрыми шагами. Это сознаніе послѣдовательно возвышало меня въ своихъ собственныхъ глазахъ. Занятія шли довольно удачно. Я работалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, которые составляли нашъ кругъ.

28 ноября, когда занятія въ университетѣ прекратились, я, сговорившись съ нѣсколькими товарищами, отправился съ ними въ Р. на праздникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1917 г.

ТОМЪ СТО СЕМИДЕСЯТЫЙ.

апрѣль, май, іюнь.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Житейскія встрѣчи. Сообщ. А. Ѳ. Кони	1—9
II. Момоходомъ. Моя губернаторская эпопея. Сообщ. В. И. Мерцаловъ	14—33
III. Изъ записокъ Н. В. Исакова . Сообщ. П. Н. Исаковъ	46—62
IV. Университетъ пятидесятихъ годовъ (изъ воспоминаній Н. Леваковского). Сообщила О. Н. Леваковская	63—79
V. Воспоминанія И. В. Е. отъ дѣтства до смерти (1841—1869 г.)	153—190

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разказы. — Матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Актъ объ отреченіи	10—11
II. Актъ объ отказѣ	12
III. Николай II о самомъ себѣ. В. П.	13
IV. Цыганка предсказываетъ годъ смерти Александру II . Сообщ. В. Мелега	34
V. Неизданныя письма Н. И. Пирогова Сообщ. С. Я. Штрайхъ	35—43
VI. Княжна Долгорукова (Юрьевская) въ Крыму въ 1880 году. Сообщ. В. Мелега	44—45
VII. Пребываніе А. В. Суворова въ м. Опошнѣ Сообщ. В. Е. Бучневичъ	80—81

VIII. Дневныя записки генерала Патрика Гордона. Сообщ. П. М. Майковъ	82—96
IX. Излеръ и „Минеральныя воды“ въ 1849 г. Сообщ. В. А. Бернацкій	97—98
X. Замятки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецк. войны. В. П.	99—123
XI. И. Г. Головинъ. Императоръ Николай I. Сообщ. Б. Колюбанинъ	124—137
XII. Русская политика герцога Карла Шведскаго Л. Гаусмана	138—152

Приложенія:

Постой нѣмцевъ въ русской церкви.

Библиографическій листокъ (на обложкѣ).

- I. Викторъ Никольскій. Исторія русскаго искусства.
- II. Гр. Мусинъ-Пушкинъ. Н. И. Пироговъ какъ педагогъ.
- III. Сказки-утѣхи досужія, со вступительной статьей Ляцкого.

Сказки—утѣхи досужія. Вступительная статья Е. А. Ляцкого, изд-во „Огни“. Петр. 1916. Стр. 260. Ц. 2 р.

Изд-во „Огни“ выпустило прекрасную книгу, культурная цѣнность которой опредѣляется эпиграфомъ къ тексту: „сказка—въ печали утѣха, въ радости—забава“. Избраны сказки Е. А. Ляцкимъ и М. Н. Чернышевскимъ и снабжены вступительной статьей Е. А. Ляцкого, выясняющаго значеніе сказки, какъ памятника народной словесности, отражающаго преданія родной старины, поэтическія вѣрованія и мечтанія народа, его задушевные идеалы и стремленія. Книга снабжена красивой стильной обложкой и рамкой вокругъ текста (на каждой страницѣ), работы художника Д. И. Митрохина. Собранныя въ книгѣ произведенія народной словесности всѣ принадлежатъ къ циклу старинныхъ сказокъ, хранящихъ преданія древняго русскаго эпоса, величаваго въ своемъ спокойствіи и мудрою саяніи съ природой. Въ концѣ книги даны объясненія непонятныхъ современному читателю словъ. Книга красиво отпечатана въ нѣсколько красокъ и, по нынѣшнимъ цѣнамъ, стоитъ въ продажѣ очень дешево.

С. Ш.

Воспоминанія братьевъ Бестужевыхъ. Записки Н. В. Басаргина. Редакція П. Е. Щеголева. Изд-во „Огни“. Петр. 1917. Стр. 382 и 346. Ц. 3 р. 50 к.

Читатели „Русской Старины“ знакомы съ записками и воспоминаніями декабристовъ. Большинство изъ нихъ въ различное время опубликовано на страницахъ „Русской Старины“, гдѣ печатались также многочисленныя очерки объ этихъ выдающихся людяхъ прошлаго вѣка. Но разбросанныя по разнымъ журналамъ и спеціальнымъ изданіямъ, записки и воспоминанія декабристовъ недоступны читателю, который вълѣдствіе этого лишень возможности ознакомиться систематически съ любопытными памятниками русской литературы и русской общественности. Вотъ почему представляется особенно желательнымъ переизданіе ихъ отдѣльными книгами. Собранныя вмѣстѣ и приведенныя въ порядокъ умѣлою рукою такого знатока и талантливаго изслѣдователя эпохи 20—30-хъ годовъ минувшаго столѣтія, какъ П. Е. Щеголевъ, отрывки изъ записокъ братьевъ А. М. и Н. Бестужевыхъ даютъ читателю яркую картину событій, развившихся вокругъ 14 декабря 1825 года, и блестящія характеристики самыхъ крупныхъ дѣятелей этого движенія. Записки Н. В. Басаргина, выявляющія благородный и скромный характеръ автора, содержащія много интересныхъ сообщеній для характеристики императора Николая Павловича, представляютъ также цѣнный матеріалъ по бытовой исторіи Россіи начала XIX вѣка и по исторіи Сибири за 50—60-ые годы. Въ общемъ, объ эти книги являются цѣннымъ вкладомъ въ литературу о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года, въ которыхъ приняли участіе представители самыхъ родовитыхъ русскихъ фамилій, оставившіе намъ образцы истиннаго патриотизма и самоотверженной любви къ родинѣ. Къ запискамъ приложены вступительныя очерки П. Е. Щеголева объ авторахъ записокъ и примѣчанія, въ которыхъ даются біографическія свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ книгахъ.

С. Ш.

Продолжается подписка на журналъ

РУССКАЯ СТАРИНА

1917 г.

СОРОКЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ОДИНАДЦАТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ТРИНАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городекихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ **Петроградъ**, Фонталка, 18. и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неподученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неподученіи предыдущей. **По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежачій гербовый сборъ

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

1. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, относящіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Голословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „РУССКУЮ СТАРИНУ“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 г.г. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890, 1892—908, 1910 и 1911, и 1913, 1914 г.г. по 9 рублей, 1915 и 1916 г.г.—10 рублей

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„Михаилъ Ивановичъ Семевскій, ЕГО ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.

Съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ перес.
Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул. 7.

